ЕП. ИОАНН САН-ФРАНЦИССКИЙ
(ШАХОВСКОЙ) / ВРЕМЯ ВЕРЫ

ЕП. ИОАНН САН-ФРАНЦИССКИЙ
(Шаховской)

ВРЕМЯ ВЕРЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк

ЕП. ИОАНН САН-ФРАНЦИССКИЙ
(Шаховской)

ВРЕМЯ ВЕРЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк 1954

THE AGE FOR FAITH

by

BISHOP JOHN OF SAN FRANCISCO
(Shahovskoy)

The following material has been included through the courtesy of the Voice of America, the International Broadcasting Division of the United States Information Agency: Part I — "A Talk With the Russian People."

Printed in the United States of America

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Епископ Иоанн Сан-Францисский (в миру кн. Дмитрий Алексеевич Шаховской) родился 23-го августа 1902 года в Москве. Учился в России в Императорском Александровском лицее, и заграницей в Лувенском университете.

С юга России выехал в 1920 году.

Иночество принял на Святой Афонской Горе 23-го августа 1926 года и был послан в Богословский институт Преп. Сергия в Париже. После был законоучителем Крымского Корпуса в городе Белая Церковь в Югославии, настоятелем местной русской общины, преподавателем Пастырской школы и основателем Православного Миссионерского книгоиздательства «За Церковь».

В 1931 году он переносит свою пастырскую и миссионерскую деятельность в Западную Европу, в Париж. В 1932 году назначается настоятелем Свято-Владимирского Храма в Берлине, где остается до 1945 года, совершая, до войны, миссионерские путешествия по всем странам Европы и развивая издательское дело. Во время войны издательское его дело ликвидируется Гестапо, все изданные им религиозные книги, даже издание православной Библии, конфискуются. По окончании войны архимандрит Иоанн переезжает в Париж, и в начале 1946 года — в Соединенные Штаты Америки, где в 1947 году избирается Архиерейским Собором Американской Митрополии во епископа и рукополагается в Нью-Йорке на кафедру Епископа Бруклинского, с назначением деканом Свято-Владимирской Православной Богословской Ака-

демии в Нью-Йорке, на каковой должности остается до своего перевода на кафедру в Сан-Франциско, в 1950 году.

Епископ Иоанн принимает участие, как делегат Американской Митрополии, в главных экуменических конференциях последних лет, заведует Южно-американской епархией и заграничными делами Митрополии.

Епископ Иоанн является автором многочисленных религиозных трудов, часть которых издана в переводах, на английском, немецком, сербском, итальянском и японском языках.

С 1948 года периодически, с 1951 года регулярно, а с 1953 года еженедельно Епископ Иоанн ведет по радио-станциям «Голоса Америки» свои «Беседы о вере», обращаясь к русскому народу со словом о Боге и о Христовой Правде.

За исключением богослужебных и праздничных, в книгу входит целый ряд этих Бесед.

I.

БЕСЕДЫ С РУССКИМ НАРОДОМ

1

О МИЛОСЕРДИИ НАД МИРОМ

Был человек, желавший — как многие — оправдать себя. Он спросил у Христа Иисуса: «кто мой ближний»? И Спаситель рассказал ему притчу...

Шел странник из Иерусалима в Иерихон, и был схвачен разбойниками. Они сняли с него одежду — вероятно, единственное его достояние — и, избив, оставили на дороге.

Вслед за этим бесчеловечьем следует другое, может быть, еще худшее: идущие той же дорогой люди равнодушно проходят мимо этого лежащего, истекающего кровью человека. «Прошел мимо» священник. Левит поступил еще хуже: «подошел», «посмотрел», полюбопытствовал, как страдает и умирает человек, и пошел своей дорогой. В лице этих двух людей мимо израненного человека прошло как бы всё несострадательное человечество. Одна половина этого человечества ранила его и бросила умирать на дороге; другая проходит равнодушно мимо его страданий.

Иоанн Златоуст справедливо сказал: «богатые и сытые, равнодушно взирающие на голодных и нищих, и не помогающие им, равны убийцам». Конечно, равны преступникам и те, которые, имея возможность помочь хотя бы одной жертве преступлений этого мира, проходят мимо человеческих страданий, занятые одним своим благополучием.

В простых словах Христос, знающий сердца людей, открывает всю глубину мрака, сгустившегося над

человечеством, и показывает главный грех всех времен и народов: немилосердие. И когда, вникая в эту истину, мы начинаем ужасаться кромешной тьме нравственного человеческого сознания, — тихая небесная заря — милосердие — восходит над землей. И за нею видно само Солнце Божественной Любви — Христос.

Проезжал тем же путем около Иерихона Самарянин некто и, увидев на дороге окровавленного человека, сжалился над ним. Вот всё, что произошло: сжалился над ним. Всё другое было только следствием этого: один человек сжалился над другим человеком. Свершилось близкое ко всем чудо, через которое самый грешный и слабый человек делается причастником божественной силы, правды и славы.

Жалость двигает больше, чем каменными горами, — она двигает каменными сердцами. «Истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усумнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет» (Мк. XI, 23). Это слова Христа. Жалость в мире — есть чудо. Каменные горы передвигать с их места никому не надо. Истинное чудо есть жалость.

Бог хочет этого чуда, жалости одного человека к другому. Тут сила высшей жизни.

Истинное милосердие всегда просто и деятельно. Оно есть воля, готовая на всякий труд, сердце соглашающееся перенести всякую скорбь, ради любви.

Истинное милосердие деловито. Оно соединяет в себе небо и землю, и помогает не только в чувствах и намерениях, но — сейчас же тут, на этой сухой, пыльной земле меж Иерусалимом и Иерихоном.

Таковым именно было милосердие Самарянина, о котором рассказал миру Христос. Продуманная заботливость его показывает глубину его жалости. По-

дойдя к лежащему на дороге раненому, он тотчас «перевязал ему раны», смягчив их маслом, промыв вином, и «посадив его на осла, привез в гостиницу и позаботился о нем» (ст. 34). Так говорит Евангелие.

После этого Милосердный Самарянин мог бы уехать с чистой совестью. Но нет, — «на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал: «позаботься о нем». Казалось бы, теперь уже всё сделано им. Но совесть этого человека продолжает быть неудовлетворенной: он обращается к хозяину гостиницы и говорит ему: «если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе». Какое излучение истинной человечности.

Ведь все могут поступать «так же» (ст. 33)... Много и сейчас в мире около нас людей, израненных грехом, оскорбленных злом этого мира, лежащих и страдающих на разных дорогах. И можно помочь им.

Я вижу эту небольшую каменную гостиницу Милосердного Самарянина на дороге меж Иерусалимом и Иерихоном. Это малый дом, в нем никто не обитает, но его знают все паломники Святой Земли... Дорога пустынная вьется среди гор, спускаясь к Иерихону. Вокруг — мертвые горы. Это сердца. Кого? Древних? современных людей? Это наши каменные человеческие сердца, Господи! И они алчут воды Твоей Милости и готовы ответить на воду Твою цветами и травами.

Малый дом лежит близ дороги. Приходят сюда люди всех стран и народов и видят эту притчу, которую слышат от Христа. И слово пустынной дороги, мертвых каменных гор, и этот малый дом, говорящий народам о милосердии, — всё остается, как Божественный зов среди мира к человечности человека, к любви и жалости.

2

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА?

«Культура»... «культурные отношения», «ценности культуры»...

Что такое — культура? Самое краткое определение этого слова: любовь к человеку.

Когда мы говорим про человека: «он — культурный», — мы этим хотим выразить целостность и гармоничность его духовного облика.

Конечно, мы иногда ошибаемся, совершенно неверно прилагаем слово «культура» к жизни, к тому или другому человеку; принимаем за гармоничность только ее подобие или даже иллюзию. Не всегда бывают глубоки наши оценки и критерии. Но мир замыслен, как любовь, и гармония достигается только через любовь. И каждому человеку дана возможность выразить в мире любовь. Осуществление ее есть цель жизни и истории... Каждому из нас дан талант любви, и из множества наших отдельных жизней складывается общий облик того или иного народа и всего человечества. Каждый человек ответствен прежде всего за свою жизнь. Себя, свою душу он должен возделать, как сад.

Инженер, врач, земледелец, ученый, политик, общественный деятель, рабочий, кладущий кирпичи, садовник, прививающий плодовое дерево, поэт, утешающий человека, музыкант, выискивающий новую гармонию, — всё это пчелы, работающие в одном огромном улье-мире; они летают по разным цветам, но сладость достижений их идет в общий дом.

Мы, люди, призваны наполнить мир благоуханным садом добрых творческих мыслей и чувств, сладких для всех, а не разъедающим дымом эгоизма, ненависти и зла. В этом высшее осуществление цели жизни нас всех, — Царство Божие.

Каждый из нас, людей (кто бы ни были мы, и где бы мы ни жили, к каким бы странам мы ни принадлежали) свободен пребыть отъединенным от других людей, безлюбовным, замкнутым лишь в одни свои эгоистические интересы, или же осознать смысл жизни, как радость общего всечеловеческого достоинства и совместного достижения целей высшего бытия.

Культура есть труд человеческий, движимый любовью. Не принудительный труд, который есть проклятие, но труд свободный, который есть благословение. Бессмысленны и бесплодны попытки строить жизнь только на материалистических идеях и интересах. Да и никакая идея не может быть материалистической; она всегда будет духовной; только направление ее может быть — к истине или ко лжи. Человек, одетый в одежду только одной внешней технической цивилизации, человек без духовных ценностей и запросов, похож на мертвеца. В нем нет самого главного: духа жизни. Отрицающая Живого Бога, и шипящая ненавистью к человеку не такому, как мы сами, материалистическая лже-культура, хочет покрыть, как лава, цветущую землю. И жизнь каменеет там, где ее покроет эта черная лава утилитаристического, материалистического мировоззрения. Серо, душно, бедно в мире, где есть только игра материальных интересов человеческих, но нет культуры духа и культуры любви. В борьбе за материальную ценность человек умеет добывать «свое право», но не всегда находит в этом «праве» свою настоящую, радостную жизнь.

Есть библейский образ, полный глубокого, мирового смысла: люди строят башню до небес... Они уверены, что «достигнут неба», т. е. своего человече-

ского счастья, «создав себе имя», чрез постройку материальной башни... «Вот построим башню и будем счастливы», думают эти люди. Жалкая мысль! Разве какое-либо количество кирпичей или машин может сделать людей лучшими, более мудрыми, добрыми и близкими друг ко другу, более способными понять и найти свое счастье? Одержимые материальным строительством, видя только в нем цель своей жизни, люди всё строят и строят... Сменяются поколения, башня человеческая всё строится, а земля всё более заливается кровью братьев... Никакое количество этажей материальной цивилизации не может без внутреннего подвига и усилия человеческой души и без благословения Божьего перейти в нравственное качество жизни. Люди не могут из царства необходимости материальной, в которой они живут, сразу перейти, по Марксу, в «царство свободы». Это всё утопия, мираж, соблазн, горький последствиями. Имеет жизнь и бытие лишь то, на чем лежит Божие благословение.

Грозно открывается в мире внутренняя разделенность людей, объединенных только материей и материализмом.

Не приведут к счастью человечество те, которые отрицают основу жизни, Духа Божия, и строят свою культуру лишь на материальных ценностях и материалистических идеях. Единство материалистов призрачно. Даже скованное цепями самого сурового принуждения, оно может каждую минуту разорваться и обратиться в жестокий разброд и разлад, даже в звериную борьбу.

Глубоко чувствовал культуру духа, как культуру веры и любви, Достоевский... Не материализм, раскалывающий человечество и похищающий у человека душу, а культура духовных ценностей каждого народа входит в истинную культуру всего человечества.

Стремясь к последней Христовой правде мира, американец открывает путь к американской культуре, как и русский человек — к русской культуре. Истинная культура есть связь человека с Творцом и со всем миром. И эта связь называется религией. Это связь с высшим миром Бытия, истины и любви должна пройти через все отношения людей и народов. Войти в рояль музыканта, в лабораторию ученого, в тетрадь писателя, в интуицию врача, в руку сеятеля, сеющего на земле хлеб... По холодной проволоке материальных отношений мира должно пробежать тепло жизни. По жилам человечества должна пробежать кровь, соединяющая людей в высшее единство, всё оживляющая и всё отдающая Единому Сердцу — Иисусу Христу.

По культуре добра и духа томится всякое человеческое — и русское — сердце. Напрасно пытаются осуществлять культуру насилием и ненавистью. Она есть дочь любви и свободы.

3

СЛАБОСТЬ И СИЛА ЧЕЛОВЕКА

Апостол Иаков так обратился к людям, слишком самоуверенным в своих человеческих планах:

«Теперь послушайте вы, говорящие: сегодня или завтра отправимся в такой-то город и проживем там один год и будем торговать и получать прибыль, вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь наша? Пар, являющийся на малое время и потом исчезающий. Вместо того, чтобы говорить: если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое, вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло» (Иаков, IV).

Казалось бы, это совершенно бесспорная истина, проверяемая на опыте каждого человека и каждого дня, — жизнь на земле есть «пар, являющийся на малое время». Можно ли строить слишком расчетливо жизнь на этом «паре»? Пар долго не держится, как и земная жизнь. Однако, расчеты человеческие обычно ведутся именно таким образом. В твердом убеждении своей прочности и непоколебимости, человек строит свою жизнь, борется, планирует, — не видя всей шаткости своей в мире, зависимости от непредвиденных обстоятельств, а за ними — всегда и во всем — от Бога. Бог есть хозяин видимого и невидимого бытия, настоящего и будущего (которое есть для нас уже мир невидимый). Мы, люди, так часто «тщеславимся» в своих планах и намерениях! И, вместо того, чтобы говорить, как советует апостол: «ес-

ли угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое», мы сразу, безапеляционно и самоуверенно говорим, что мы это — обязательно сделаем, то — построим и выполним, кого мы непременно победим и одолеем... «Всякое такое тщеславие есть зло»; ибо им мы Господа Бога устраняем из мира; и так как Господь Бог есть истинный Хозяин всего, то мы сами себя лишаем его помощи и благословения. Да, слишком часто люди выражают эту неосновательную мысль, что их жизнь, успех и удача зависят только от них самих; и многие в мире даже хвалятся этим. Но таковые воззрения всё время рушатся пред глазами всего мира; «неожиданные» болезни наступают на людей; стихийные бедствия, землетрясения, физические и психические — войны, от которых все страдают; быстрое разрушение, казалось бы, налаженных семейств и целых обществ, гордых правящих партий и могущественных государств; «преждевременные» (как люди выражаются) смерти, находят на человечество, невзирая на возраст людей, и льется поток людской чрез край этого мира — в вечность. Поколения за поколением исчезают и история прошлых веков остается, как сон, иногда, как кошмар человечества; старые и молодые люди отходят в безвестную даль, уходят неожиданно для окружающих, среди своих планов и начатых дел... Логика человеческих расчетов рушится всё время. И нет вычислений, посредством которых можно было бы предвидеть будущий час и день каждого человека. Жизнь всех сохраняется лишь в Промысле Творца, и пределы каждого определяются только Им.

Но человек всё легкомысленно повторяет свое старое заблуждение, которое было замечено и так хорошо выражено почти 20 веков назад: «сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год»... и т. д. Неизменность житейской логики! Постоянство физических феноменов смены дня и но-

чи, прилива и отлива, всегдашняя горячность огня и холодность льда, — увлекает поверхностную мысль человека к выводу, что и его «завтра» и «послезавтра» с несомненностью и логичностью физических законов вытекают из его «сегодня»... Эту неосновательную мысль и ложную веру в постоянство и прочность земных ценностей и феноменов надо заменить истинной верой, в то, что люди, всегда и во всем зависят прежде всего от решений святой и великой воли Господней. «Если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое» — вот непогрешительная формула, относящаяся к нашему будущему, не только личному, но и всего человечества. Если мы вытесним, хотя бы немного, из своего сознания это неестественное отношение к жизни, вытекающее только из нашего самомнения и самоуверенности, — мы сейчас же увидим всю невозможность и неразумность построений своего будущего только на таком песке, или лучше сказать паре, каковым является наша человеческая воля и наша физическая жизнь, — «Ибо что такое жизнь ваша, — пар, являющийся на малое время и потом исчезающий...»

Но вот, что удивительно: при всей своей слабости и смертности, человек есть, одновременно, и удивительная сила. Не физическая, не материальная, а духовная; огромная, духовно-созидательная, или огромная духовно-разрушительная сила. Человек покоряет горы и океаны, хозяйничает в недрах земли, утверждает свою власть над воздухом, строит быстро и столь же быстро разрушает многое. Будучи физически слабее, недолговечнее и несовершеннее, во многих отношениях, животных и даже растений, он господствует над ними... Откуда у человека такая власть над миром, среди его ничтожества? Откуда у него такая сила над стихиями, среди всей паутинности его жизни? Ответ один — о т д у х а, — от невидимой глазами, его духовной сущности, драгоцен-

ной печати Высшего Разума в нем. Эту сущность и печать силы нездешней пытаются отрицать или, выводить ее существование из материи; однако, сама энергия и сила этого отрицания, в материалистах, идет не от их материи, а от их духа, — пусть слепого и больного, но духа, носящего в себе печать высшего мира.

4

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Что такое физическая, материальная жизнь — это каждый знает, и не стоит об этом говорить. Душевная сторона жизни есть проявление психических эмоций и сил человека. Но в чем его духовная, религиозная сторона? И как эту религиозность, духовность в себе найти, как взрастить ее в себе?

Представьте себе гору, и в горе, в ее центре, — драгоценный камень. Гора хорошо видна всем, а драгоценный камень, который внутри ее, никому не виден, хотя он и драгоценнее горы... Такую картину представляет собою и человек. Материал физический, хорошо всем видный, это его тело; но тело оживлено душой и внутри человека живет сущность его жизни. Драгоценность бессмертного духа, — истинное лицо человека. Тело болеет и умирает, но дух бессмертен, дух не может умереть. Когда мы, люди, стареем, у нас ослабляются все функции организма, слабеет физическое наше зрение, исчезает слух, притупляются душевные наши способности и таланты наши, которыми мы, может быть, блистали, сходят на нет. Но, если в человеке был развит дух, то удивительное явление с ним происходит: дух его не ослабевает, с отмиранием душевного и физического организма; наоборот, дух проясняется, усиливается и как бы входит в свою полноту... Так бывало у всех святых и подлинно религиозных людей. Плотской человек «тлеет», а новый, духовный, религиозный, бес-

смертный, небесный, обновляется, рождается, — как говорит ап. Павел. Это есть истинная реальность... Когда физический организм у верующих в Бога людей ослабевает, в болезнях, или в старости, они не останавливаются на этом печальном явлении, но знают, что в глубине их есть чудное сокровище, драгоценная жемчужина, то бессмертное бытие, о котором говорит Евангелие. «Царство Божие» подобно «драгоценной жемчужине» и — «зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его». (Матф., XIII, 31-32).

Дух у людей часто бывает придавлен земной смертной оболочкой; но если человек обратит внимание на это самое ценное, что в нем есть, — на дух свой бессмертный, и начнет развивать это сокровище, — жизнь такого человека становится духовной, религиозной; духовность начинает преобладать над его душевностью и телесностью. Здесь предлежит человеку подвиг веры. Если человек этого еще не испытал, пусть поверит и увидит. Верьте, братья, Христу Господу, в устах Которого не было лжи, Который есть сама Истина. Верьте всем святым земли больше, чем всем грешникам ее. Святые люди указывают на драгоценность бессмертного духа, а грешные люди отрицают этот дух и принижают человека к куску материи или к животному. Если человек осознает жизнь и драгоценность своего духа, он через это придет к познанию и Духа Святого, Божьего, и познает Небесного своего Отца, Бога... Евангелие, мудрость Христова, зовет к этому... По мере чистоты своего сердца, человек начинает понимать Евангелие и делается ясной для него чудная тайна его собственной жизни — тайна бессмертия.

Д у х, — это великий талант, данный каждому человеку, — даже самому обездоленному в мире. Свой дух мы должны принести Господу очищенным и просветленным. Но, прежде всего, нам надо свой дух обнаружить, найти... Нахождение духа совершается в молитве. Чем человек духовнее, тем молитва его горячее, чище, сильнее; легче воспламеняется, дольше переживается.

Вера в свой бессмертный дух и сознание необходимости его очищения, и сознание своей нравственной потемненности, пред Богом, — есть уже проявление истинной духовности, религиозности. Люди, имеющие опыт очищения духа в раскаянии и приобщении Христовых Тайн в Церкви, имеют опыт духовной «легкости», окрыленности жизни, — словно и тело их становится легким и всякое душевное их чувство приобретает окрыленность; и это вовсе не является результатом простой эмоциональности, но — действия Благодати. Небесное утешение бывает следствием прощения грехов, и принятия Св. Тайн, теплой молитвы или совершения доброго жертвенного поступка. Сделавший бескорыстно добро своему ближнему испытывает небесную радость.

Я коснулся проявления религиозности, духовности положительной. Лицо доброго, чистого и жертвенного человека отражает небесный свет... Но посмотрите на лицо злобствующего, завистливого или скупого человека; посмотрите на того, кто одержим какой-нибудь страстью: тщеславием, алчностью, алкоголизмом, развратом, ненавистью к другому человеку, — вы увидите отражение тьмы, отсвет демонического духа в человеке. Как часто человек делается пленником зла, добычей невидимых духовных разбойников, которые его обкрадывают и склевывают в его сердце все семена добра. Так птицы, из притчи евангельской, склевывают все добрые зерна, бесцельно лежащие при дороге.

Владевший высоким духовным опытом, ап. Павел, говорит о необходимости высшей борьбы за жизнь: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы нам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злой, и, всё преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир. А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите и меч духовный, который есть Слово Божие» (Послание к Ефесянам, гл. 6). Первая и главная наша человеческая борьба идет не в плане материального мира, но против невидимых физическими глазами сил. И наше высшее оружие, в этой борьбе, есть Божия Правда. Правда о Боге, о бессмертной нашей жизни в Нем.

5

СЛУЧАЕН ЛИ МИР? ТАЙНА ТВОРЕНИЯ

Гармония и красота, которую мы видим в мире среди ясного дня и звездной ночи — не могла возникнуть «случайно». Звезды и былинки, цветы и твари, земля и человек, сотворены волей Премудрого и Великого Творца, давшего цель и смысл всему существующему, законы развития, достижения и всё большего совершенства, и бессмертия... Но есть неверующие и маловерующие, есть еще не видящие божественного Разума в творении... Есть еще спрашивающие себя: не случайно ли возник мир?

На вопрос о «случайности» мира, можно ответить без труда, выяснив лишь одно: случаен ли самый «случай»? Обратимся к самой точной науке, математике, она нам ответит на этот важный вопрос. Математика утверждает, что «случайность» в мире также подчинена Закону. Она не хаотична, не случайна, эта случайность! Очень ясно выражает эту истину американский ученый Кресси Моррисон, бывший президент Нью-Йоркской Академии Наук... Он говорит в своей книге*): бросайте десять раз монету на землю, будет удивительно, если она повернется все десять раз подряд решкой; трудно ожидать, что она и одиннадцатый раз тоже так повернется... Возьмите 100 шариков — 99 черных и один белый; положите в мешок, потрясите и выньте один; будет один шанс на сто,

* A. Cressy Morrison, Man Does Not Stand Alone, New York, Fleming H. Revell Company.

что вынутый окажется белым. Шансов, что выйдет еще один раз белый, останется один на сто, но шансов на то, что второй раз он выйдет два раза подряд, будет уже один на 10.000 или (сто на сто). А то, что белый выйдет первым три раза подряд, — уже будет один шанс на сто, помноженное на десять тысяч, то есть один шанс на миллион... Продолжая этот опыт, вы быстро получите астрономические цифры... Математика ясно показывает, что и над «случайностью» есть закон. И это уже не «закон случая», а закон над случаем!

Представьте себе еще, что пятилетний ребенок сел играть в шахматы с чемпионом мира, и, не отдавая себе отчета в том, что он делает, двигая фигурами случайно, ребенок разбивает все расчеты чемпиона и выигрывает. Возможен ли такой случай? Вернее, такая цепь случайностей? Теоретически она, конечно, возможна, но практически шансы против нее так невероятно велики, что она невозможна. Подумайте теперь о том, возможна ли случайность в возникновении элементов неорганического мира, и среди них, органической жизни, и среди нее — мыслящего человека? Возможно ли верить в цепь таких случайностей и в случайность гармонизации между собой всех неисчислимых элементов мира? Возникновение нашей земли и жизни на ней, с точки зрения и математической теории вероятности, есть явление в высшей степени непостижимое, чудесное. Не имея разумного сознания, как могла материя установить, сочетать и уравновесить все бесчисленные элементы, входящие в состав мира и жизни человека? Один взгляд на конструкцию нашей земли уже решает этот вопрос. Ее расстояние от солнца, необходимое для органической жизни, земная атмосфера, живительность солнечных лучей, диаметр земной коры, количество влаги в мире, точно рассчитанное расстояние земли от

луны (будь луна ближе, приливы океанов заливали бы континенты), мера углекислоты и азота в воздухе и в почве; появление гармонически-тонкой структуры человека и то, что он выжил на земле; и многое еще другое, вернее сказать — всё в мире указывает на строгий порядок, план, великий замысел и творческую волю, выявившуюся в мироздании. Столь разнообразно и гармонически сочетавшиеся друг с другом условия, необходимые для возникновения и продолжения жизни на земле, не могли явиться «случайно», в одно и тоже время, на одной и той же планете... Жизнь изошла из великой Мысли Живого Творца.

Что такое материализм? Это — миф о вездесущей, всетворящей и абсолютной материи, одновременно бессознательной и (каким то странным образом) рождающей... всякое сознание в мире!

Вера в такую материю бессмысленна, — и не религиозна, и не научна. Только вера в Бога, Живого Творца жизни, отвечает достоинству человека и величию творения. Наука подводит человека к религии... Но человек остается всегда свободен, душой своей, веровать, или не веровать в Небесного Отца, — открыть или не открыть себя Его великому миру... Наука тут не может ничего душе приказать. Душа сама выбирает себе жизнь или смерть, свет или тьму. Но честное научное знание помогает человеку освободиться от суеверий, — как псевдо-религиозных, так и материалистических.

От этих суеверий только истина Христова очищает сердца (Деян. XV, 19). Только этой истиной бессмертия и блага нескончаемого, оправдывается (Рим. V, 1) жизнь человека.

6

СМИРЕНИЕ ВЫСОКОЙ НАУКИ

Журналист Витман, сотрудник еженедельника «Колльерс», свершил путешествие по миру ученых и рассказал о своих встречах с представителями высшей американской науки. Темой его бесед было соотношение современного научного знания и веры в Бога.

В научном центре Бруксхавена Витман спросил одного ученого: можно ли, с точки зрения науки, учитывать фактор Божественной силы в мире?

«Конечно, — ответил ему ученый, — в физических законах материи и энергии, например, мы встречаемся с реальностью божественного мира. В лаборатории своей мы видим, как исчезает материя, превращаясь в энергию; и мы не можем ничего, ни прибавить, ни вычесть, из общего количества материи и энергии. Откуда же материя и энергия явились? Мы знам только, что мы не в силах их создать. И мы нашли даже законы, доказывающие, что мы этого не можем сделать... А, в то же время, материя и энергия должны были откуда-то появиться... Значит, должна быть Высшая Сила, которая могла их сотворить».

Во время своего странствия по ученым Витман обнаружил во многих из них особое чувство смирения. 10 или 15 лет тому назад наука еще думала, что она держит в своих руках мир, и способна разрешить все вопросы. Один немолодой химик заметил: «Мы думали, что наука — это магия». Но сегодня лучшие

ученые отдают себе отчет, как мало они, в сущности, знают. Желая отодвинуть завесу таинственности, они нашли еще более глубокие тайны.

На заседании ученых в Технологическом Институте Карнеги в Питсбурге Витман слышал, как большие ученые «точной» и «абсолютной» науки, математики, признавались, что наука эта и не точная и не абсолютная.

Если наука сейчас продвинулась вперед, то это, может быть, потому, что некоторые «факты», за последние годы, заставили ее призадуматься.

То, что она считала незыблемо-твердым, оказалось собранием пустот; вещество, которое считала неразрушимым, оказалось не неразрушимым, а превращаемым в энергию.

Джон Далтон, английский химик, дал следующий, как казалось науке, твердый «факт»: «атом неделим, вечен и неразрушим». В действительности же оказалось, что атом не имеет ни одного из этих трех качеств. Евклид тоже дал науке «факт», что «целое всегда равняется сумме его частей». Но, целый атом весит меньше, чем сумма его частей. Физики имели своим прямым основанием принцип достоверности, т. е. что физические законы всегда гарантируют данный результат от данной причины. Сегодня физики имеют новую теорию: принцип недостоверности.

В апреле 1950 года антрополог Пенсильванского Университета выкопал в северном Иране человеческие кости, относящиеся к Ледниковому периоду: доказательство, что современный человек, повидимому, жил в то же самое время, как и те низшие виды, к которым принадлежал неандертальский человек... Это разбивает всю теорию об эволюции человека...

Не удивительно, что д-р Шилт, полушутя заме-

тил: «Мы знали о вселенной 10 лет тому назад больше, чем знаем теперь».

Д-р Екатерина Чэмберлейн, профессор физики в Вэйне, напомнила Витману, что Ньютон сравнивал себя с ребенком, играющим с ракушками на берегу океана в то время, как целый океан истин лежит перед ним неоткрытым... «Мы все еще на берегу океана, — говорит д-р Чэмберлейн, — то что мы знаем, это только мельчайшие частички. А в остальном мы зависим от веры».

Новое настроение смирения делается научным, в глазах ученых, гораздо более, чем прежнее поведение пресловутого в XIX веке ученого «всезнайки».

Кливлендский астроном, д-р Нассау, сказал: «Жаль, что общество смотрит на нас, ученых, как на изобретателей всевозможных приспособлений, почти как на фокусников. Но лучшие ученые и — философы. Наука есть искусство, как поэзия; и она тоже ищет Высшей Истины; она интересуется этическими и моральными вопросами, и вечной целью жизни, чтобы сделать человечество более счастливым».

Витман встречал ученых, которые были слишком скромны и застенчивы, чтобы признаться в таком стремлении к возвышенным целям. Он приводит интересный пример, свою беседу с д-ром Реджинал Хьюитт — паразитологом; вся жизнь этого ученого, фактически, посвящена борьбе против 3-х червячков, которые вызывают тропическую болезнь «филариазис», симптомами которой бывают уродливые опухоли и слепота. Д-р Хьюитт тяжело трудился в тропиках в погоне за этими паразитами — червями, и упорно работал над туземцами в Центральной и Южной Америке, чтобы избавить их от болезни; он производил многочисленные эксперименты с животными, выслеживая червяков в местах их происхождения по всему миру. На его столе в лаборатории Ледерле

можно видеть «карту войны» ученого, — с разноцветными флажками, воткнутыми там, где он нашел своего врага в действии.

В 1945-47 годах, д-р Хьюитт, наконец, изобрел лекарство, которое уничтожает червяков и излечивает болезнь. 400 миллионов людей в тропиках, — пятая часть населения мира, — может теперь не бояться этого производителя уродливости и слепоты.

«Я не вдохновлялся никаким пламенным желанием приносить человечеству пользу, — ответил д-р Хьюитт на вопрос журналиста о том, что его побудило к такому труду. — Я на себя совершенно не смотрю, как на какого-то благодетеля человечества. Всё это я делаю просто потому, что меня это интересует»...

«А Эрлих и Пастер? Были ли они филантропами?» — спросил Витман. «Нет, — ответил он, — я думаю они были просто учеными. Я уверен, что они ставили пред собой только свою научную проблему и стремились разрешить ее»... Но, через несколько минут д-р Хьюитт стал рассказывать Витману о той волне радости, которую он почувствовал, когда впервые применил свое лекарство среди туземцев и увидел, как у 18-ти летней девушки страшно распухшая нога вдруг стала нормальной, а слепой мальчик прозрел.

«Считаете ли вы это простой случайностью, что вы открыли способ помогать людям? — спросил журналист. — А почему бы вам не употребить было вашу энергию на распространение болезни»?

Ученый засмеялся: «Что вы, этого я никогда не сумел бы сделать»...

«Почему же? Ведь вы говорите, что вы не филантроп»?

«Знаете, этого я, как-то, не сумею вам объяснить»...

Несколько дней спустя Витман рассказал об этом

д-ру Нассау и задал ему вопрос: «Почему ученые всегда вообще хотят делать добро»? — «Быть может оттого, что Бог вдохновляет нас», — ответил д-р Нассау.

Роберт Миликан, один из самых больших ученых Америки, так сказал о людях науки: «Насколько мы входим в планы Великого Зодчего вселенной, и что Он предназначает нам сделать — мы этого не знаем; но — мы как-то вовлечены в эти планы: иначе мы не имели бы живущего в нас чувства ответственности».

7

ОЗАРИМ СВОЙ ВНУТРЕННИЙ МИР

Неверие не колеблет глубокой, торжественной и радостной веры в Бога. Человек может, конечно, бросить своей пылью, своей грязью в высокое, чистое небо. Это в его власти и свободе. Но пыль до неба не долетит, грязь, брошенная им, очень скоро упадет на него самого и покроет его.

За несколько столетий до Рождества Христова Пророк Иеремия говорил от Божьего имени людям, делающим в мире зло: «Я изолью на них зло их». Каждый человек пожинает и пожнет в вечности плоды своей собственной воли: высшее благо или мучительную душевную темноту, тесноту и пустоту.

Мы не «верим» только... Мы духовно уже видим (как видим солнце), что Хозяин мира есть Бог, и Он есть духовное Солнце всей жизни. Если бы не было Его, не было бы ничего. Без вечности и бессмертия всё, что в мире — ни к чему и незачем. С Богом — всё осмысленно, получает свой смысл и свою цель. Все трудности, все труды и страдания человека озаряются смыслом, и сама смерть несет в себе свет вечного бытия.

Но как придти к Богу, как выяснить Его волю? Несомненно, человеку дано начало жизни и разума для этой цели: человек призван через свое бытие познавать более и более своего Небесного Отца и жизнь свою соединять с Ним и входить всё более и более в гармонию Божьего Духа, обнимающего всё творение. Человек может, но не своими низшими

чувствами, а верою и духом видеть Бога, слышать истину Его бытия и Его воли внутренним слухом, постигать, понимать, любить Отца Небесного своего. Это именно положено главным смыслом его жизни. Человек призван любить Бога и служить Любви и Истине Божьей среди всех современных преходящих явлений, испытаний, экзаменов земли, готовя себя к высшей эре бытия. «Верный в малом и во многом верен будет». Это поставлено задачей и смыслом земной жизни человека. К выяснению этой задачи направлено всё евангельское учение о жизни, как служении человека Богу и другому человеку в правде Божией.

Чтобы познать Бога, надо, в сущности, только одно: сделаться человеком. Истинный человек всегда видит умом и сердцем Бога, слышит Его слово — и в природе мира и в своей совести, и в ослепительно открывшейся истине Евангелия. Еще Феофил Антиохийский говорил язычнику Автолику: «Если ты скажешь: покажи мне твоего Бога, то я тебе отвечу: покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога. Покажи, что очи души твоей видят»... Когда на зеркале есть ржавчина, то не может быть видимо в зеркале лицо человеческое; так и человек, когда в нем есть грех, не может созерцать Бога (Ад. Аутолик, либ. 1 и 2). Иустин Философ так отвечает на вопрос «может ли ум человека когда-либо увидеть Бога»: «Платон говорит, что таково око ума, и оно дано нам для того, чтобы мы могли посредством него, когда оно чисто, созерцать то истинно сущее, которое есть источник всего постигаемого умом... есть единое прекрасное и благое, внезапно появляющееся в благородных душах, по причине их сродства и желания видеть Его».

Чистый язык Истины мы слышим в словах Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Человеческого. Кто

хочет услышать Бога, тому надо лишь открыть свое сердце перед Словом Иисусовым и вникнуть в него без лукавства и недоверия. Там явлено и открыто всё, что человеку надо знать о Боге и о себе, человеке.

Вникание в Евангелие, проверка себя, своей совести, его светом и молитва просвещают малый человеческий разум и открывают в человеке Высший Разум, который обычно бывает в человеке закрыт, засыпан мелким практическим рассудком. Истина Христова освобождает человека от зла и неведения, очищает и воспитывает внутреннюю глубину в человеке, его сердце, дух... Кто хочет познать истину, тот, прежде всего, должен начать познавать в себе того человека, который в силах ее познать.

8

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ ВЕРУЮТ В БОГА

Почему так случается, что человек, созданный Богом, не верит в Него?.. Не по одной и той же причине люди закрывают себя от Бога.

Наш русский философ Владимир Соловьев справедливо говорил, что есть «честное» неверие, и есть «нечестное». Бесчестное не хочет, чтоб Бог был; оно убегает от всякой мысли о Боге, прячется от нравственных законов святого мира. Злые и эгоистические люди заинтересованы в том, чтобы «Бога не было». Божие бытие, которое, в сущности, есть их спасение, представляется им Страшным Судом, судящим их нечистую и бессмысленную жизнь. Среди таких неверующих есть не только отрицающие Бога, но и охваченные ненавистью к Творцу; чем, конечно, они только подтверждают бытие Того, Кого отрицают. Невидимый, но ощущаемый сердцем образ Величайшей Святыни Творца — связывает эгоистическую и греховную волю человека.

Есть другие неверующие, которые болеют проблемами зла, добра, истины, нравственной жизни. В них нет самоудовлетворенности. В человеческом своем отношении к миру и людям, они хотят блага всем, но надеются достичь гармонии и счастья мира только человеческими и внешними средствами. В этом они, конечно, неправы и слишком оптимистичны. Человеческие средства и силы ограничены. Без помо-

щи Высшего Божественного мира человек не может найти настоящей жизни.

Есть в мире еще бездумное, животное неверие. Жует человек свою жвачку материальной жизни и ничего ему больше не надо. Лень даже подумать о Боге, о своей душе и вечности, ее ожидающей.. Евангелие уподобляет таких людей гостям, которые будучи приглашены к великому и доброму Царю на пир, «словно сговорившись» (аргументы этого неверия не сложны) отказываются от приглашения. Один говорит: «Я купил волов и иду в поле их испытывать, прости меня, не могу придти»; другой делает женитьбу свою предлогом для отказа от Божьего приглашения; третий еще находит какой-то предлог не придти к Источнику Жизни. Люди отказываются от самой главной ценности в жизни, от близости к Творцу, погруженные в свои житейские дела, заботы, радости и печали, не желая поднять свою жизнь над ними, к вечной истине.

Отвергающие Правду Божию, или ее еще не познавшие, люди попадают в клеточки разных партийных, классовых, расовых, национальных и всяких иных личных и коллективных, эгоистических, друг другу в мире противоречащих «правд». Они не видят за своими правдами и над ними единой Божьей Правды. Так живут многие, не понимая того, что вся история человеческая с ее войнами, смутами, кровопролитием и насилием одних людей над другими, — есть только практический и логический результат человеческой жизни, не пришедшей к своему высшему, духовному завершению и просветлению, через подчинение Божьей Правде.

Всякий человек стоит пред Богом всю свою жизнь, — хочет ли он, или не хочет этого. Солнце не спрашивает об отношении к нему. Оно озаряет и согревает мир. Но — не напоенные водою сады сожига-

ются солнцем, и спрятавшиеся в темный подвал своего неверия люди остаются во тьме.

Есть «неверующие», как бы — по недоразумению; это духовно-честные люди, но они себя считают «неверующими» потому, что им внушили, или они сами усвоили себе, — неверное понятие о Боге, о мире и человеке. Такие люди, в глубине своего существа, не против Бога; они Его не знают; они только против неверных, узких понятий о Боге. И в своем искании правды они легко способны познать духовный мир.

Всякий, знакомый с антирелигиозными журналами Советского Союза знает, что их содержание почти исчерпывается тремя идеями: 1) неискренностью — будто бы всех — служителей Церкви, 2) «классовой» сущностью — будто бы всякой — религии, и, наконец, идеей, что «наука несовместима с религией». О безосновательности — и религиозной и научной — этого последнего утверждения я уже говорил, и буду говорить еще. О классовой сущности всякой религии аргументы неверия также неосновательны. Жизнь Вечная нужна всем людям, независимо от их социального положения... Но в аргументе нравственной слабости верующих и служителей Церкви есть основание. Скажем открыто, — мы, верующие и священники, не всегда бываем на высоте своего великого служения Богу. Только антирелигиозники, укоряющие нас в этом, не замечают, что этот аргумент, как раз не антирелигиозный, а чисто религиозный. Это нравственный аргумент, совсем не связанный с материализмом... Во все века бывало, и сейчас есть не мало, по наружности только «верующих в Бога», и «христиан» только по имени. Но разве нравственная слабость тех или иных людей и пастырей может опорочить жизненную силу и мудрость и Свет божественного, евангельского учения?

Евангелие само нам говорит, что даже среди две-

надцати самых близких учеников Христовых оказался один предатель. Это не опровергает истины Христовой; наоборот, еще более подчеркивает ее. Худы ли мы, христиане, или хороши, это имеет отношение лишь к нашему спасению, но не к бытию Божьему. Лжецы и преступники искривляют только свою личность, но не Правду Божью. Плохие работники не унижают работу, а только свою работу. Никакое человеческое лицемерие не в силах потушить свет божественной мировой Правды. «Правда Господня пребывает вовек». И не мало есть, и всегда бывало, людей, которые любят Христову правду больше своей жизни.

Честным неверием было неверие апостола Фомы. Хотя он проявил напрасно свою недоверчивость к словам людей, которым можно было верить, к апостолам, но, пожелав увидеть Христа Воскресшего для уверования своего, он как бы страшился верить от радости... Если Христос воскрес, тогда ведь и жизнь его, Фомы, должна в корне измениться, пойти совсем иначе... Все тогда в нем должно быть озарено этим Светом... И когда увидел Фома истинно Воскресшего Христа и коснулся своими руками Его гвоздиных ран, — он воскликнул радостно: «Господь мой и Бог мой!» И Христос ему сказал: «Ты поверил потому, что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие (Иоанн XX, 29).»

Не мало есть таких людей в мире, среди всех народов. Не имея возможности увидеть Христа своими физическими глазами, они с несомненностью видят Его глазами своего духа, видят близость Божию, любовию и верой. Честное сомнение найдет истину, потому что ищет ее без лукавства. Жаждущие последней правды уже нашли Бога потому, что эта жажда и есть жизнь самой Божественной Правды в людях.

9

ЗРЕНИЕ ВЕРЫ. СВИДЕТЕЛЬСТВО КУТУЗОВА

Познавая Христа Иисуса, человек начинает понимать, что такое Бог. Начинает любить Бога. Как можем мы любить Невидимого, Непостижимого, Великого Необъятного Творца миров? Церковная песнь поет: «Бога человеком невозможно видети, на Него же не смеют чины ангельские взирати»... И продолжает песнь: «Тобою бо Всечистая явися человеком Слово воплощенно»... Бог открылся людям во Христе. Слово Божие воплотилось в Человеке и видимой стала Божия Мудрость и Сила, создавшая всё. Родился Христос. И с этого мгновения всякий человек получил возможность встречать Бога, и — быть с Ним... 19 веков тому назад люди, жившие в Палестине, 33 года встречали Бога, как мы встречаем друг друга. Но не все они узнали Свет Божий в Человеке Иисусе, а только те, чье сердце искало последней правды, жаждало истинной чистоты жизни. Такое сердце было открыто и готово для высшего света и слова. Мы знаем: не все тогда, 2000 лет тому назад, уверовали во Христа и не все веруют сейчас в Божию Любовь, воплотившуюся на земле. Некоторые смущаются еще злом, окружающим их, и думают, что зло должно было бы уйти само, без их усилий, без их веры в Бога... А те, кто веруют, — приносят Богу плод своей жизни и усыновляются. Истина открывается не внешним чувствам человека, не осязанию, не зрению, но сердцу, духу. Жизнию своего сердца живет человек... Некоторые неразумно гово-

рят: мы бы уверовали, если бы нам дали увидеть, удостовериться опытом телесных чувств... Но удостоверение внешних чувств не есть удостоверение разума и сердца. В отличие от животных, человек свои высшие ценности удостоверяет не чувствами тела, а жизнию духа, — верой.

Духовная природа человека возвышается над чувствами. Все мученики за свои убеждения, все герои, борцы за правду в мире и за лучшую жизнь, страдали и умирали, но не отрекались от своих убеждений, от своей веры, надежды и любви. Хотя чувства тела им громко говорили, что страдания их напрасны, но бессмертная душа их убеждала, что высшие ценности, ради которых стоит страдать и умирать, существуют. Такова духовная, не материалистическая природа человека. Мы это особенно ясно видим в героях и праведниках человечества. Дух в них побеждает материю. Светлая вера движет их жизнию и чрез них спасает многих людей и целые народы... Путь высокой веры есть направление, данное всем людям... Даже неверующие в Бога, сами того не понимая и не желая признать, живут верой в своей жизни. Они верят свидетельству других; доверяют другим, и в исторической, и в личной своей жизни. Вся жизнь личная и историческая строится на вере в свидетельство других... Мы, люди, не сомневаемся, что наша мать есть именно наша мать, хотя уверенность наша не покоится на опыте собственных знаний, а держится на вере, на доверии к тем близким людям, свидетельству которых нельзя не верить. И мы правы, что верим им. Истина к нам приходит чрез нашу справедливую веру. Также и знание Бога, Небесного Отца. Для тех, кто еще не имеет личного опыта веры, она приходит и усиливается от праведных свидетелей Божьей близости и любви к людям. Евангелисты Матвей, Марк, Лука и Иоанн, апостолы Петр, Павел и другие верные, не обманывают человечество своим свидетель-

ством Истины. И великое множество подобных им свидетелей живого общения с Богом говорит нам о близости Бога к нам. Для чего же нам упорствовать в мыслях, что мы не дети Отца Небесного? Для чего бессмысленно верить, что мы — дети хаоса, случая, слепой, не могущей даже думать материи? Стоит нам только принять истину, что Бог есть действительный Хозяин нашей жизни, как сразу станет мирно у нас на сердце и мы будем видеть вокруг себя порядок, смысл, разум, красоту бытия. И свою земную жизнь поймем, как большую ценность, идущую от временного и проходящего к вечному... Так понимали свою жизнь лучшие и из отцов русской истории. Пришлось мне говорить вам, моим слушателям, как горячо верил в Бога Суворов, как просвещенно и глубоко защищал веру Ломоносов. Сейчас я приведу вам свидетельство веры прославленного сына русского народа фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова.

Вот что говорит он нам своею жизнью: 8-го августа 1812 г. Кутузов был назначен Императором Александром командующим российской армией, отходившей к Москве. Приняв в Петербурге это назначение, — Кутузов сейчас же отправился в Казанский собор, и, сняв все свои ордена и украшения, долго стоял пред чудотворной Иконой Божьей Матери, молясь — за русский народ и испрашивая помощи. Накануне своего отъезда из Петербурга, он принял благословение в Казанском соборе крестом и иконой. Прибыв в действующую армию, отходившую к Москве, 25-го августа, накануне Бородинского сражения, Кутузов в своем приказе по армии говорит, что «возлагает всё свое упование на помощь Всевышнего»... И приказывает пронести по войскам чудотворную икону Одигитрии (то есть Путеводительницы), вывезенную из Смоленска. Со слов очевидцев (свидетельство которых нашло свое отражение и в «Войне и мире» Толстого), так

описывается это прохождение иконы сквозь ряды армии: «...За иконой, кругом ее, впереди ее, со всех сторон шли, бежали, и кланялись в землю с обнаженными головами толпы военных. Но вот толпа, окружавшая икону, вдруг расступилась. Судя по поспешности, с которой люди расступились перед иконой, к ней подходил кто-то очень важный. И, действительно, это был сам главнокомандующий Кутузов. Остановившись позади священника, Кутузов перекрестился привычным широким крестом, потом достал рукой до земли и, вздохнув, опустил седую голову. За ним стояла свита. Несмотря на присутствие генералов, солдаты продолжали молиться, не обращая на них внимания... По окончании молебна Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колени и поклонился иконе до земли. Он с трудом поднялся и приложился к ней. За ним приложился и весь генералитет».

Кутузова нельзя понять, если не знать его глубокой веры и надежды на Бога. Пред Бородинским боем, в своем приказе, он говорит, что «возлагает всё упование на помощь Всевышнего и на храбрость и неустрашимость русских воинов». А из Тарутинского лагеря 20-го сентября пишет: «Да всесильная десница Божия, управляющая судьбами царств, поможет нам преодолеть врага нашего»... Надо еще сказать, что Кутузова глубоко оскорбляло кощунственное отношение врага к православным церквам и святыням Кремля. Церкви перестали быть церквами. Враг их обращал в конюшни и амбары. Это вызывало великий гнев в Кутузове. Как и многие православные русские люди, он страдал, что святыни кремлевские, Богу посвященные, не оглашаются церковной молитвой. И когда 8-го октября генерал Дохтуров, явившись к Кутузову, доложил ему, что «Москва оставлена неприятелем», престарелый вождь российского воинства, обратившись к образу Спасителя, воскликнул: «Боже, Спаситель, наконец, Ты внял молитве нашей и с сей мину-

ты Россия спасена»... В донесении, посланном Императору Александру по случаю изгнания вражеских войск из России, Кутузов призывает россиян возносить молитву Всевышнему... Верующему человеку нельзя без волнения слышать о мужественной и смиренной вере Кутузова.

22-го февраля 1813 года, из города Калиша, преследуя Наполеона, окруженный почестями, осыпанный наградами, Кутузов пишет своей жене: «... я всё скитаюсь окружен дымом, который называют славою; но к чему постороннему не сделаешься равнодушным? Я тогда только счастлив, когда спокойно думаю о своем семействе и молюсь за их Богу»... Два чувства хранил в себе победитель Наполеона: что слава его окружавшая есть — дым и то, что истинное счастье всякого человека только в Боге.

После первой отечественной войны была выбита в России медаль и слова на ней были: «Не нам, не нам, но Имени Твоему». Это слова псалма: «Не нам, не нам, но Имени Твоему, Господи, дай славу!» — Поистине, славен человек — и народ — который ищет не своей, а Божьей Славы.

10

ТОРЖЕСТВО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ — ТУРГЕНЕВСКИЙ ОБРАЗ

Сто лет тому назад, в 1852 году, вышла одна из самых замечательных книг русской литературы: «Записки охотника» — Тургенева. Рассказы, до того печатавшиеся отдельно, были собраны вместе и, может быть, впервые в русской истории с такою ясностью открылся пред миром образ русского крестьянина, русского простого человека. В реформы шестидесятых годов «Записки охотника» внесли огромный вклад. Тургеневские образы стоят пред глазами всех... Эти Касьяны с Красивой Мечи, эти мальчики с Бежина Луга, эти певцы, Хори и Калинычи живут жизнью, не меньшею, чем жили сто лет назад, а большею еще, — они открылись миллионам своих потомков, а так же и другим народам. И ни один образ из этих тургеневских, может быть, не запечатлелся так в мировой литературе, а также в чутком русском сознании, как образ Луши, Лукерьи из «Живых мощей». Я хочу сейчас остановиться на важнейшей стороне этого рассказа, которую можно было бы назвать откровением души или торжеством бессмертного в тленном, торжеством человечности человека.

Безнадежно больная девушка Лукерья лежит почти без движения в малом деревенском сарайчике, куда ставят ульи на зиму. Там ее, случайно, находит Тургенев. Он знал раньше Лукерью красавицей, невестой...

Оказывается она, перед самой свадьбой своей, упала, что-то повредилось в ней и доктора не помогли; и вот ее положили в сарайчик. Телом своим Лукерья так высохла и потемнела, что в деревне прозвали ее «живыми мощами». Казалось бы, и сознание ее должно было бы «определиться» этим бытием, также почернеть и высохнуть, — если думать материалистически... Однако, этого совсем не произошло, а получилось обратное тому; как нередко происходит с русскими людьми, в опровержение материалистической философии, по которой материальное бытие должно всегда определять сознание человека. С русскими женщинами, особенно, так не выходит. Великое и святое терпение их проверено и веками и последними десятилетиями... Тело Лукерьи почернело, а душа ее просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия... Тургенев стоял пораженный тем, что он увидел: «Возможно ли? Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, — высокая, белая, румяная — хохотунья и плясунья, певунья!»... Седьмой год лежит Лукерья, — летом в плетушке этой, а как холодно станет, относят ее в предбанник. «Кто же за тобой ходит? Присматривает кто?» «А добрые люди здесь есть тоже, — отвечает Лукерья. — Меня не оставляют. Да и ходьбы за мной не много. Есть то, почитай, что не ем ничего, а вода — вон она в кружке-то: всегда стоит припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще действовать может»... «И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?» — «А что будешь делать?.. Сперва очень томно было, а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает». Тургенев удивился тому, что она думает о тех, *кому хуже*. Обычно ведь люди думают о тех, *кому лучше*, и мучаются ропотом, завистью... Но вот живет Лукерья, человек материально более бедный и

обездоленный, чем все пролетарии мира. И не определяется душа ее злом. Не проклинает, а благословляет она творение. «У иного и пристанища нет, — поясняет Лукерья, — а иной слепой и глухой. А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? — многим хуже бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать, да и говорит: тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоем состоянии согрешить можешь? — Но я ему ответила; а мысленный грех, батюшка?»... — Образ подлинной праведницы, сильного духом русского человека встает в этом безыскусственном, правдивом образе Лукерьи. Художник не только выразил жизнь, в ее последней тайне, он открыл человеческую бессмертную душу, не зависящую, в своей глубине, ни от чего внешнего, ни от каких материальных или экономических условий. Лукерья достигла того состояния целостности и высшей простоты духа, когда человек мыслит уже не рациональным рассудком, а интуицией, духом, сердцем своего бытия. Это есть состояние сердечной чистоты, что есть начало уже Царствия Божия в человеке. Лукерья приучила себя не думать, не вспоминать, а только созерцать жизнь. «Спать-то я не всегда могу. Хоть больших болей у меня нет, а ноет у меня в самом нутре, и в костях тоже; не дает спать, как следует. Нет... а так лежу я себе, лежу — полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тут. (Обнаженное восприятие жизни, как бытия!). Смотрю, слушаю. Пчелы на пасеке жужжат, да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдет с цыплятами крошек покле-

вать; а то воробей залетит или бабочка — а мне очень приятно». А зимой «хоть и темно, а всё слушать есть что: сверчок затрещит, али мышь где скрестись станет... Вот тут-то и хорошо: *не думать!* А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их этих самых молитв. Да и что я стану Господу Богу наскучать? О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне Крест — значит меня любит... Прочту Отче Наш, Богородицу, Акафист всем скорбящим, да и опять полеживаю себе безо всякой думочки». Тургенев в каком-то оцепенении слушал Лукерью. В ответ на его предложение перевести ее в городскую больницу, она стала просить ее не трогать. «Я там только больше муки приму... Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна... и словно никого в целом свете кроме меня нету... *И чудится мне, будто, что меня осенит...* Возьмет меня размышление — даже удивительно!»... То, что здесь открывает Лукерья, — есть область религиозного познания. Этого «никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как тучка прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья».

Лукерья рассказала Тургеневу свои глубоко-символические сны, показывающие прозрачность ее души, приблизившейся к порогу Вечности. «Видела я сон, а, быть может, это было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что, так как ты на сем свете много му-

чишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила, теперь наши грехи побеждаешь... А то вот еще, какой был мне сон»... Лукерья увидела свою смерть, в виде странницы; у этого образа было «особенное, постное лицо, строгое, и будто все другие от нее сторонятся; а она вдруг верть — да прямо ко мне. Остановилась и смотрит... И спрашиваю я ее: «кто ты?» — А она мне говорит: «Я смерть твоя». Мне, чтобы испугаться, а я напротив — рада радехонька, крещусь! И говорит мне та женщина, смерть моя: «Жаль мне тебя, Лукерья, — но взять я тебя с собою не могу. Прощай!» — Господи! Как мне тут грустно стало! — И смерть моя обернулась ко мне и стала мне выговаривать... Понимаю я, что назначает она мне час, да непонятно так, неявственно... После мол Петровок!»

Несколько недель спустя Тургенев узнал, что Лукерья скончалась. Смерть пришла за ней — «после Петровок». Рассказывали, что в самый день кончины она всё слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком, и день был будничный. Впрочем Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: «с неба».

Рассказ «Живые мощи», вошедший в сокровищницу мировой литературы, открывает ярко одну из основных истин христианства: с м и р е н н о с т ь д у х а ч е л о в е ч е с к о г о — е с т ь н е с л а б о с т ь, а н е о б ы ч а й н а я с и л а ч е л о в е к а... Мир древний, языческий, не знал этой истины. И современный материализм, обезбоживающий человечество и обожествляющий горделиво-тщеславного, пустого человека, — этой истины тоже не знает. Только религиозной или подлинно художественной

интуицией человек способен увидеть эту истину высшей человечности, как увидел ее Тургенев, в лице многотерпеливой русской женщины. Ее духом, побеждающим все испытания, спасается Русь.

11

СИЛА ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

Всякое ложное учение о Истине — есть змея, всякое восстание на Спасителя Богочеловека — есть смертоносное питье; всё это жалит душу смертельно, отравляет ее и усыпляет на вечность сном отравы. Истина покоит и живит сердце, ложь — мучение сердцу и смерть подлинной жизни сердца.

Всё в мире сем падшем, несущемся к своей последней гибели — ополчается на чистоту Христову. Чего только ни выдумывает мир, чего только ни делают люди, чтобы скрыть от своих сердец свет, сходящий с неба. Не надо быть особо духовным человеком, а только честным и справедливым, чтоб увидеть нашу старую землю, кишащую змеями и сверкающую смертоносными источниками вод. Наш глаз пригляделся ко злу, мы привыкли не замечать опасности, да и Господь, жалея нас, скрывает от нас худшую часть действительности, чтобы мы не изнемогли, сохраняет нас и покрывает. Но Господь не отнимает от нас свободу определения к добру или ко злу, ибо в этом смысл нашей временной жизни.

Искушения зла ведутся в области нашей свободы. Все мы можем устоять, но не все стремимся устоять в истине и чистоте. А враг бесплотный борет нас не ежедневно, но ежеминутно. Устоять от зла можно только, если привязать себя как тоненький прутик к непоколебимому стволу вечной истины и высшей пол-

ноте жизни, — ко Христову стволу. Довериться всецело Тому, в чьих устах от века не было лжи, уверовать во Спасителя и полюбить Его больше своей жизни, поставить Его выше рассуждений своего ума, в случае сомнений, — вот что будет значить возлюбить Бога «более своей жизни». Христос есть Живой Бог спасения, милости и любви.

Предтечи лжехриста, пользуясь для своей цели трудностью борьбы в мире против зла, кричат о «нежизненности» Христова учения. «Требованиями природы» называются требования греха. Тысячами и миллионами люди отдают без сопротивления свои сердца развязному и бесстыдному греху, начиная свое падение чрез укус сердца неверием в будущее праведное воздаяние.

Неверующее сердце слабо и неосновательно пред грехом. Вот отчего вихри мирового зла развеивают веру в мире.

Но, как бы и кем бы ни развеивалась в мире вера в будущий мир Христов, — всякий, призвавший имя Господне, спасется.

Всякий призвавший, поверивший, потекший умирающею душою к чистому источнику Христову, получает от Бога власть брать змей и давить их, выпивать смертоносное и пребывать здоровым. К тому, кто хранит себя, сатана не прикасается смертельным своим дыханием, — бушует вокруг, заходит в самую грудь, сжимает сердце, — но не смеет, не может войти во святое сердце человеческое, и человек спасается своею верою. Верующий просвещенный ум, как огонь, сжигает все ухищрения зла. Благодать Духа, открывающая ему высшие познания, сияет в нем, преображая весь его состав.

Истинная вера не слепа, она не отмахивается от искусительных вопросов и шопотов, она прямо смот-

рит в глаза всякому злу, видит его насквозь и обличает. От этого у истинно верующих людей небесное спокойствие в сердце, блаженная и непоколебимая тишина в душе. Потому что поднялись они над ползающими во прахе змеями и протекающими в этом прахе источниками мертвой воды. Нет уже мертвых вод для того, кто предвкусил радость Воскресения.

12

НАРОДНАЯ ПРАВДА

Народ выражает свою жизнь в эпосе. И это народное голосование более совершенно, чем какое-либо иное. В былинах, сказах и присказках, в бывальщинах и пословицах можно расслышать не только житейскую мудрость, но и глубокую философию духа, теплоту истинной жизни.

Русский народ несет в себе свою вековую надежду на добро, на Божью правду, и простым, ласковым словом пробивается сквозь обступающую его тьму.

«Где любовь, там и Бог, там тишь да гладь, да Божья благодать»... «Где просто, там ангелов со-сто, а где хитро, там ни одного»... «В простых сердцах Сам Бог почивает»... «Живи смирнее, всем будешь милее»...

Корнем зла издревле считает народ эгоцентризм, эгоистическую замкнутость человека только в своих интересах, гордость: «Бог гордым противится, смиренным же дает благодать» (это взято из Св. Писания). «Диавол гордился, да с неба свалился».

Чем труднее жить русскому человеку, тем более он чувствует ценность братского участия и ценит всякую доброту в мире. Сердце, захолодевшее на ветрах и сквозняках мира, согревается лишь активным добром — другого человека и своим собственным. «Час в добре пребудешь, всё горе забудешь». «Добро творить — себя веселить». «Доброму человеку Бог прибавит веку». «Доброе дело на два века, на тот и на этот». «Худо тому, кто добра не делает никому». «За

неблагодарных Бог благодарит», — говорит русский народ, понимая, что подлинное добро бескорыстно и не ищет благодарности ни от кого. Творить добро ради ценности самого добра и по заповеди Господней — вот, что важно. «Своего спасиба не жалей, а на чужое не напрашивайся». «Сей добро, посыпай добром, жни добро, оделяй добром». «Дай, Боже, меж людьми быть побольше любви»!

А вот предупреждение, основанное на опыте жизни: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь». Хорошо знает русский народ справедливость этой пословицы. Доносчики на ближнего своего и клеветники на брата своего столь часто падают в яму, в которую они хотят затащить своего брата, делаются добычей ими же развязанного зла.

Есть законная забота человека о своем жизненном устройстве, но она не должна строиться на несчастьи другого. «Ищи себе прибыли, и другому не желай гибели». Завистникам чужого счастья народ говорит: «Чужой бедой сыт не будешь». Этим с четкостью определена бессмысленность и безумность зависти.

Тем, которые заботились, в прежнее время, больше о церковном здании, чем о живом человеке, образе Божьем, народ говорил: «Не строй церкви, пристрой сироту». «Из-за сирот и солнце сияет». «Сиротская слеза даром на грудь не капает». Реальности Божьего этического суда над человеческими душами народ так выражает: «Не бойся богатого грозы, бойся убогого слезы». И о хищении или эксплоатации ближнего народ имеет такое меткое слово: «Денежка чужая твой рубль сожжет».

Вера в закон высшего нравственного равновесия выражается народом в утверждении: «Не сбывай с рук постылого, отберет Бог милого», или: «Неправедное собрание — прах». Да, несомненно всё, что не имеет корня нравственной жизни, — засохнет, отомрет. Да-

же на поверхности человеческой истории, и в благодарной памяти народной, остаются, как нечто значительное, лишь дела, отражающие веяние высшей божественной правды, на которой держится и ради которой создан мир.

Нужно видеть вокруг себя не только зло и несправедливость в людских отношениях, и не только временное одоление добрых людей злыми, но важно замечать и совершающуюся — иногда очень сокровенно в мире великую победу добра над злом. Победы зла над добром призрачны и кратковременны, а победы добра и самое существование в мире добра, которое является уже его победой, — есть высшая реальность мироздания и общее человеческое богатство.

Мудрыми присловьями и поговорками русский народ облегчает свою жизнь и укрепляет, воодушевляет себя к добру, — среди всех безумных, лживых и злобных слов, которые он слышит. Народ русский знает, что «Бог правду видит, да не скоро скажет»; что многотерпеливый Господь Творец ожидает раскаяния и исправления людей. Правду же Свою говорит Бог не только в делах и судах истории, но и в тихом голосе человеческой совести. И в великом Откровении евангельском, которое провозглашает Церковь. В храмах православных ярче всего выявляется та правда, которую ищет народ. И она отражается в эпосе народном. Вот — былина об Алеше Поповиче,*) — былина о светлом русском богатыре, который, после разных трудностей своего поединка со злым Тугарином Змеевичем, побеждает зло, всем казавшееся непобедимым. Народное сознание себя отождествляет в этой былине с Алешей Поповичем, а чуждую себе

*) Переизданная в сборнике «Былины», Государственным издательством художественной литературы в Москве, в 1952 г.

антирусскую стихию изображает в Тугарине-змие, трехсаженном силаче, грубо похваляющемся, у которого:

Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела,
Конь под ним, как лютый зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит...

Какое точное изображение материализма и тоталитаризма, с его духом ненависти, наушничества и антирелигиозности: «Из хайлища пламень пышет, из ушей дым столбом стоит»! Народ голосует совестью своей за светлого богатыря Алешу, против безбожного «тугаринского» начала. Алеша побеждает зло своим мужеством, умом и сметкой, а главное — надеждою на Бога. Не на свои только богатырские силы надеется Алеша, а прежде всего прибегает к помощи Божьей.

Былина выразительно описывает долгий, трудный, не физический только, но и нравственный поединок Алеши с Тугариным, причем показывает, что все человеческие шансы, как будто — на стороне Тугарина. И весь мир тоже считает, что одолеет Змий Алешу:

... И все за Ту́гарина поруки држа́т
Князи кладут по́ сту рублёв,
Бояра — по пятидесять! крестьяне — по пяти рублев.

А «гости купеческие» даже —

Три корабля свои, подписывают
Под Туга́рина Змее́вича...

За Алешу стоит только вера Православная

«А за Алешу — говорит былина — подписывал владыка черниговский», т. е. только епископ Церкви. Вера Церкви «подписывала» за Божью правду — против всей материалистической очевидности.

Алеша тогда уходит с пира сильных мира сего... И вот он с товарищами:

Садился на добры кони́,
Поехали ко Сафа́т реке́,
Поставили белы шатры,
Стали опочи́в держать,
Коней отпустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал
Молился Богу со слезами:
«Создай, Боже, тучу грозную,
А и тучи-то с градом дождя»!
Алешины молитвы доходны ко Христу.
Дает Господь Бог тучу, с градом дождя;
Замочила Туга́рина крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру́ землю́...

И побежден Змий. Так, в Библии, верующий в Бога и на Бога надеющийся юноша Давид побеждает гордого, славящего только самого себя великана... В глубине жизни, во все века своей истории, и до наших дней, верил и верит многострадальный русский народ в Божью правду и ее конечное торжество в мире.

И мы знаем, и мы верим: «Алешины молитвы доходны ко Христу». И грозная туча сильна «замочить Тугарина крылья бумажные», — эти распростертые над русской землей, и шумящие над русской душой, крылья марксизма, атеизма и материализма.

13

ЧТО ТАКОЕ ЧУДО?

В сороковых годах, скончалась в городе Вараждине, в Югославии, старшая сестра писателя Алексея Николаевича Толстого, — Елизавета Николаевна. Я хорошо знал ее. Незадолго до своей кончины она прислала мне свою рукопись. Вот что она говорит о смысле и значении чуда.

«На нашем языке слово «чудо» соответствует понятию прекрасного, необычного, удивительного. Есть и другое слово, сходное с ним наружно, но в корне глубоко различное, это «знамение», то самое знамение, о котором книжники и фарисеи просили Учителя (Матф. XIII). Помните суровый ответ Его? «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамений и знамение не дастся ему»... Оба эти слова часто смешивают в разговорной речи, подменивают одно другим, забывая, что Спаситель употребляет их раздельно, когда говорит о втором Своем пришествии: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса» (Матф. XXII). Мне кажется, что можно определить их следующим образом: знамение есть громкий глас Божий, возвещающий, предостерегающий, указующий и поэтому явный и ко всем людям обращенный. Чудо, наоборот, есть нечто прикровенное, интимное. И Спаситель, отказавшийся являть знамение, творил чудеса ежедневно, ежечасно. Это был поток любви, неудержимо истекающий от Того, Кто на земле являлся воплощенной

любовью. Чаша сострадательной любви переполняла края, и лилась свободным, сияющим потоком на малых, убогих, обиженных и страждущих во всё время, пока стопы Доброго Пастыря касались нашей убогой матери-земли. А сейчас? Неужели же время чудес миновало? И Тот, Кто смертью Смерть попрал, Кто победил мир, отвел от него свою щедрую руку? Нет более чудес? Да кто это сказал Вам, братья мои? Кто возвел клевету на начало света? Нет, есть чудеса; жизнь каждого человека сплошное чудо потому, что судьба его есть непрестанное действие Божьего о нас попечения и водительства. Не всегда это кажется ясным лишь потому, что заботы, печали и радости, из которых ткется ткань судьбы человеческой, мешают разглядеть ее узор. Но в жизни каждого случаются минуты, когда, раздвинув чадный покров, мелькает ослепительной белизной рука Ведущего. Почему же не все умеют видеть? Почему, даже увидевши, забывают? Я, которая пишу эти строки, свидетельствую, что всякий раз, как мне приходилось в большом обществе заводить разговор о чудесном, большинство присутствующих прилагали свое и выходило так, что почти с каждым бывали «непонятные случаи», «необъяснимые происшествия». Слово «чудесное», — разумеется не произносилось, потому что, как это всем известно, некоторым людям кажется стыдно «верить в сверхестественное», а чудо есть именно то сверхестественное, против которого возмущается мнимо-свободный разум человека. А между тем чудо есть не нарушение, а наоборот действие высших и вечных законов Бытия в нашем преходящем мире. И законы эти действуют среди законов мира материи так же просто, обычно, как и остальные, только люди почему-то не хотят заметить их или, «отметив что-то необъяснимое», быстро забывают, иногда прямо стараются забыть, как будто души, слабые и

тесные, человеческие души, пугаются того Необъятного, которое стучится к ним и которого они не в силах вместить. Но бывает и иначе. Помнит ли кто случай, определивший жизнь знаменитого русского адвоката, Плевако? Был он тогда совсем молоденький студент и такой бедный, что не имел, чем заплатить за семестр в университете. Он искал, хлопотал и всё напрасно... Когда исчезла последняя надежда, вышел он из университета, как потерянный... глядит, а в придорожной пыли ветерок крутит бумажку, те самые 25 рублей, которые ему нужно было заплатить. Да. И Плевако-то ведь, не колеблясь, признал, от кого послана ему эта спасительная бумажка! Конечно, она не с неба упала, а была оттиснута в Экспедиции Государственных бумаг, но разве это меняет дело?

Помню, шла я однажды вечером по улицам Москвы. Темнело. Старик в нагольном тулупе попросил милостыни. Мелочи у меня как на грех не было, один рубль, а ведь нищие на каждом перекрестке. Я прошла. Вдруг меня схватило за сердце, вот хочется дать этому нищему и сама не знаю почему. Я даже внимания на него не обратила. А хочется неудержимо. Даже рассердилась на себя: за чем дело стало? Ну, хочется, так и дай! Велика важность рубль?.. Он принял милостыню, но, ощутив, вероятно, необычный размер монеты, поднес ее к фонарю, вскрикнул и рухнул мне в ноги. И поняла я по этому, за душу хватающему крику, что не мне он, а Богу кланялся, что какая-то страшная, неотложная нужда была утолена через меня, которая являлась Его недостойным орудием. Вот это как бывает, да. Надо лишь открыть глаза души своей, надо приучить слух свой слышать и тогда ясно станет, что мы окружены чудесами, что необъятный мир чудес обволакивает нас, стучится к нам и с неутомимой, смиренной настойчивостью бо-

жественной любви «напрашивается» людям. Потому-то всякий человек, какой бы он ни был, может стать и очень легко объектом чудотворения — до трепета легко! Ведь Христос-то для грешников пришел и следом за Ним святые с особенной нежностью любили маленьких людей. Помните тихую улыбку великомученика Георгия в ответ на наивную просьбу крестьянина?.. «Иди, брат, жив вол твой». Разве такие могут, кем или чем-нибудь гнушаться? Меня всегда изумляло почему это люди думают, что творить чудеса дано одним святым и это вопреки прямому указанию Спасителя: «Если имеете веру в зерно горчичное и скажете горе сей»... Разумеется, зерно горчичное еще далеко не святость, а так себе, зернышко, среди других малейшее...»

Главное чудо жизни есть, конечно, любовь человека к Богу и к другому человеку... И всё, ведущее к этой любви, — есть чудо жизни.

14

О БЛИЗОСТИ БОЖЬЕЙ К МИРУ

Многие веруют, что Господь Иисус Христос *был* в мире, родился в Вифлееме, был распят на Голгофе и воскрес из мертвых... Меньше таких, которые веруют, что Господь Иисус Христос не только *был*, но и *будет* — придет судить живых и мертвых, и «Царству Его не будет конца». Но еще меньше тех, которые веруют, что Господь Иисус Христос не только *был и будет*, но и *есть*... «Се Я с вами во вся дни до скончания века!» (Мф. 28).

Созерцать жизнь Господа Иисуса Христа, в прошедшем или будущем — это еще не означает быть верующим. Прошедшее и будущее всегда отдалено от нас, людей, и не принадлежит нам. Мы живем лишь в настоящем. И, придя в мир, в *настоящее* наше пришел Господь. Через *настоящее Он* входит в нашу жизнь. Сущность веры православной есть живое общение души человеческой с Богом. Это — непрестанный праздник человеческой души перед Живым Богом. Вера наша православна не тогда, когда мы только *помним* Истину, и даже не тогда, когда мы *стоим* перед Истиной, но лишь когда мы стоим *в Истине*.

— «Что есть Истина?» (Ин. XVIII, 39) — спросил Пилат у стоящей перед ним Истины... Если вы у самой Истины вместо того, чтобы любить ее и слушаться ее, будете спрашивать, что она такое, — она будет безмолвствовать перед вами. Но если вы откроете

перед Истиной — Христом — свое сердце, Ему верное, и станете просить Истину — Христа, чтобы он вошел к вам — Истина, Живой Господь, послушается вас и войдет к вам и будет светом ваших очей, силой вашего разума, духом ваших уст, величайшим смыслом и радостью вашей жизни.

Сердце — вне пространства и времени. Соединение его с Господом не зависит ни от каких условий этого мира. Лишь от внутреннего состояния веры, правды, чистоты и смирения человеческого зависит радость соединения человека с Богом.

Дух наш имеет от Бога безмерную глубину, куда всегда готова сойти безмерная высота Божьей Истины. Мы всегда стоим пред сошествием Духа к нам. Как бы глубоко ни пал человек, Дух Святой всегда может легко войти в него и мгновенно озарить его сердце... «Господи, хорошо нам быть с Тобой!» — воскликнул Петр, в простоте сердца, стоя пред Господом на Фаворской Горе. Так восклицают и ныне многие люди на горах и в долинах мира, и в его городах, простым сердцем видя Господа... Хорошо стало ученикам Христовым, когда Дух Святой сошел к ним и они исполнились высшего Богопознания.

Господи, хорошо нам быть с Тобой... всюду! Не вспоминать лишь о Тебе хорошо, не размышлять только о времени, когда Ты жил на земле, как человек, или о том часе, когда Ты придешь, но — главное — пребывать с Тобой хорошо.

В чем начинается наше пребывание с Господом? В желании соблюсти малейшую Его волю, исполнить каждое указание Евангелия, даже каждый намек Его заповеди. Пребывание с Господом выражается и в мире сердца, который «превыше всякого мира»... Он есть «Мир наш» (Ефес. II, 14). Пребывание с Господом есть молитвенная, чистая, небесная радостно-бла-

годарная смягченность правдивого и покаянного сердца. Пребывание с Господом есть живое непрестанное общение с Ним, хождение перед Ним и в Нем.

Сила Духа Святого совершает это, и в уповании Христа на земле, в пребывании человека с Богом среди всех немощей этого мира. Дух Божий огненным языком сходит в сердце, наполняет его жаждой истины и пережигает его, очищая в своем огне... Утешитель, Благой Дух, утешает нас среди нашей печали, и всякую темную нашу скорбь делает светлой. Это и есть уже сошедшая к нам Вечная Жизнь.

Всё доброе, всё святое в мире, рождено близостью Отца и Сына и Святого Духа. Близость Бога к нам так велика, что если бы не было нашей злой воли человеческой, этот мир уже был бы для нас раем!

15

ИСТОКИ МАТЕРИАЛИЗМА

«Материализм» есть вера в материю, признание, вместо Бога и созданного Им мира, — некоей материи, ниоткуда не происшедшей, никуда не ведущей, всё время куда-то текущей, но никуда не притекающей... Материализм есть непостижимая вера в материю... У этой веры есть свои пророки, учители, доктрины, догматы, авторитеты, свое правоверие и неправоверие. Всё, как в религии. Только — наоборот. Религия — к Богу ведет, а материализм — от Бога. Материалисты не знают сами, что такое материя, откуда она, куда она и для чего... Материя есть для материалиста — мертвое божество, без сознания.

«Материализм» рождается из желания людей не верить в Бога. Ведь если признать, что есть Бог-Творец, Живой Отец всего существующего, то надо и жизнь принять как Откровение о радости только в добре, как цели человеческой жизни в вечности. Веровать в Бога, — значит стремиться к высшей любви, любить равно всех людей, как братьев и совершенствоваться в правде высшей, по закону Откровения. Веровать в Бога — это значит не делать себе кумира ни из материи, ни из других людей, ни из себя. Вот это — самое трудное для человечества. Люди любят идолов. Не желая себя приносить в жертву Богу истинному и воскресать в Его Правде, люди себя легко приносят в жертву кумирам. Идол позволяет грешить, и его потому многие любят больше, чем

Бога. Бога не выбирают, как не выбирают солнечный свет. Он сияет, всё озаряющий и согревающий. Идола же всегда человек может выбрать себе, по собственному образу и подобию и, отвергнув одного идола, кланяться другому... И люди, бегущие от истинного Солнца Правды, от источника света духовного и нравственной силы, Бога, пристращиваются и прилепляются к разным кумирам, видимым и невидимым. И злые духи овладевают человечеством и ввергают его в бездну страданий и бед... Одним из последних идолов человечества можно считать материю в ее целом. Раньше идолопоклонники кланялись материи в раздельности: камню — отдельно, дубу — отдельно, золотому тельцу — отдельно, огню и небесным светилам отдельно, изваянию человеческому отдельно... В XVIII и XIX веке, под влиянием французских энциклопедистов и немецких натуралистов, некоторые люди пришли к решению обоготворить сразу всю материю. Это показалось удобным. Безличную материю не нужно любить; не нужно нравственно и терпеливо возвышаться к ней, она ничего не советует, не обличает во зле, не указывает на добро и ничего не говорит человеку; зато сам человек может говорить о ней сколько угодно. Материя не видит и не слышит. Это самое приятное для грешника, человека, убежавшего от Бога. Материя не зовет его к духовному совершенству...

Один из героев Достоевского сказал: «Если нет Бога, то все позволено». Это справедливо. Если человек не сотворен святейшей силой Бога Живого, если он только вышел из неразумной, безличной материи, как мифическая Афродита из морской пены, то, конечно, ему тогда «все позволено». Для него нет тогда, ни добра, ни зла. И всякая партия, и всякое государство, и отдельный человек, могут выдумывать свое добро и свое зло. Теория подходящая для

всех, которые хотят жить не по Божьему закону, а по своему собственному, которые хотят, чтобы их никто не судил, но чтобы они только всех судили... Демонизм кроется в этих материалистических верованиях, несущих безумие и гибель человеческой душе, принимающей материализм, и всему человечеству.

Материализму верит только человек, обманутый злом, или — сознательно не хотящий «чтобы был Бог»... Страшась высшего нравственного суда над собою, люди думают, что можно спрятаться от Бога в материю, в самое даже понятие «материи»... Так страус в пустыне, видя для себя опасность, прячет свою голову в песок. Но куда скроется человек от Бога? Дух Творца проникает всё видимое и невидимое...

Материализм есть не знание, а верование. Научные понятия материалистов, созданные в прошлом веке, отвергнуты наукой новейшего времени. Никто сейчас не считается с выводами Геккеля, Молешота, с мнениями Фогта и Бюхнера, этих классиков материализма, на которых укрепился и марксизм.

Не имеющие сил и возможности научно опровергнуть положения мировых ученых современности, последователи диамата, ученики Маркса, не знают, как им теперь быть, как выйти из тупика. Их диалектика «увертывания от истины» — к точным наукам не подходит.

После войны чествовали в Париже английского ученого Флемминга, открывшего пенисилин. На торжественном собрании в его честь сказали много похвальных слов. Отвечая собравшимся, профессор Флемминг сказал: «Вы говорите, что я что-то изобрел; на самом деле я только увидел, — увидел то, что создано Господом Богом для человека. Честь

и слава принадлежат не мне, а Богу»... Подлинная ученость скромна потому, что она принадлежит не мертвой материи и не лукавой диалектике, а живой душе человека, этому чудному миру, созданному Великим Творцом.

16

О СТРАДАНИЯХ ВЕРЫ

С каким-то совершенно непонятным упорством некоторые люди защищают свое будущее несуществование; борются не за свое спасение от смерти, а за свою смерть. Этот смертоносный дух можно видеть, прежде всего, в отчаявшихся людях. Вот, движимый идеей самоистребления, человек бросается с моста в воду; видящие его безумный поступок, желая человека спасти, бросают ему спасательный круг, веревку, посылают лодку, чтобы его подобрать. Но отчаявшийся отвергает всякую надежду на свое спасение; он отказывается от спасательного круга, отбивается от людей к нему поспешивших, и со всей силой устремляется ко дну, надеясь на пучину, на то, что она его примет, окажет ему милость, осуществит его самоистребление... Какая удивительная надежда может владеть человеком, надежда — на смерть, на ничто! Даже вечной смерти человек может отдаваться всею своей волей и верой!

Отдавшиеся духу гибели, всю свою жизненную силу направляют на отрицание именно этой жизненной силы, своей и других людей. Но воля человека есть избыток жизни; нельзя волей утверждать смерть. Только те, кто верят в избыток Жизни, могут быть провозвестниками истины в человечестве. Естественно, что Христовы Апостолы хотели зажечь верой в Вечную Жизнь всех людей; таково самое существо их веры. Сила бессмертная бьет в них ключом и изливается на мир. Но какое чувство избытка может быть

у верующих в ноль и проповедующих кратковременность и случайность жизни и ее уничтожение? В активности антирелигиозников кроется неразрешимое противоречие.

После октябрьской революции широкая волна антирелигиозной проповеди и активности разлилась по России. Во всех углах страны проповедовался атеизм, вера в черную яму небытия. Эту идею смерти и уничтожения личности антирелигиозники странно выводили из идеи «прогресса», «культуры» и «науки». С такими привлекательными лозунгами они себя и других бросали в объятия духовной смерти. Стали тогда издаваться журналы с яркими обложками, высмеивающие святыню народа: «Безбожник», «Безбожник у станка», «Антирелигиозник» и другие. Много книг, брошюр и статей было брошено в народ для уничтожения религии. Начались в стране антирелигиозные карнавалы, маскарады, шутовские кощунственные игры и процессии. Пошло массовое осквернение и разрушение храмов, монастырей, — великое оскорбление народной души. Не удовлетворенные собственным неверием в Бога, унылые, тоскующие, ожесточившие сердца свои (несчастные, конечно) люди, громко назвавшие себя «воинствующими безбожниками», хотели веру в Вечную Жизнь вырвать из всех человеческих сердец. Это был огромный замысел. «Союз Воинствующих Безбожников» провозгласил себя организацией со всемирным размахом. Члены этого Союза доносили на верующих в Бога, оклеветывали священников, посылали на смерть пастырей Церкви... Молодежь не допускалась в храмы; вытравливалась вера из детских душ! Много верующих стали в те годы мучениками! Начавшаяся борьба против веры была нова для народа; и она прикрывала свою великую неправду частичной правдой, — обнаружением нравственной слабости некоторых верующих в Бога людей и пастырей Церкви. Конечно, были в стране священники, которые

несли свое служение холодно и безучастно, не по заветам Христовым. Заражались материализмом некоторые монастыри... Но не материалистам было на это указывать. Жизнь церковная не всегда бывает на высоте, потому что не все люди одинаковы, по силе своей надежды на Бога; и во всяком своем положении человек сохраняет свободу быть или не быть со Христом.

Когда открылось в России широкое гонение на Церковь и на всякую религию, храмы и монастыри взрывались, верующие и священники тысячами арестовывались и умирали в лагерях, — тогда, именно в эти годы, русский народ ясно увидел, что власть преследует в лице пастырей Церкви не «эксплуататоров народа», но бедняков и «лишенцев», людей, у которых отняты все права и самое право на жизнь. Народ понял, что власть преследует исповедников и мучеников. И воинствующее безбожие потеряло всякую силу в русском народе. Оно стало отвратительно для всех. А Христова Церковь, пройдя чрез самое великое в истории мира гонение, освободилась от двоедушных и малодушных последователей своих. Волна активного мирового безбожия разбилась о русскую землю. И когда настала последняя война, сами неверующие в Бога обратились к Церкви — за духовной помощью стране и народу... Без молитвы и церковного благословения не хотели умирать многие русские воины за свою землю... И живое, искреннее чувство страны стали выражать поэты в словах, полных любви — не только к родине, но и к ее душе.

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как крынки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси».

И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Как будто за каждою русской околицей
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил...

Стали открываться, во время войны, церкви по всей стране... Вспомнила Русь душу свою.

Но миновалась война... Государство, следуя своей материалистической диалектике, то есть принципиальной беспринципности, накренилось в другую сторону. Отказавшись от прежних грубых, ставших отвратительными для народа форм борьбы с религией, оно возобновило эту борьбу в скрытых формах. В школах, в университетах, в партийной работе и в специально созданных для этой цели учреждениях — опять идет борьба против веры и Церкви.

Но «тщетно замышляют люди». И — сеющие ветер пожнут бурю.

17

ЧТО ПЕРЕЖИЛА ЦЕРКОВЬ

Для понимания того, что пережила Церковь и перенесли верующие в Советском Союзе, до начала 2-ой мировой войны, следует взять в руки книгу Я. Глана:

«Антирелигиозная литература пооктябрьского периода. Аннотированный систематический указатель книг, брошюр и журнальных статей по вопросам религии и антирелигиозной пропаганды».

В этом томе, изданном в Москве в 1932 г., Государственным Антирелигиозным издательством, вы найдете, только за период с июля 1930 по ноябрь 1932, — 1365 названий антирелигиозных книг, брошюр, сборников, пьес, статей. Из этого можно видеть, что советский человек, а особенно православный человек, испытал на себе. Какую неправду несло безбожие, на веру в Бога и на душу русского народа. Куда только ни силилось оно зайти; все оно хотело использовать для своих целей, даже то, что не имеет к нему никакого отношения. Вот книга Долева: «За агротехнику, против религии». Какое имеет отношение агротехника к религии? Можно догадываться, что в это время шла борьба против празднования воскресного дня, — борьба, в которой русский народ победил. Вот книжка «Гляди зорко». Антипасхальная программа «малых форм» (для города) показывает, что были и программы «больших форм»; это, может быть, тогда, когда сотни комсомольцев устраивали антирелигиозный маскарад во время светлой пасхальной ночи и окружали

храмы с молящимися людьми своим визгом, играя роль бесов и действительно уподобляясь им. Чем только ни пользовались антирелигиозники, чтобы подорвать веру в русском народе. Атака на веру в Бога и Церковь идет по разным направлениям. Мы видим фальсифицированное и преувеличенное, но также отчасти и подлинное обнаружение всего слабого и недостойного, что было в веках у называвших себя «верующими в Бога», но на самом деле не бывших таковыми. Вера тут совсем не причем, конечно. Нападать на недостатки и нравственные слабости людей, считающих себя верующими, очень легко, этим много занимались и занимаются, но это совсем не опровергает веры. Совершенно очевидно, что Иуда был действительно среди апостолов Христовых. О том, что среди верующих могут быть лицемеры, ярче всего говорит само Евангелие. Бывали слабые духом и среди служителей Церкви. Хотя надо сказать, что в России их оказалось очень мало, по сравнению с числом тех, кто умер в тюрьмах и концлагерях за свою веру, за Божью правду.

Антирелигиозники несправедливы; для них оправданы все средства, ведущие к их цели. Даже беспристрастную науку они хотят заставить служить своим целям.

В статье Львова: «Альберт Эйнштейн в союзе с религией» и в рецензии на эту статью («Н. М.», 1931, № 10) унижается мысль крупнейшего современного ученого, который выступил в защиту религии, в газете «Нью-Йорк Таймс». Автор рецензии говорит, что тезис Эйнштейна о «благостном и чудесном порядке, открывающемся для индивидуума в природе и мире мысли», логически связан с идеалистической «теорией континуума», облекающей у Эйнштейна материалистический общий принцип относительности». Антирелигиозный автор рецензии подчеркивает, что выступление Эйнштейна является одним из ярких примеров

«скатывания всей буржуазной науки к самому открытому богопоклонничеству»... Что можно сказать на это? Конечно, представители самой высокой науки приходят, а вернее сказать, восходят к пониманию все увеличивающейся (по мере научных открытий) тайны мира, как тайны безмерно великого творения Творца.

Гонения на Церковь в Советском Союзе, аресты епископов, ссылки священников, закрытие многих церквей и разорение их, а также особое преследование наиболее влиятельных среди своей паствы священнослужителей и их мученичество, и период лишенства всех вообще служителей Церкви, — весь этот бесчеловечный поход против верующих и самой Христовой святыни в Русском народе, сопровождался и потоком лживых слов, рассчитанных только на неведение людей. Да, много было сказано в Советском Союзе лжи против веры и Церкви. И еще говорится... Уста же служителей Церкви запечатаны. Они не смеют опровергать материализма. Им оставлено право только совершения богослужений.

Как можно объяснить такое беспримерное в истории гонение на веру в Бога, гонение открытое и прикрытое, ведущееся всеми средствами и силами государства, среди народа, который 1000 лет нес светильник апостольской, православной веры?

Объясняется это, мы думаем, тем, что русский народ — один из самых религиозных и доверчивых народов мира; он был большим препятствием на путях отвода от Бога всего человечества. И злой силе надо было подорвать веру прежде всего в русском народе, и сделать его трамплином к обезбожению всего мира. Оттого вся тяжесть гонений на веру в Бога обрушилась именно на душу русского человека. Не где-либо, а в Москве возник «Всемирный Союз воинствующих безбожников». Замысел его потерпел неудачу, но, скрывшись в свое подполье, он доселе продолжает насаждать в народе атеизм и материализм. Борется он

с Предвечным Богом и насаждает духовную тьму. Но душа русского народа крепнет, молитвами Церкви небесной и земной. Душа русского народа выдержала и выдерживает, не становится безбожной, не повергается в прах пред прахом материи. Многие русские люди хранят себя в благодатной помощи Божьей, пройдя чрез горнило великих испытаний. Следуя голосу своей совести и заветам своих предков, русский народ открывается все более и более Божьим зовам. Гонители, призывавшие к поклонению праху материи, в этом прахе повержены, исчезают один за другим. А Церковь Христова, явная, в колокольных звонах своих, и тайная, в сердцах людских, — живет и ширится, и светит, и укрепляет русскую душу, поднимающую взор свой от праха к Небесному Свету.

18

М. В. ЛОМОНОСОВ — ЗАЩИТНИК НАУКИ И ВЕРЫ

Среди книжек, выпущенных Издательством «Правда» в Москве в 1951 году, есть брошюра некоего Прокофьева: «Непримиримость науки и религии». На 17-ой странице этой брошюры основоположник русской науки, М. В. Ломоносов именуется «философом-материалистом». А на 18-ой странице выступления Ломоносова в пользу теории Коперника называются «атеистическими» выступлениями. В действительности Ломоносов был не только большим ученым и поэтом, но также и просвещенно-верующим человеком, даже защитником веры в Бога.

В молодости он хорошо читал и пел в храме на клиросе. Был период, когда он мальчиком целый год увлекался одной из северных поморских религиозных сект, но потом вернулся к своей родной матери Православной Церкви, на всю жизнь. Да, конечно, Ломоносов защищал теорию Коперника; но его защиту теории Коперника совсем нельзя назвать «материализмом»; наоборот, это была яркая защита как науки, так и религии... Вообще, никакая научная теория не может, сама по себе, ни доказывать, ни опровергать Божественной истины, потому что наука совсем другая область познания, чем религия. Только мало образованные люди, из неверующих, и из самих верующих, иногда неправильно думают, что наука будто бы «противоречит вере в Бога» и вера в Бога «отрицает на-

уку». На самом деле наука, и религия, — две разные и одинаково законные области человеческой жизни. Они могут одна другую пересекать, но противоречить друг другу не могут.

Так думал и Ломоносов... Вот, что он говорит, предвосхищая воззрения многих больших ученых наших дней: «Природа и вера суть две сестры родные, и никогда не могут придти в распрю между собою. Создатель дал роду человеческому две книги: в одной показал свое величество, в другой свою волю. Первая книга — видимый сей мир. В этой книге сложения видимого мира, физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных в натуру влиянных действий суть тоже, что в книге священного писания пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет божественную волю вымерять цыркулем. Также не здраво рассудителен и учитель богословия, если он думает, что по псалтыри можно научиться астрономии или химии». Кто действительно интересуется воззрениями Ломоносова, тому надо, конечно, читать не брошюры, изданные теперь в Издательстве «Правда», а книги самого Ломоносова, особенно страницы его поэтических произведений.

Словно предчувствуя, что через два столетия про него будут писать, что он был «материалистом», Ломоносов слагает такие строки, в переложении псалма 26-го:

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к Тебе взываю,
И сохрани на всякий час:
К Тебе я прибегаю....
Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницей покрывай
От клеветаний ложных...
Ко свету Твоего Лица
Вперяю взор душевный,

И от Всещедрого Творца
Приемлю луч вседневный...

Сколько у Ломоносова таких строк! Его классическая Ода об Иове начинается:

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек...

Удивительно для своего времени, первый русский ученый говорит о реальности творения Божьего мира. В одном из лучших своих литературных произведений, в послании к Шувалову — «О пользе стекла», сочетая глубокую научность и высокую поэзию, Ломоносов высказывает даже упрек церковному философу 5-го века, Августину, за то, что он, желая от науки доказать Бытие Божие, приводит в пользу этого утверждения только научно слабые данные своего времени.

Ломоносов радостно говорит, что доказательств Бытия Божия в его время гораздо больше, чем было во времена Августина:

О коль великим он (т. е. Августин) восторгом
бы пленился
Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
Под нами жителей, как здесь не отрицал,
Без математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка напрасно он не верил...

Во зрительных трубах стекло являет нам,
Колико дал Творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет...
Коль созданных вещей пространно естество!
О сколь велико их создавше Божество!
О коль велика к нам щедрот Его пучина,
Что на землю послал возлюбленного Сына!
Не погнушался Он на малый шар сойти,
Чтобы погибшего страданием спасти.

Своим философски-проницательным умом Ломоносов видит, что для Творца не существует, конечно,

наших маленьких человеческих пределов и масштабов, что Творец выше даже всех наших земных понятий и о «малости» и о «великости» пространственной.

Чем меньше мы Его (т. е. Бога) щедрот достойны зримся,
Тем больше благости и милости чудимся!
Стекло приводит нас чрез оптику к сему,
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем не ложны,
Поставлены Творцом; другие невозможны...
Но в нынешних веках нам микроскоп открыл,
Что Бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкой кит,
Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик Создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей скудели тесной!

Что бы сказал Ломоносов в наши дни, когда пред его взором, уже вооруженным не простым, а электронным микроскопом открылись бы новые тайны материи?..

Все это, мы видим, не то, что хотел доказать Прокофьев в своей брошюре о «Непримиримости науки и религии».

Восхваляя Коперника в очень хороших, для своего времени, стихах, Ломоносов говорит, что мы, люди, одаренные разумом,

В безмерном углубля пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной,
Везде божественну мы мудрость почитаем.
В благоговении весь дух свой погружаем.
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что Бог устроил нам в безмерной глубине...

Ломоносов гениально убежден, что чем далее наука идет вперед, тем она все больше открывает Божие

величие в творении... Так думают и лучшие ученые наших дней.

Для гробницы знаменитого писателя и деятеля Русской Церкви 17-го и 18-го века, прославленного Дмитрия, Митрополита Ростовского, Ломоносов составляет надпись:

«Всемогущий и Непостижимый Бог, чудными искони делами, явил Святую Свою великолепную славу и во дни наши. Новыми чудотворениями в России просиявшего, здесь почивающего святого мужа, преосвященного митрополита Димитрия Ростовского и Ярославского, отдавшее Божие Богу: верою, кротостью, воздержанием, учением, трудолюбием»... Оканчивается эта надпись обращением к людям, ложно верующим и неверующим — одинаково не понимающим духа и сущности религии, видящим в мире лишь одну материальную оболочку вещей:

О вы, что Божество в пределах чтите тесных...
Вперите мысль, чему Святитель сей учил!
Что ныне нам гласит от лика горних сил.
На милость Вышнего, на истину склонитесь,
И к матери своей вы церкви примиритесь...

И гробницу самого Ломоносова было бы справедливо украсить этими его стихами.

19

ГАРМОНИЯ ТВОРЕНИЯ

В саду южной Калифорнии я как-то увидел большую оранжевую бабочку, с черным, непогрешительным, в своей точности, двойным рисунком, на крыльях; это была удивительная красота среди зелени, света и цветов, — песнь Богу в цветах и красках. В тишине кроткого, чистого, покорного Богу творения возносилась эта песнь и светилась эта премирная красота... Она показывает себя уже в этом мире, и хочет воскрылить унылую, тяжелую душу человека к небу.

Бабочка, — такое же откровение Божьих перст, как и северное сияние, полевая лилия, птица. Указывая на них, Спаситель говорил: «Посмотрите на птиц небесных... Посмотрите на лилии полевые»... — значит все создано, чтобы мы на это смотрели и научались бы видеть в материальном мире Божию Мудрость, Милость и Силу. Никакая дисгармония падшего человечества, никакие наши преступления человеческие не могут затмить красоты Божьего мира. Из глубины своего нравственного неустройства люди призваны вникать в красоту творения и переводить ее в область духа; и так должна открываться человеку новая, более совершенная гармония бытия, в дарах Духа — в смирении, в вере, надежде, правде, чистоте, преданности и любви к Богу и человеку, — от всего сердца, воли и разума... Смягчается сердце среди гармонии творения.

В своих «Размышлениях о Божественной Литургии» Гоголь справедливо говорит, что «Бог предоста-

вил, как лучшее из наслаждений, наслажденье молиться, ибо ничего не совершает Бог и ничему не благодетельствует, не делая участником в самом совершении и в самом благодеянии своем свое творение»... Это верно. И к молитве человека ведет красота видимой природы. Всякая гармония, открывающаяся в природе и замечаемая в отношениях между людьми, ведет к познанию высшего мира и к молитве. Она открывается человеку и в храме природы и в храме построенном человеческими руками, для прославления Бога в красоте.

Гоголь говорит: «действие Божественной Литургии над душою велико: зримо и воочию совершается, в виду всего света, и скрыто. И если только молившийся благоговейно и прилежно следит за всяким действием, душа приобретает высокое настроение, заповеди Христовы становятся для него исполнимы... По выходе из храма, где он присутствовал при божественной трапезе любви, он глядит на всех, как братьев. Примется ли он за обыкновенное течение своих дел в службе ли, в семье, где бы ни было, сохраняет невольно в душе своей высокое начертание любовного обхождения с людьми, дружелюбнее, тише во всех поступках. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собой, то сокровенная причина тому есть божественная Литургия, напоминающая человеку о святой небесной любви к брату... Всех равно уча, всем говорит одно, всех научает любви, которая есть связь общества»...

Гоголь верит и знает, что жизнь человека после смерти не прекращается; она становится гораздо более интенсивной и яркой, — для тех, кто жил и хочет жить Божьей Милостью и Правдой. Молитву Гоголь понимает, как любовь... Это верное понимание истинного общения с Богом. Молитва есть явление высшей человеческой общительности.

На всех концах земли совершаемая Литургия, говорит о божественном, гармоническом бытии, которое является целью земной жизни.

И то, что несет цветок или бабочка в саду, то, в разуме и духе совершает человек, открытый истине Божественного Бытия.

20

ОТ МАРКСИЗМА — К ИСТИНЕ ХРИСТИАНСТВА (ПАМЯТИ ФРАНКА)

Одним из самых больших русских философов 20-го века следует считать Семена Людвиговича Франка, скончавшегося 10-го декабря 1950 года в Лондоне. Наиболее творческий свой период жизни Франку пришлось провести заграницей. В начале 20-х годов он был выслан из Советской России вместе с большой группой русских ученых, писателей, философов, деятелей искусства и общественников. Эта высылка с родины для него, как для всех других, оказалась не только физическим спасением, но главное — спасением его творчества, самой возможности мыслить, писать, свободно печатать свои произведения и развивать свои идеи. Франк принадлежит к блестящей плеяде русских мыслителей первой половины 20-го века, прошедших чрез увлечение марксизмом, чтобы до конца своей жизни остаться верным религиозному христианскому мировоззрению и тому истинному реализму, который утверждается не на ненависти, а на любви; на том основании, которое заложено в самой природе человеческой, созданной для возвышения и просветления. Книги Франка, его полная проблем современности мысль — есть ценность всего русского народа. Придет время, когда эта мысль будет изучаться на университетских кафедрах России. Главные труды Франка: «Предмет знания», «Душа человека», «Крушение кумиров», «Духовные основы общества», «Смысл жизни», «Не-

постижимое», «Свет во тьме» (опыт христианской этики и социальной философии), «С нами Бог»... Целый ряд трудов его переведен на иностранные языки. В одной небольшой социально-философской работе, — «Материализм, как мировоззрение», Франк говорит: «Материалистический реализм есть ложное откровение бессилия и ничтожества человека, и именно в нем всякий человеческий идеал становится бессмысленной утопической фантастикой»... Сильнее ли человек с его стремлением к добру и разуму всех слепых и мертвых сил мира или эти мертвые силы сильнее его и побеждают его неизменно»? Франк отвечает на этот вопрос так:

Если «весь человек со всеми его лучшими устремлениями, есть только земля, прах и пыль», то, при такой вере, «все достижения человека — лишь карточные домики, разлетающиеся от малейшего дуновения»... Материализм только — «воображает, что он есть философия бодрости, юная сила, плодотворная активность»; на самом деле он только «хочет быть такой философией» оставаясь в существе своем, «проповедью бессилия, вечного унижения человека, его творческого духа»... В основе материализма, как мышления, лежит вера в безличное начало материи. «Свобода воли, не говоря уже о возможности притока высших Благостных сил, отвергается материализмом, как фантастика». Человек, учит марксизм, «есть целиком и насквозь — продукт условий своей жизни, среды и действующих на него и в нем внешних слепых сил». Так утверждает марксизм, а одновременно, в государстве, строящемся по Марксу, от человека, этого праха материи, не только требуется «величайшая активность, воля к преодолению всех сил, препятствующих победе его разума, его стремления к правде, но и утвеждается, что этой активности заранее обеспечена в мире победа».

«Как согласовать одно с другим»? — спрашивает Франк и отвечает: «Материализм в лице марксизма делает попытку обойти это противоречие своим учением о том, что «пролетариат» самой случайной и слепой силой экономических условий своей жизни доводится до того, что оказывается носителем прогресса, победоносным осуществлением правды и разума в человеческой жизни. Но надо быть уже совсем ослепленным своей верой, — чтобы успокоиться на таком легком и обманчивом объяснении. Разве из наблюдения самой жизни не уясняется, что пролетариат, как всякий класс, как все люди вообще, отравлен пороками, подвержен слабости и бессилию, поскольку он есть только «продукт» внешней экономической жизни? Разве рабочим, просто, как людям, не присущи в той же мере лень, эгоизм, мелочность, невыдержанность воли? Разве для того, чтобы стать героями и подвижниками, им не нужно самовоспитание, борьба в себе самих с слепыми, темными силами, обрекающими их на вечное рабство?.. Откуда же они возьмут сил для этой борьбы, если — только одни — косные и слепые силы мертвой материи исчерпывают все их бытие»?

Бывший марксист, Франк остро вскрывает и верно показывает неправду материалистической философии. Конечно, идейных марксистов в мире теперь мало; и в самом Советском Союзе вероятно не так уж много верующих в Маркса. Марксизм стал казенной псевдо-религией, официальным верованием определенного государства; он внедряется в людей не силой свободной дискуссии, а государственным аппаратом и всеми его средствами. Изучать Маркса в Советском Союзе приходится многим, но любить его материалистические, — в сущности убийственные, взгляды на человека и на общество, — вряд ли кому-нибудь возможно.

Усыпляет человека не религия: истинная религия вдохновляет, укрепляет и зовет людей к высшей и

светлой активности; усыпляет — и можно сказать на смерть усыпляет человеческое сознание именно марксизм и материализм своей идеей, что человек есть плод лишь случайности мировой, неизвестно откуда явившейся. Если верить, как Маркс и Ленин, что человек есть лишь аггрегат, мешок клеточек и атомов, неизвестно кем насыпанный, то как тут может возникнуть понятие живой личности человека? И тем более идея ответственности этой личности перед обществом и государством? Марксизм призывает бороться за счастье человека, но он не верит в самого человека, в неповторимую его душу не верит. Душа, по Марксу, — функция материи; нечто меньшее, чем мыльный пузырь. Марксизм внушает людям кошмар небытия, веру в смерть без воскресения. Откуда при такой вере взять человеку силы для творческого труда, для правильной оценки своей и всей социальной жизни и ее задач? Как может у человечества родиться надежда на «лучшую жизнь» если сам человек есть — бессмысленная песчинка бессмысленного бытия? Ради чего тогда вся эта земная суета, энтузиазм, возбуждение людей и прославление вождей, если все оканчивается черной ямой небытия?.. Материализм, это — убивающая человечество и самоубийственная теория.

Смысл жизни можно увидеть только, если религиозно поверить в вечную и высшую Жизнь, которая уже светится в этом мире; если полюбить ее тут на земле, эту вечную жизнь, и понять, что человек не умирает, сущностью своей, что есть у человека будущность и истинный, вечный Отец — Бог; а земля есть лишь ступень и школа вечности, где учатся и готовятся к высшему бытию. — Тогда откроется смысл и устроения лучшей жизни на земле, как выявления наибольшей свободы добра.

Согласно конкретному реализму русских христианских мыслителей, к которым принадлежит и Франк, человек не белка в колесе; жизнь его в мире не коло-

вращение в пустоте. Нет, жизнь человека полна глубочайшего смысла. Это доказывает своими книгами, своей честной мыслью и своей жизнью Франк.

Осенью 1949 года, в Лондоне, я Франка видел в последний раз. Ему шел уже восьмой десяток. Он был физически слаб, но духовно бодр и просветлен... По его просьбе, я исповедал и приобщил его Святых Христовых Тайн. С верою, кротостью и любовью, этот большой русский мыслитель принял Святые Тайны, исповедуя перед Христом, Солнцем Правды — торжественную надежду своей жизни... Через год он ушел совсем в эту вечную жизнь, к которой готовился, которую знал и возвещал другим.

21

ТОРОПИСЬ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Горе человека наших дней в том, что он постоянно, всегда торопится, часто бессмысленно и бесплодно. Человек переворачивает горы своей энергией. Воздвигает и разрушает целые города в очень краткие сроки. Но если мы вглядимся в энергию многих людей в разных странах и посмотрим на ее последствия, мы увидим, что она не увеличивает добра в мире. А иногда сильно увеличивает зло. И борьба с самим злом делается бесплодной, если она не являет в мире подлинного добра.

Жизнь людей стала и становится все более торопливой... Все бегут, боятся куда-то не успеть, куда-то опоздать, кого-то не застать, что-то пропустить, чего-то не сделать... Несутся машины по воздуху, воде и земле. Мы видим и испытываем это неудержимое, всё ускоряющееся круговращение вещей — и даже понятий — в мире; все ускоряющийся, и в технике и в жизни, безудержный бег машин и людей...

Царству зла должен наступить конец. Он может быть недалек. Обреченное, словно предчувствующее свою гибель, зло мечется в мире, будоражит человечество, устрашает и возбуждает его воображение, соблазняет приманками и заставляет людей, не положивших на свое чело и сердце крестной печати Божией, безудержно стремиться ко все большему обладанию материальными ценностями и все ускорять в погоне за ними бег свой... Затормошенные и оглушенные суетою люди уже не способны думать о истинах великих

и вечных, для постижения которых нужна хотя бы минута божественного молчания в сердце, хотя бы мгновение святой тишины.

Техника все увеличивает скорость передвижения и добывания земных ценностей. Казалось бы, должно остаться больше времени у людей на развитие высокого их духа и разума. Однако, — нет. Многим душам еще труднее и тяжелее стало жить. Душа гибнет, ей нет времени подумать о возвышенном, вздохнуть о великом, обратиться к Святому. Все вертится и кружится, и ускоряет свой бег. Как много призрачности в делах людей! Вместо духовного устремления и вдохновения, многими людьми владеет психоз умножения только одних материальных ценностей и сил. И эти ценности перестают быть благословенным даром Божьим; они не уравновешиваются стремлением человеческого духа к истине. Создается «мираж дел» — к делам ведь призван человек и не может быть спокоен без дел. Но материальные дела не успокаивают человека, если не он ими владеет, а они им. Становясь рабом своих материальных дел, человек строит на песке, и созданное им разрушается. От многих гордых строений, вчера возвышавшихся, остался только один пепел, одна пыль.

Бедный человек, найди время для добра! Но тебе даже подумать о нем нет времени. Все заполнено в жизни твоей, а добро стоит у порога и стучит. Добру негде приклонить голову. О если бы его, хоть на пять минут, пригласили в свою мысль, в свое чувство и желание! Но — «некогда»... И, как добро этого не понимает, а продолжает стучаться в совесть? Человек, человек, где твое добро, где ты сам? Ты скрылся от Бога и от самого себя спрятался за крутящимися колесами и винтами жизни. Скажу тебе: торопись делать добро, торопись, пока ты в этом мире! «Ходи в свете, пока есть свет»... Придет ночь, когда ты уже не сможешь делать добра, если бы и захотел.

Начни сперва думать о том, чтобы сделать добро; а потом подумай, как его совершить; а потом начни его совершать. Добро есть светильник; он согревает и озаряет твою жизнь, и людей вокруг. Добро есть самое важное дело в жизни. Послушай Бога и твою совесть. Полюби добро, пока не поздно. Ужасно будет опоздать в добре! С пустыми руками и холодным сердцем отойти в вечность с этой земли и предстать на Суд Творца...

Кто не поторопится сделать добро, тот его не сделает. Добро требует горячности. Тепло-хладные не сотворят добра. Бесчувствие и равнодушие хотят связать нас по рукам и ногам, прежде, нежели мы подумаем о добре. Добро могут делать только пламенные, искренние, горячие. Истинно-добрым — может быть только молниеносно-добрый человек. И чем дальше идет жизнь, тем больше молниеносности нужно человеку для добра. Эта молниеносность есть выражение духовной силы и светлой веры.

Злая же торопливость и возбужденность, которую мы наблюдаем в мире, идет от немирной совести, от упоенного собою и возбужденного миражами сердца.

Зло всегда пытается разнуздывать, а потом по своему взнуздывать человека. Зло хотело бы на смерть вогнать каждую душу — и каждый народ — в непосильную для них работу, — в одно устремление к недостижимому — и, всегда уходящему от людей — миражу только материального счастья, независимого от внутренней, духовной жизни... Добро же окрыляет святым вдохновением, единит людей бескорыстным единением и вводит в великую радость Творца миров.

Будем добрыми во всем и всегда. И когда мы защищаем добро, тогда особенно будем добры. И когда призываем к миру, будем особенно тогда мирны. Слово о мире да не сопровождается криками ненависти. «Люби грешника, но ненавидь дела его»; стоит

запомнить эти слова древнего мудреца христианства, Исаака Сирина. Только таким духом побеждается зло.

Поспешности зла противопоставим быстроту и горячность добра. — Быстрота раскаяния пред Богом, после какого бы то ни было греха, — злого дела, слова или чувства, — пусть будет первой горячностью нашей. Быстрота прощения брата (но не его зла), — пусть будет второй горячностью, которую мы принесем в мир. Быстрый отклик на всякую просьбу, исполнение которой возможно для нас и полезно для просящего, это — третья истинная горячность. Огненное отвержение всякого зла и искушения, — четвертая горячность духа. Пятая горячность: умение быстро заметить, что кому надо вокруг, — и умение всякому послужить, хотя бы малым; умение молиться за каждого человека. Шестая горячность: решимость противопоставить всякому выражению зла — добро, всякой тьме — Свет Христов; всякой лжи — не свою, а Божью, Христову правду... И седьмая горячность веры нашей, надежды и любви нашей, это — умение мгновенно вознести сердце — и всю жизнь — к Богу, благодаря и славословя Его за всё.

22

СУЩНОСТЬ РЕЛИГИИ. ВЕРА СУВОРОВА

Слово религия означает связь. Религия значит связь с высшей жизнью, с Богом. Кто хочет свою жизнь возвышать, улучшать, связывает ее с тем, что лучше ее, крепче ее. А лучше человеческой жизни — Божественная Жизнь. И с этой Божественной Жизнью связывает себя человек различными путями — и разумом — размышлением, и сердцем — любовию и волей — творением добра. Это есть религия. Чем выше религия, тем совершеннее содержание жизни и глубже ее познавание. Есть различные ступени в религиозном познании. Верить в ложные и злые идеи, все равно, что кланяться идолам, зверям, камням — они не возвышают, а принижают человеческий дух. Почитать богами существа нравственно слабые и исполненные страстей, как например греческие боги Олимпа, и к тому же существа в реальности несуществующие, это, конечно, мешать возможности нравственного усовершенствования.

Почитать же Бога Живого в духе и истине, видеть Свет Божий в разуме Евангелия, в лике Христовом — это правильно понимать путь к Богу, как радость бесконечного возвышения утончения, умудрения и воскресения... Это путь расцвета человеческой личности. Евангелие Христа Иисуса, Спасителя мира, Его разум, любовь и правда, — есть реальная сила жизни, открывающая истинное человечество. Здесь начало и конец Религии, — высшей связи человека и человечества со своим Творцом и Отцом Небесным. Не понимая этой

самой простой истины, а иногда и просто не желая ее понять и принять, люди воинственно-атеистичные, хотели бы уничтожить всякую веру в Бога особенно веру христианскую. Как на пример не объективного, несоответственного истине подхода к вопросу веры, можно указать на их утверждение, имеющееся в статье Богданова в московском журнале «Наука и жизнь», что «всякая религия одурманивает людей» и «затуманивает у них здравый смысл». На самом же деле истинная религия (подчеркиваем истинная, а не ложная) обостряет, укрепляет и оздоровляет самый здравый смысл в людях... Наибольший пророк антихристианства нашей эпохи, немецкий философ Фридрих Ницше, теряет рассудок и делается душевнобольным. Его верные и фанатичные последователи Гитлер, Альфред Розенберг, Людендорф и другие, мнившие себя титанами, сверхчеловеками, и замышлявшие изгладить Имя Христа Иисуса в своем народе и во всем мире, — делаются душевнобольными маньяками и не только губят себя самих, но еще увлекают в погибель и свой народ. «Ты победил меня Галилеянин», обращаясь душой ко Христу воскликнул злейший враг христианства Император Юлиан, тяжело раненый во время битвы с персами. Все зло мира от материализма и эгоизма, где бы ни проявлялась эта духовная смерть. Прочные, подлинные ценности созидались лишь силой Божьей чрез людей. И лучшие люди человеческой истории это знали и в это верили. Возьмем яркий пример героя русской и европейской истории, столь прославленного — Александра Васильевича Суворова... Может быть, далеко не все из молодежи нашей русской сейчас знают, что этот человек, так много сделавший для своей родины, и в честь которого в СССР учрежден высший боевой орден, что этот непобедимый Суворов был глубоко верующим человеком. Представитель московских антирелигиозников внушает людям мысль, что религия морально разрушает чело-

века, ослабляя «его волю к борьбе за лучшую жизнь»... Но как можно это утверждать, когда высшим борцом за лучшую жизнь своего народа признан именно Суворов, глубоко верующий человек, христианин. И самые мужественные борцы «за лучшую жизнь» награждаются высоким орденом Суворова? В школах, посвященных ему, воспитывается молодежь страны. Суворов же глубоко веровал в Бога, любил Сына Божия Иисуса Христа; он был верным сыном своей Православной Церкви. Вот, например, как вспоминает о своих встречах с Суворовым шведский генерал Густав Маврикиевич Армфельдт (род. в 1757 и умер в 1814 г.): «Суворов, — пишет Армфельдт, — меня пригласил обедать в 8 ч. утра. Я пришел и застал его при богослужении. Он читал большую книгу, бросался на землю, (т. е. клал земные поклоны), а потом пошел, взял музыкальные ноты, по которым он долго напевал вполголоса, рассматривая прежде чем отдать их мальчикам, состоящим в полках певчими, и певчим хора. Церковь была совершенно устроена; меня уверяли, что ничего там не доставало, и что все возилось на шести лошадях. Это — единственный личный обоз князя-генералиссимуса. Потом мы сходили с лестницы через двор и вошли в лачужку, где была жара невыносимая. Совсем маленькая комната с кроватью, столом и четырьмя стульями составляла спальный и рабочий кабинет Суворова. Другая, также совсем маленькая, была его столовая и зала. Мы сели за стол — я рядом с ним, и трапеза состояла, — добавляет Армфельдт, — из самой невкусной русской постной пищи»...

Все тут характерно для Суворова, любившего Церковь... Интересно еще и следующее место из воспоминаний Армфельдта:

«Третьего дня мы обедали у старика (т. е. у Суворова)... Между многими странностями, которые он говорил, было однако же и много удивительных слов и выражений... Когда мы встали из-за стола, он ска-

зал: «Господа, не английские деньги, не русские штыки, не австрийская кавалерия и тактика, не Суворов водворят порядок и одержат победы с желанными последствиями, а справедливость, бескорыстие, которое внесут в политику, прямота благородства и порядочности, привлекающие сердца — вот чем можно достигнуть всего»... Разве нельзя эти слова Суворова повторить в наши дни? Вера в Бога не только не расслабляла Суворова, но она-то и давала ему силы быть бесстрашным и нравственным человеком, воином-христианином — Суворовым.

23

ЕЩЕ О СУВОРОВЕ

Семейная жизнь Суворова сложилась несчастливо... Жена его не понимала и не жила его интересами. Со своей стороны, он делал, что мог, для достижения мира в семье. После одной из сильных размолвок, «как человек искренне религиозный», пишет его биограф Петрушевский, материалом которого я пользуюсь, — «Суворов прибегнул к посредничеству Церкви. В это время он находился на службе в Астрахани. По заранее сделанному соглашению, он явился в церковь одного из пригородных сел, одетый в простой солдатский мундир; жена его — в простом платье (Суворов понимал, что пред Богом — украшения человеческие — мишура); находилось тут и несколько близких им лиц. В церкви произошло нечто вроде публичного покаяния»; муж и жена со слезами, просили друг у друга, а потом у Бога прощения; священник прочитал им разрешительную молитву и затем отслужил литургию, во время которой покаявшиеся причастились Св. Тайн...

«Живя в Комюнегарде, Суворов оставил по себе память и заботами о православной церкви; он выписывал из Петербурга регента обучать тамошний хор; накупил разных вещей на несколько сот рублей».

Вставал Суворов за 2 часа до рассвета, «пил чай, обливался водой, и на рассвете шел в церковь, где стоял утреню и обедню, причем читал и пел. Обед подавался в 7 часов. После обеда Суворов спал, потом обмывался; в свое время шел к вечерне, после того

обмывался опять и ложился спать... Забота о чистоте физической у Суворова сочеталась с постоянной заботой о чистоте душевной... Он хранил свою совесть и мир сердца среди всех военных бурь, трудностей гражданских и придворных.

В наши дни особенно интересно отметить, каковы были в 18-ом веке отношения между русскими войсками и населением иностранного, этими войсками занятого государства.

«Суворов и русские войска представляли собою в Италии явление необычное, не такое, как соседи итальянцев, французы... О Суворове давно говорили и писали; его военные подвиги отличались блеском... и могучее южное воображение рисовало его образ в фантастических очертаниях. Почти в такой же степени возбуждали в итальянцах любопытство русские войска, прибывшие на другой день, но в настоящий момент представляемые казаками. Северные люди, жившие в снегах и льдах, исполины с диким видом, варвары с непонятными обычаями и особенностями, — такими изображала русских народная фантазия не в одной Италии. И вот, всех поражали благочестие и набожность русских, крестившихся у каждой церкви; людям Запада казались совершенно непонятными троекратные поцелуи, которыми обменивались русские между собою при встречах и даже наделяли ими итальянцев, принимавших это приветствие с тупым изумлением. Всякая мелкая особенность этих новых людей привлекала на себя внимание и объяснялась на разные лады...

После входа русских войск в Милан, назначено было торжественное молебствие; войска выстроились по городским улицам шпалерами. Между двумя их рядами в парадной позолоченной карете поехал Суворов в Собор; как и накануне, он был в австрийском фельдмаршалском мундире при всех знаках отличия.

При входе в церковь, архиепископ встретил его в полном облачении с крестом в руке и призвал на него Божие благословение. Суворов отвечал немногими словами по-итальянски, прося молитв. Пройдя в собор, он преклонил колена и отказался занять приготовленное ему почетное место на возвышении, обитое красным бархатом с золотом. Огромный собор был совершенно полон молящимися и любопытными; богослужение шло с внушительной торжественностью. Когда Суворов вышел из собора, многие из народа стали бросать ему под ноги венки и ветви, становились на колена, ловили его руки и полу платья. Растроганный Суворов прослезился, благословлял каждого; благодарил, советовал молиться Богу, испрашивая у Него спасения».

В этот день Суворов дал парадный обед.

«Когда стали съезжаться гости — почтенные жители Милана и австрийские генералы — Суворов со всеми христосывался. Тогда же ему представлены были три пленных французских генерала, в том числе Серюрье; Суворов принял их весьма ласково, пригласил к столу и также похристосывался». Были тогда Пасхальные дни. Таково свидетельство истории.

Петрушевский говорит, что глубокая религиозность Суворова исключала религиозную нетерпимость и фанатизм. В Суворове не было и подлинного бича настоящего времени — шовинизма, то есть национальной исключительности.

«Как человек верующий и в вере своей убежденный, он с ужасом, конечно, отворачивался от атеизма; немногим лучше считал бесформенный деизм, и признавал заблуждениями всякие вероучения нехристианские. Далее этого он не шел». Из всех войн, в которых он участвовал, только одну эту, последнюю в Европе, ставил он в связь с религией, потому что в революционной Франции (против которой он те-

перь боролся) — антихристианский, рационалистический — деизм имел государственное значение. «Будучи строгим исполнителем церковных уставов и держась неотступно церковного обряда, Суворов, однако, не олицетворял в них смысла религии и дух ее понимал широко».

Таков был Александр Васильевич Суворов, верный сын Православной Церкви.

24

О ПОДВИГЕ

В Библии есть рассказ о юноше Давиде, который вызвался на борьбу с гордым, похваляющимся Голиафом, великаном вражеского войска. Голиаф был в доспехах и вооружен, а у Давида ничего не было, кроме пастушеской одежды и пращи. От поединка Давида зависела не только его судьба, но и его войска и народа. Помолившись, призвав помощь Божию, Давид вышел на свой исторический поединок, и, попав метким камнем в лоб Голиафа, свалил великана, и его же мечом отрубил ему голову. Давид сделался национальным героем, вождем своей страны. Поняв зависимость человеческой жизни от Бога, и ясно увидев всю призрачность, шаткость всякой внешней, только материальной силы, он стал религиозным певцом, поэтом, пророком и учителем всего человечества.

Тысячелетняя Русь обучалась грамоте и воспитывалась на церковных псалмах пророка Давида. На этих вдохновенных и мудрых песнях возрос русский отзывчивый, добрый человек, воспитался терпеливый и мужественный русский народный характер. Из библейских и церковных песней-псалмов истекают поистине реки живой воды, крепкая надежда на Бога, вера в Бога... Прозрения Псалтыри сбывались и сбываются в истории... Лишь после многих и зрелых размышлений, человек начинает понимать содержание Библии, внутренний смысл ее глубоко жизненных образов.

Есть подвиги, исходящие из глубины человечности, из светлой веры человека, и есть подвиги случайные. Некоторые храбрецы могут показать удивляющий героизм, но после, сейчас же, сделаться людьми, лишенными всякой нравственной устойчивости, стать зверями в человеческом образе. Превышающие человеческую меру герои бывали и могут быть нравственно слабыми людьми.

Подвиг, зависящий от случайности, удальства, честолюбия или возбуждения вином, не есть настоящий подвиг. Истинный подвиг исходит из глубокого содержания человеческого духа и он проходит через всю жизнь человека. Пугачев и Степан Разин были бесспорными храбрецами и удальцами, но храбрость Суворова, Сусанина, Александра Невского, Дмитрия Донского — иного порядка, иного духа и разума... «Не в силе Бог, а в правде» — сказал Александр Невский, тоже, как и Давид, призывавший Бога себе на помощь. Подвиги Суворова проникнуты таким же всежизненным служением Богу и народу. Незадолго до своей смерти Суворов так сказал о себе художнику, присланному курфюрстом Саксонским для написания портрета: «Ваша кисть изобразит черты лица моего: они видимы, но внутренний человек во мне скрыт. Я должен сказать вам, что я лил кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближнего, в жизнь мою никого не сделал несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не раздавил моей рукой ни одного насекомого, бывал мал, бывал велик».

А в письме от 28 декабря 1794 г. к подполковнику Фабрициану, желавшему описать его жизнь, Суворов пишет: «Материалы, касающиеся истории военной деятельности так тесно связаны с историей моей жизни вообще, что оригинальный человек и оригинальный воин не могут быть отделены друг от друга, если образ того и другого должен сохранить свой

действительный отпечаток. Почитая и любя Бога искренно и нелицемерно, и в Нем моих братьев, людей, не поддаваясь никогда обольстительному пению сирен невоздержания и праздной жизни, я всегда был бережлив и трудолюбив с драгоценнейшим на земле сокровищем — с временем»...

Мы знаем, что рядом с воинскими качествами Суворов требует от воинов и нравственных, духовных, религиозных качеств: «воину подобает быть», говорит Суворов, «справедливу, благочестиву»; «молись Богу, от Него победа». И постоянно повторяет: «грех — напрасно убивать, помилуй Бог, мы — русские». В письме к своему племяннику он подробнее указывает на основы того внутреннего героизма, без которого не может быть подлинного воина.

Воин, по Суворову, должен быть «отважен без запальчивости... подчинен без унижения, начальник без излишней на себя надежды, победитель без тщеславия... благороден без гордости, во всем гибок без лукавства, тверд без упорства, скромен без притворства, всегда одинаков, на все способен без ухищрения... услужлив без всяких для себя выгод: решителен, избегая известности... враг зависти, ненависти и мщения; противников своих низлагает он своим снисхождением и владычествует над друзьями в непоколебимой верности. Он утомляет тело свое, дабы укрепить его больше; стыдливость и целомудрие в нем царствуют. Христианский закон служит ему нравоучением его. Исполнен чистосердечия, гнушается ложью, попирает он всякое лукавство... Честь и честность его особенные качества»...

Такова суворовская формула героизма, определение души подвига.

Подвиг нужен не только в военное время. Может быть, еще более он нужен в мирное время. Мирное время есть тоже время борьбы. Если мы живем в ми-

ре, мы живем только благодаря многим подвигам окружающих нас людей. Сколько незаметного, тихого, но подлинного героизма в мире, самоотвержения и бескорыстия. Как оценить подвиг наших матерей, их бессонные долгие ночи и страдания материнства? Как взвесить терпеливый и самозабвенный труд наших отцов? Человечество спасается подвигом родителей своих, воспитателей, педагогов, бескорыстных врачей, жертвенных ученых и особенно добрых пастырей Христовой Церкви, помогающих духовному спасению людей от зла и греха... Духовная война идет непрестанно в мире, идет она в наши дни, разделяя пополам каждое человеческое сердце; война зла против добра и добра против зла; идет поход лжи против истины и сверкает меч истины против лжи; идет война злобы против любви, и — ведет великую свою борьбу любовь, не против кого-либо, но только — за свою сущность Любовь...

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг в терпеньи,
Любви и мольбе...

Человечество разделено. Но как бы ни называло оно свои разнообразные деления и несогласия, главное разделение человечества проходит не вдоль железного занавеса, но в глубине сердец человеческих. Мир делится на людей — гасителей Правды Божьей и на — возжигателей этой Правды.

25

РУССКАЯ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРАВДА

Дни первой недели Великого Поста называются чистыми. Это дни особенного углубления человеческой жизни, ее духовного возвышения и очищения. В Чистый Понедельник, стоящие в церквах слышат пророчество Исайи, обращенное к людям более двух с половиною тысяч лет тому назад. Некоторые страницы его кажутся написанными только вчера. Так близки они к современному человечеству. Чрез пророка говорит Бог своей земле: «Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против меня... Оставили Господа, презрели Святого... Вся голова в язвах и все сердце исчахло... Земля ваша опустошена, города ваши сожжены огнем»...

Много даров, и самую жизнь, как первый дар, дает Господь человеку. А когда приходит взять плоды, то находит, что человечество не приносит плодов добра, правды, мира и справедливости. Пророк говорит, что если бы не осталось в народах небольшого остатка праведных душ, то мы были бы то же, что Содом и уподобились бы Гоморре. К властям земли и к народам обращается пророческое слово; оно должно пройти по всем церквам и домам мира: «слушайте Слово Господне, князья Содомские (то есть все грешные властители земли), внимай Закону Бога нашего народ гоморрский... Праздничных собраний ваших не могу терпеть: беззакония и празднование! Праздники ваши ненавидит душа Моя, они бремя для Меня, Мне тяжело нести их»...

Разве это не так бывает в наши дни? Праздники даны не только для отдыха тела, но и души, для ее научения, чрез светлую возвышающую радость. Церковные праздники имеют этот смысл. Однако, так часто, люди, называющие себя «верующими», проводят свои праздники несоответственно их религиозному смыслу. Праздники обращаются людьми не в дни особенного общения с Богом, а в дни особого опьянения людей и омрачения. И тогда говорит Господь людям, Ему молящимся, но не исполняющим Его заповедей: ...«Когда простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои... омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло, научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю, если будут красны, как пурпур, как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят»... А что сказать о шумных и пустых праздниках людей неверующих и даже борющихся с Богом?

Точно и ясно говорит Пророк о растлителях народа: «выражение лица их свидетельствует против них, и о грехе своем они рассказывают открыто, как Содомляне, не скрывают: горе душе их!»... И в наши дни существует этот способ узнавать тех, кто несет себе и другим гибель: «выражение лица их свидетельствует против них».

И начинает петь пророк песнь про человеческое спасение от зла и усыновление Богу, во Христе. Он поет о любви Божьей и о нашем неблагодарном к Богу человечестве. «Воспою Возлюбленному Моему песнь Возлюбленного Моего о винограднике Его. У Возлюбленного Моего был виноградник на вершине утуч-

ненной горы. И Он обнес его оградою, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды». И много еще слов правдивых говорит пророк. «Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, а свет тьмою, горькое почитают сладким, а сладкое горьким! Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны перед самими собою»...

Разве не считают некоторые — веру в Бога «тьмою», а веру в мертвую материю — «светом»? Разве не называют некоторые сладость праведности «горечью», а горечь греха — «сладостью»? Разве не считается некоторыми неверие в Бога — «добром», а преданность Христовой вере и Церкви, терпимым, только временно, злом? Так оно было и две с половиною тысячи лет тому назад. Прогрессируя технически и социально, человечество одновременно не прогрессирует столь же горячо в умножении добра и света и разума духовного.

Опасность для человечества кроется в этом; каждое новое поколение земли, рождаясь и строя жизнь, быстро усваивает научный и технический опыт своих отцов и легко развивает его. Но нравственный и духовный опыт наиболее мудрых и праведных людей, живших в веках прошедших, воспринимается далеко не с такой легкостью и охотой. И, мы видим, нравственно-духовный уровень человечества отстает все более от уровня технического. И уже задумываются народы над опасностью, грозящей им от разрыва и все большего расхождения прогресса технических знаний и прогресса знаний и соблюдений законов Духа. Как в прошлые века, так и сейчас, есть во всех народах люди, верные Богу и Его святой правде, и есть такие, нравственные и духовные понятия которых стоят — вниз

головой. «Сладкое они называют горьким и горькое — сладким...» Слепые вожди народов делают слепыми всех, кого ведут за собой; и, вместе со своими народами, они шествуют в бездну... Разве не свершился на наших глазах, только за одно десятилетие, целый ряд грозных и вразумительных Божьих судов над народами и их вождями, отвергшими путь Христовой правды и дух покаяния перед Богом?.. Суды Божьи все время свершаются в истории, и надо только открыть глаза, чтобы видеть их.

26

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. И. А. КРЫЛОВ.

Есть пророки, которым дано «истину царям с улыбкой говорить». И. А. Крылов не был таким поэтом-пророком. Он скорее подобен восточному мудрецу, загадывающему людям загадки, чтобы их научить и вразумить.

Истину своего литературного служения он сам назвал «истиною вполоткрыта». Было бы неверно думать, что истина «вполоткрыта» есть полуистина. Нет, это полная истина, только «засвеченная малым огоньком», чтобы не поранить больных, привыкших к нравственной тьме и к полутьме, душевных глаз человека, не выносящих яркого света.

Один крыловский современник так оценил творчество Крылова: «как ты, любезный тятенька пишешь, пишешь это для всех: для малого, для старого, для ученого и простого и все тебя прославляют... Басни твои — это не басни, а апостол». Простодушный читатель угадал нечто глубокое. И поэт князь Вяземский выразил эту же мысль в своих стихах, прочтенных им в день пятидесятилетия литературной деятельности Крылова, 2-го февраля 1838 года:

Где нужно, он навесть умеет
Свое волшебное стекло,
И в зеркале его яснеет
Суровой истины чело.

С удивительной простотой и силой в басне «Василек» раскрыта притча о Господе Боге и о человеке,

которого, из-за его слабости и незначительности, окружающие унижают, считают недостойным благ мира. Но солнце Божье одинаково светит на всех людей, на все цветы творения, взращивая их и животворя.

В басне «Лань и дервиш» Крылов раскрывает существо истинной любви. Это существо есть бескорыстие:

Младая лань, своих лишась любезных чад,
Еще сосцы имея отягченны,
Нашла в лесу двух малых волченят
И стала выполнять долг матери священный,
Своим питая их млеком...

Дервиш изумлен поступком лани. Как она может помогать и даже спасать жизнь существам другого происхождения? Но лань, не считаясь с утилитаристическими доводами дервиша, продолжает источать свое материнское молоко и этим открывает фанатику дервишу совсем непонятную для него истину, что для существа доброго, творить добро всем есть радость, а не творить добра — мучение; что смысл всей жизни — в этой бескорыстной, переливающейся чрез край любви... В противоположность этой христианской идее, Крылов показал истину непрочности дружбы, основанной лишь на материалистическом принципе «борьбы за существование». Полкан и Барбос выказывают друг другу чувства товарищества и дружбы. Но вот повар — как образ человеческой истории — бросает кость. И принцип материализма, «экономическое бытие определяет сознание», торжествует, собаки-друзья бросаются друг на друга. Басня «Собачья дружба» ясно показывает бессмысленность дружбы, основанной на материализме, не построенной на самоотречении и других высших человеческих чувствах, открываемых религией.

О необходимости искоренять в себе всякий признак и «запах» зла говорит басня «Бочка»:

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей.
Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напитаться,
А там, во всех поступках и делах,
Каким ни будь ты на словах,
А всё им будешь отзываться.

Отвратительность клеветы и доносов людей друг на друга показана в образах «Клеветника и змеи». Клеветник получает в аду первенство и почет больший, чем змея... В басне «Пожар и алмаз», мы видим, как пожар, истребляющий ценности жизни, хвалится своей яркостью и силой перед скромным алмазом, еле видным в дорожной пыли. К алмазу обращается пожар:

Как ты, со всей своей игрой,
Ничтожен предо мной...

Точная и верная характеристика всей грубой и шумной человеческой пропаганды, терзающей людей и унижающей бессмертные ценности духа.

Басня «Дуб и трость» — тоже обличение гордыни, силы, надеющейся только на себя. Буря исторических событий то и дело вырывает «с корнем вон» в истории всякие «дубы». А тростиночка, живая душа человеческая, переживает все. Кажущаяся такой ничтожной перед всякими государственными башнями и партийными коллективами человечества, живая душа человека, как тростиночка, легко сгибающаяся во время бурь, не ломится, но все время выживает в истории, а силы, ее попирающие и порабощающие, сокрушаются и исчезают одна за другой. Слова тростиночки, обращенные к гордому дубу — «но подождем конца», — могут быть обращены и в наше время ко всякому человеческому превозношению.

Басня «Бедняк и богач» подходит к проблеме имущества во внутреннем мире человека. Жизнь и счастье души зависят не от самих материальных ценностей, а от правильного отношения к ним. Скупой богач и завистливый бедняк — одинаково и несчастны и братоубийственны.

Одной из самых философических басен можно назвать «Водолазы». Тут Крылов разрешает одну из труднейших проблем философии, — проблему гносеологии — теории познания.

Чтобы понять религиозную мудрость Крылова, вспомним еще одну его басню, — «Безбожники». В ней рассказывается об одном народе, который «к стыду земных племен» до того «в сердцах ожесточился», что противу самого неба вооружился. Буйствуя и кощунствуя, толпы этого народа стали кричать, что «суд небес и строг и бестолков», что власть небесная «спит, иль правит безрассудно». Безбожники разыгрались и решают заметать небо своими камнями и стрелами, иначе говоря своей литературой, пропагандой. Видя такой наскок воинствующего безбожия на Высшую жизнь, небожители приступают к Хозяину мира, прося его чем-либо вразумить безбожников, остеречь их, явить им какое-нибудь знамение — землетрясение или наводнение, или «каменным ударить в них дождем». Но Хозяин земли и неба говорит: «Подождем»; если эти люди не угомонятся в своем воинственном неверии «и в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь», — то они, сами собою, «от дел своих» казнятся. Но мысль о долготерпении Божьем и о любви Божьей даже к ним не проникла в умы этих людей. Они не отступили от своего вызова небу:

Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск богомятежных,
Но с тысячью смертей и злых и неизбежных
На собственные их обрушилась главы...

«Плоды неверия — ужасно таковы», заключает Крылов.

И ведайте народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против Божества вооружают вас, —
Погибельный ваш приближают час
И обратятся все в громовые вам стрелы...

Здесь Крылов проникает в самую глубину жизни и голос его звучит подлинным пророчеством.

27

О ТВОРЕНИИ ДОБРА

Чем спасается человек? Кроме веры, терпения и молитвы, он спасается помощью своему ближнему. Вы, может быть, скажете: «помощью своего ближнего»? — Нет, именно помощью своему ближнему. Спасает нас, всех людей, та помощь, которую мы оказываем другим.

Помощь создает высшую жизнь — прежде всего тому, кто помогает; а потом и тому, кому помогают. И все трудности жизни смягчаются той помощью, которую человек может оказать другому человеку. Вокруг каждого есть те, кому трудно жить. И вокруг тех, кому трудно жить, есть те, кому еще труднее жить. И оттого я хочу сказать слово о добре.

Добро есть великая сила света. Как разнообразны формы, которые могут служить добру в мире.

В человеке есть смертное тело и бессмертная душа. И во всяком деле тоже. Мы вкладываем, вдыхаем во всё какую-то душу, вместе с нашими поступками. Придет время, тело наше умрет, а душа останется со всеми ее душевными чувствами и сотворенными в мире делами... «И дела их идут вслед за ними» (Откр. XIV, 13) говорит Откровение об уходящих из этого мира людях.

Умрут все выражения, все формы помощи, которую мы оказывали в мире, но сама помощь, само участие наше к жизни других — останется. Останется от всех наших добрых дел самое главное: свет сердца, решение жертвы, самоограничение человека, вера

в добро от Бога идущее, жалость к другому человеку, — дух милосердия и чувство ответственности своей в мире... Многое останется! Исчезнет все материальное, через что мы выражали и проявляли добро в мире: исчезнут деньги, одежда, пища, жилище, даже физическое тело, — эти физические руки исчезнут, которые подавали помощь, и — те руки, которые принимали ее.

Оттого творение добра должно быть смиренной, чистой радостью послушания воле Божьей. Но входит в человеческое творение добра, иногда и нечистая радость, — тщеславие, сознание своей хорошести, доброты... Прогонять нужно эти чувства, стыдиться их.

«Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет, а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет. Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог. Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело. Как написано: «расточил, роздал нищим, правда его пребывает во век» (Псал. CXI, 9). Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу, подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей так, чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через вас производит благодарение Богу». Так говорит апостол Павел (II Кор. IX, 6 — 11). Это слово апостольское огненное смягчает наши сердца, не только для какого-нибудь одного доброго дела, но смягчает их для вечности.

Человек может сделаться богатым в милосердии. Осуществляя милосердие, он, из милосердного бедняка, делается милосердным богачом. Вернее сказать, он становится богачом милосердия, даже при бедности своей.

Это приходит не сразу. Как не сразу вырастает

дерево, так и человек, любящий добро, не сразу приобретает широкое, милостивое ко всем людям сердце, могущее всегда помочь, или хотя бы посочувствовать другому человеку, или хотя бы не осудить его, пожалеть.

Творение добра есть труд, подобный всякому другому труду. В земных делах обогащение идет то скорее, то медленнее. И в делах милосердия тоже. Закон заработка — труд. Но бывают особые обстоятельства, когда человек сразу приобретает богатство на всю жизнь. Это бывает и в жизни души. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. XV, 13) — бросится, например, в море, чтобы спасти утопающего и, спасая, утонет; бросится спасти раненого и будет убит... Это быстрое и исключительное обогащение пред Богом, в вечности. Но большинству людей в мире предлежит ежедневное, непрестанное полагание души своей за ближнего, хотя бы в самых малых делах добра.

Как взращивается в земле семя, так взращиваются в сердцах наших добрые побуждения и стремления. Божий Дух насаждает и орошает их. Бог согревает солнцем Своего милосердия наши души, охваченные холодом своекорыстия и самолюбия. Живит землю нашего сердца Господь, напояет росою молитв, церковных песнопений и поучений... Неужели она не принесет плода? Если принесет — великое тогда дело сотворится. Милосердие наше, говорит апостол, — «чрез нас производит благодарение Богу». Облегчаемые нами братья наши делаются восприимчивее к свету небесному, и рождается в них молитва. Такова сила бескорыстного добра. Чрез него согревается человек и доходит до сознания, что Бог его согревает. И, просветляясь, благодарит Бога. Так созидается в мире вера; так рождается в людях неумирающая любовь.

28

Н. И. ПИРОГОВ — ХИРУРГ И МЫСЛИТЕЛЬ

Нет в русской медицине имени более прославленного, чем имя хирурга Николая Ивановича Пирогова. Памятник ему стоит в Москве, и подвиги его во время Севастопольской кампании и научные его достижения в области медицины, — почетная страница русской науки.

Привлечение им женской сестринской заботы о раненых воинах, создание им женской общины сестер милосердия Честного и Животворящего Креста, стало началом векового уже ныне подвига русских женщин в военных госпиталях и на полях сражений. И как ученый, и как гениальный хирург-практик (впервые применивший в России анестезию при операциях) Н. И. Пирогов стал примером для русских врачей... Все, конечно, в Советском Союзе знают, кто такой был Пирогов. Но вот, чего многие, вероятно, не знают, и о чем я хочу сегодня сказать: Пирогов был глубоко верующим в Бога человеком.

Жил он как раз в то время (середина прошлого столетия), когда стало зарождаться на Руси неверие. Появились идеи материализма, — «нигилисты», хорошо описанные Достоевским, особенно в романе «Бесы». В эту эпоху шестидесятых годов зародился тип того грубого материалиста, который, выйдя из подполья, после октябрьской революции, стал открыто гнать Церковь, закрывал и оскВернял храмы, но был

побежден и остановлен, в своем безумии, народной верой.

В эти шестидесятые годы прошлого века началось также и нечестное использование честного имени науки, для борьбы с Богом. Впадавшие в тяжелую болезнь неверия не хотели быть просто неверующими, — они хотели непременно думать, что они «научно» (а не как-нибудь иначе) не веруют в Бога. В это время жил величайший хирург России, Пирогов. И вот, что он думал и писал:

«Смело и несмотря ни на какие исторические исследования, всякий христианин должен утверждать, что никому из смертных невозможно было додуматься и еще менее дойти до той высоты и чистоты нравственного чувства и жизни, которые содержатся в учении Христа; нельзя не почувствовать, что они не от мира сего. Веруя, что основной идеал учения Христа по своей недосягаемости останется вечным и вечно будет влиять на души, ищущие мира чрез внутреннюю связь с Божеством, мы ни минуты не можем сомневаться в том, что этому учению суждено быть неугасимым маяком на извилистом пути нашего прогресса». (Том I, стр. 175-182. Сочинения Н. И. Пирогова, СПБ. Издание 1887).

Главный, настоящий прогресс человечества Н. И. Пирогов видел в том, чтобы люди, по духу своему, приблизились к Евангелию, стали добрыми, правдивыми, чистыми сердцем, бескорыстными и милосердными. Конечно, и прогресс социальных реформ в народах необходим, но он немыслим без прогресса человеческих отношений, без совершенствования каждой отдельной души человеческой. Камень, брошенный в воду, вызывает круги. Чувства, мысли и дела человека тоже вызывают соответственные им круги в окружающем мире, — либо добро, либо зло. Человеческое добро рождает отклик добра,

улучшая человеческие отношения и самую жизнь. Зло, таящееся в одном сердце, отравляет жизнь многих... Это, может быть, идет против законов материализма, но это соответствует правде мира.

Книга высшего совершенствования — Евангелие — была любимой книгой Пирогова. Он верил, что евангельское откровение есть истинное Слово Божие, и что это Слово вводит душу в вечность; свою жизнь Пирогов строил на евангельских основах. Такое глубокое религиозное отношение к жизни отмечает путь многих больших ученых мира, истинных слуг человечества.

Н. И. Пирогов считал, что в мировой истории путь прогресса *извилист*, нет прямой линии в нравственном совершенствовании человечества. Уклоняясь от правды Христовой, люди впадают временами в звериное, даже хуже чем звериное — демоническое состояние. Разве мы не свидетели этому в наш век? Да, человечество омрачается, когда отходит от того образа Божьей правды, чистоты и милости, который дан ему в лице Сына Божия, Христа Иисуса.

Гениальная ученость, любовь ко Христу, борьба за правду, справедливость в мире, и милосердие к страждущим, больным — таков образ человеколюбивого врача Пирогова. Когда читаешь его размышления о мире и человечестве, вспоминается одна древняя молитва:

> Господи, Боже мой! Удостой меня быть орудием мира Твоего,
>
> Чтобы я вносил любовь туда, — где ненависть,
>
> Чтобы я прощал — где обижают,
>
> Чтобы я соединял — где есть ссора,
>
> Чтобы я говорил правду — где господствует заблуждение,

Чтобы я воздвигал веру — где давит сомнение,

Чтобы я возбуждал надежду — где мучает отчаяние,

Чтобы я вносил свет — во тьму,

Чтобы я возбуждал радость — где горе живет.

Господи, Боже мой! Удостой

Не чтобы меня утешали, но чтобы я утешал,

Не чтобы меня понимали, но чтобы я других понимал,

Не чтобы меня любили, но чтобы я других любил,

Ибо кто дает, — тот получает,

Кто себя забывает — тот обретает,

Кто прощает — тому простится,

Кто умирает — тот просыпается к вечной жизни.

29

ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА

Мы украшаем цветами в храмах своих Крест... Но разве можно украсить Крест цветами земли? Цветы сами украшаются, ложась около Креста. И храмы входят в силу и славу свою, увенчиваясь Крестом...

Крест — свидетель Божьей любви и нашего непонимания этой любви! Он свидетель страшной тайны нашего несовершенства, отпадения и отречения от Истины. Но он свидетель и того, что Истина не отреклась от нас, но пришла к нам, и мы стоим перед великим ее образом. «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим»!

Велика наша немощь, глубоко растление человеческое, если Бог Воплощенный претерпел в мире смерть и Солнце обратилось во тьму... «Тогда солнце померкнет и луна не даст света своего». Это случилось, когда воздвигся на Голгофе Крест. Все взошло на Крест, когда Слово обратилось в молчание.

И мы теперь имеем в Евангелии слово Господне, и в Кресте Его молчание. Он благовествует и молчит, Господь наш, висящий на Кресте. Он молчит, когда совершается человеком грех. Он молчит, когда брат убивает брата и сестра ненавидит свою сестру. Он молчит, среди своего благовествования, на Кресте Своем. Крестное и страшное молчание. Он уже не может прослезиться. Он уже не может плакать. Слишком велико бесчувствие человеческое. Кровь растерзанного Тела стекает по Кре-

сту, дошла до земли и капает на нее, и впитывает ее земля...

Когда Слово изнемогло, когда была высказана вся истина, когда был показан весь путь и выявлена вся жизнь, тогда наступило Божие молчание. И в тишине Креста мы теперь живем. Особенно живем мы, христиане, и особенно те, около которых не звучит евангельское слово. Людям сказаны все слова, могущие их приблизить к божественной любви; нам высказано всё, что может дать Жизнь. И истину говорит нам теперь молчание Креста.

Оно в нашем сердце и над всем миром. Мир, как храм, увенчан крестом Божьего смирения, Божьей любви, Божьей молчаливой силы и заботы о грешниках...

Зло погибает от одного воззрения на Крест. Это — выход из зла для каждого человека в мире. Хочешь выйти из зла, освободиться от несовершенства, возьми крест, иди к нему и потом с ним. Хочешь отбросить лукавство, быть простым, кротким, мудрым, чистым, свободным от печали мира, от безвыходности страданий, — возьми Крест. Хочешь найти бескорыстную любовь, понять ее радость, — возьми Крест. Хочешь пребывать без уныния, без отчаяния, видя как все в мире и в твоей жизни идет не так, как хотел бы ты — возьми Крест. Хочешь перестать быть бесчувственным, мертвым к добру, — возьми Крест. О, честное Древо, сладкой делается та горькая вода жизни, в которую мы опускаем тебя! Ты всегдашнее наше непрестанное чудо жизни. Ты претворяешь все в Истину. Все неверное и греховное ты делаешь горьким для нас, а все истинное и праведное услаждаешь Своей сладостью. Ты делаешь злого человека добрым, развратного целомудренным, суетного тихим, боязливого и неверного — верным и мужественным. Ты возвращаешь потерянных детей отцам, раскаявшихся мужей их женам, жен мужьям.

Божественная печать вечной жизни! Тобою мы благословляем и утверждаем все в мире. Тобою мы собираем все в дальнюю дорогу вечности; и наш насущный хлеб, и наше жилище, и всякое дело, и сон, и труд, и ночь, и день. Мы кладем печать Креста на себя. И всякого человека, за которого пред Богом возникает наша молитва, мы осеняем радостной силою Животворящего Креста. «Благословляйте проклинающих вас»... Ты этого хочешь, Господи, ибо Ты знаешь, что Крест несет спасение от проклятия и проклинаемому и проклинающему.

Жизнь Вечная может созидаться в этом грешном мире потому, что есть Крест. Люди могут любить друг друга среди тьмы потому, что есть Крест. Крест для их любви. Люди могут становиться лучше, возвышеннее, совершеннее потому, что есть Крест, созидающий вечную жизнь чрез светлое усилие и устремление.

Нет безвыходности в земных грехах, нет пленённости человека злом, ибо есть Крест —- дорога свободы и славы детей Божьих.

30

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

19-го июля 1903 года, в России, в Тамбовской губернии, в обители Саровской, совершилось прославление преподобного Серафима, Саровского Чудотворца. Рядом с именем Сергия Радонежского это имя засияло над русской землей.

Родился преподобный в Курске 19-го июля 1759 года; скончался он в 1833 году. Звали его в миру Прохор Мошнин. Уже с детства в нем была заметна особенная религиозная одаренность и к 18 годам сложилось у него твердое решение посвятить всю свою жизнь Богу в иночестве. Прохор стал послушником, вошел в монастырскую семью Саровскую.

Истинное монашество есть совершеннейшее явление общинности, общности, основанной на вере, любви и свободе человека. Вводить общность жизни насильственно, государственно, — это значит строить на песке, идти на самообман, или на обман других. Чтобы начать жить полной общей жизнью с другими, надо, прежде всего, побороть в себе эгоизм, стать истинным братом, или сестрой, для других, и чтобы другие стали для тебя братьями и сестрами. Но братское отношение к людям возможно лишь при отречении от своей эгоистичности и при живой вере в Бога, Отца всех людей.

Единства и общности душ человеческих, на почве материальных ценностей, конечно, не может быть. Материализм разделяет и обособляет. Материализм есть начало эгоистическое, разделяющее. Если материалис-

ты бывают жертвенными, то это вопреки своему материализму, в силу своей духовной человеческой природы. История нам показывает, что даже монастыри, когда они делались слишком хозяйственными (в ущерб духовной жизни), — разрушались. Без духа всякое тело есть труп. В силу этого, объединение людей в материализме — не может сблизить их, не может дать счастья человечеству. В человечестве, обладающем нравственной свободой и бессмертной личностью, единство жизни осуществляется лишь в духе высокой веры и истины. Таков закон жизни в человеке. Лишь по мере преодоления своих эгоистических склонностей, материалистических идей и звериных инстинктов, человек способен войти в настоящее единство с другим человеком. Смысл христианского монашества, и жизнь Церкви есть соединение людей в истинно-общую жизнь, во Имя Христово.

Много было преподобных, нашедших в себе Божие подобие, в мире и в истории России. И одним из самых ярких выразителей этого духа, Христова духа, на Руси явился преподобный Серафим.

Жизнь Его показывает, какое спасительное значение для многих людей имеет очистившийся, к Богу пришедший человек. Он является посланником Божьим в мире. Есть люди, сами себя творящие вождями. Есть люди, избираемые своими единомышленниками. А есть посылаемые на служение человечеству Самим Богом. Только такие приносят истинный и для всех сладкий плод.

После долгого пребывания в монастыре, в труде, богомыслии, послушании, покаянии, отшельничестве и молитве, преп. Серафим вышел к людям — исцелять их. Множество душ получило от него укрепление, обновление и исцеление!

«Стяжи в себе мир, и вокруг тебя спасутся тысячи», — говорил он; и поучал: «С ближними нужно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбле-

ния... Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви. Все мы требуем милости Божьей... Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай... Тело есть раб души, а душа царица; а потому часто, милосердием Божьим, бывает и то, что когда тело изнуряется болезнями, человек приходит в себя... Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому она бывает, как подвиг и даже более подвига...»

Смерть старца не прервала светлого потока его добра и молитвенной помощи людям. Еще более расширился этот поток. И до наших дней он несет благодать по русской земле и оживляет человеческие сердца.

31

КНИГА ЖИЗНИ

Библия — единственная книга, которая так ясно говорит откуда мы, люди, пришли, куда мы идем и для чего существуем. Нет никакой другой книги, которая так исчерпывающе отвечала бы на вопрос, — в чем смысл нашей жизни, как велико ее значение...

«В начале сотворил Бог небо и землю», — говорит первая страница Библии. А последняя говорит: «Вот я создаю новое небо и новую землю». И эти два откровения соединены великой надеждой, открывшейся в Спасителе мира, Иисусе Христе: «так возлюбил Бог мир, что дал Сына Своего Единородного, чтобы верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоанн, III, 16).

Библия говорит человечеству простым языком, полным высшей реальности и глубокого символизма. В ней есть страницы непреложного Божьего Закона, открытого людям для их жизненного руководства; есть страницы исторические, полные правдивого описания промыслительных дел Божьих в мире и того состояния падения, до которого дошло, отдалившееся от Бога человечество. В Библии есть нравственные правила, законы, данные человечеству, на которых только и может быть построена общая жизнь людей; есть в Библии мудрые советы, поучения и утешения; и есть пророческие прозрения и зовы, обращенные к человечеству, к отдельным его народам и к каждой отдельной человеческой душе... Так глубоко слово Библии.

Всматриваясь в религии человечества, в них во всех мы находим отражение основной истины, которая выражена в Библии. У одних народов это первоначальное откровение замутнено, у других оно сохранилось более чисто; но все народы, из глубины веков, восклицают: «Бог был, когда еще ничего не было: Бог всё сотворил. Бог будет всех судить»... Эти основные истины религии принадлежат всем и составляют общее всем народам сокровище познания Бога, мира и человека. «В начале сотворил Бог небо и землю», — таково древнейшее верование земли, — и его мы находим у народов, разделенных материками, океанами. У некоторых оно ясно, у других закрыто пеленой суеверия и даже поклонения злым силам. Но истина Библии звучит в первых книгах человечества. Египетская книга Мэну в таких словах учит о начале мира: «Он (Бог), один способный познать душу, сияя явился лично и создал сначала мыслию воды». Воды были названы Nara, потому что они были созданы Nara (духом). Учение древних персов говорит о добром боге — творце Ормузде и его семи духах и о созданным некогда добром Аримане, произведшем мрак среди света, а также о первом человеке «койоморте, с сияющим, обращенным вверх лицом». В индийской Бхагават-Гита, или песне божества, Ариуна Браме молится: «ты один познаешь себя, собственной силой, о высшее существо, творец всего, владыка мира, бог всех богов, повелитель мироздания» (X, 15).

И даже те народы, которые опустились до грубейшего фетишизма, поклонения вещам и явлениям этого мира, все они сохранили веру, что далеко и высоко над всеми этими явлениями, предметами, богами и полубогами, царствует Единый Бог, сотворивший всё. Эскимосы, кланяясь грубым идолам, верят в доброго бога, творца — Танарзук; туземцы Борнео — в божество Тотадунгам, который выше всех богов, индейцы — в Великого Духа, а кафры у истоков Зам-

бези — в «великого-великого», принимающего добрых людей после смерти в свое вечное жилище. О закарпатских славянах древний историк Прокофий пишет: «хотя они молятся рекам, нимфам и многим божествам, но при этом верят в единого бога богов»... Полинезийцы, новозеландцы и жители Сандвичевых островов, затерянных в Великом океане, хотя и чтут и боятся многих богов природы (Atonas), но их мудрецы поют древнюю песнь о великом боге Таароа и его творении: «Таароа был! Он был в пустоте, не было ни земли, ни неба, ни человека! Таароа зовет, но нет ответа. Тогда он, единый сущий, создал из себя вселенную»... Можно было бы умножить эти свидетельства, говорящие о том, что религиозное сознание человечества вышло не из дикарского страха пред явлениями природы (как неверно и ненаучно учат в СССР материалисты), а из познания человеком реальности, превышающей, — и в наши дни — человеческое сознание. Эта реальность входит в мир и открывает его действительное происхождение. Мир, истинно, создан Богом. И имеет цель — взойти к Богу чрез подвиг Сына Божия и усыновленного Богом человека. Мир не мог явиться случайно, бессмысленно, вследствие какой-нибудь слепой игры материи; этот удивительный, гармонический мир имеет и свое начало, и свой смысл и свою великую цель. Цель его не борьба людей, народов, классов или рас между собой, ради материальной добычи, а гармонизация человечества на основах законов духа... Верящие в материю, как в источник своего происхождения, не могут постичь этих высших законов человеческого духа, вложенных в мир.

32

ФИЛОСОФ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ И БОЖЬЕЙ ПРАВДЫ

Более 150-ти лет прошло со дня смерти Григория Саввича Сковороды, замечательнейшего философа, поэта и странника. На Украине, может быть, и теперь еще поются где-нибудь его песни, а украинская словесность чтит в нем выдающегося литератора 18-го века.

«Это была необыкновенная личность, — пишет один из его биографов, — необыкновенны были его жизнь и проповедь. Пробуждению людей от нравственной спячки, воспитанию в них нравственного самосознания и духовному облагораживанию их он посвятил всю свою жизнь»...

Еще в детстве полюбил он «пастушескую свирель». Сын полтавского бедного казака, он вырос в рощах, на полях, на солнце.

Среди рощ и полей, он возлюбил книгу — мир Слова. Шести лет он обнаружил влечение к наукам и музыке. Первый его учитель — дьяк — сроднил его с Церковью. Потом были у него большие столкновения с недостойными служителями Церкви, но сама Церковь пребывала немеркнувшим образом Христовым в его сердце.

С 16-ти лет он — студент Киевской знаменитой Академии. В 1741 году его забирают, за прекрасный голос, в Петербург, ко двору Императрицы Елисаветы.

Через три года он возвращается в Академию, изучает языки — латинский, греческий, еврейский и все высшие тогдашние науки. Изучает светских классиков и классиков церковных: Блаженного Августина, Афанасия Великого, Василия Великого, Кирилла Александрийского.

В 1750 году он уезжает заграницу; у философа Вольфа знакомится с тогдашней немецкой философией и богословием.

Своею критикой схоластической системы в поэзии он навлекает на себя неодобрение начальства, и начавшаяся было его педагогическая деятельность прекращается. Через 15 лет он снова призывается к ней в Харьковский Коллегиум, профессором благонравия, но первые его лекции опять пугают школьное начальство: «Весь мир спит, — говорил с кафедры Сковорода, — спит глубоко протянувшись, будто ушиблен, и наставники, пасущие Израиля, не только не пробуждают, но еще поглаживают, глаголюще: «спи, не бойся: место хорошее, чего опасаться»...

Дорогой жизни Г. С. Сковороды стало его удивительное учительство. Он сделался народным учителем в самом чистом и глубоком смысле этого слова. Сковорода проповедует на ярмарках, в селах, поет на полях, играет на флейте у озер, делается дорогим гостем всех любящих поэзию и правду, любит подолгу бывать в украинских монастырях, чтит своих друзей — архимандритов, и среди них, как и среди белого духовенства, имеет своих почитателей.

Не постригаясь в монашество, он являет в своем лице все лучшие качества иночества. Он живет «как птица небесная». Совершенная нищета и бездомность, сопряженные с высокою нравственною чистотой, постничество, — он не ел мяса, — совершенная любовь к людям, жажда чистоты церковной, ревность по Богу,

— всецелая жизнь во Христе, — вот образ этого философа светлой воли.

Любовь к Богу — основа существования Сковороды и всего его философского миросозерцания.

О, Боже, живый глагол. Кто без Тебя весел?
Ты Един всем жизнь и радость,
Ты Един всем рай и сладость.
Взбудь святую волю в нас,
Да Твой владеет глас,
Даждь пренужный дар нам сей,
Молим тя, Царя царей!..

Самопознание — начало познания. Человек — малый мир; по своей великой любви к Человеку, Бог даровал ему все необходимое, причем все потребное сделал легким, а все трудное — непотребным, даже вредным для души. «Тот ближае всех до неба, кому в жизни меньше треба», — изречение Сковороды. Что же потребно для человека? Самое потребное и необходимое для человека есть счастье или «мир душевный». Ищи чего хочешь, только не губи того мира душевного — необходимейшую необходимость. Это счастье, этот мир душевный есть Царство Божие. Бог не замкнул счастья в одной какой-нибудь эпохе или в одном каком-либо социальном состоянии. Мудрый Господь дал счастье, доступное для всех, как дал солнце, воду, воздух. Не нужно ехать за счастьем куда-то на Канарские острова, — счастье близко всем, оно — в каждом человеке. Оно заключается в том, чтобы человек познал себя, свою безмерную сущность, свой образ Божий.

«О любий мий друже, Иакове, — пишет Сковорода к о. Якову Правицкому, — излюймо старий квас мирский. Здобудимо нове сердце. Зодягнимся в одиж нетлинной надии, в утробу братолюбства»...

Сковорода был делателем ночной молитвы. В полунощное время он блаженно переживал в себе рождение нового, Христова человека.

Опытом духовной жизни он достиг большой остроты чувства жизни мира и человеческой жизни. Сковорода угадывает людей, он чувствует надвигающиеся бедствия (эпидемию в Киеве).

Все считали за честь принять его у себя и подольше задержать. Но он путешествует с места на место. Высокий, худой и величавый, с одной сумкой через плечо, с Библией и свирелью он странствует по деревням и поместьям, с острым словом на устах. Гуляя, он пишет свои трактаты, ведет широкую переписку с друзьями. Места его уединений делаются памятными для народа и получают названия «сковородинских» пасек, урочищ, криниц, полей. Его беседы, изречения и «крылатые» слова записывались, переписывались, распространялись. Его стихи, сказания, басни шли в народ, распевались кобзарями. О нем, еще при жизни его, слагались легенды, как об украинском Сократе. Учителем всего народа он был в полном значении этого слова, — из среды его поклонников образовалась главная группа, во главе с В. Н. Каразиным, основателем Харьковского университета.

Облик Сковороды был бы не полон, если бы мы не упомянули о его пламенном гневе, и обличениях зла жизни. Его обличения мира вытекали из его любви к делу Христову, которому он сыновне посвятил себя. Он бушует при виде слепого обрядничества в духовенстве, он обличает сластолюбие недостойных монахов, рутину церковной схоластики, продажность чиновничества, грубую чувственность помещиков, вольтерьянствующих атеистов дворян называет «французскими попугаями»...

Особое место в жизни Сковороды занимает Библия. С нею он никогда не разлучался. Он называл ее самыми нежными именами: «своею возлюбленною», «Голубицею».

В Библии Сковорода осязал Самого Христа. Его гимны Христу — образы глубокой поэзии... «О, часть

моя всесладчайшая... Ты есть тайна моя; вся же плоть — сень и закров Твой. Всяка плоть есть риза Твоя, сень и пепел; Ты же зерно, фимиам, стакты и кассия — Пречистый, Нетленный и Вечный. Все Тебе подобно, и Ты всему, но ничто же есть Тобою, и Ты ничем же»... «Воздохнем ко Христу» — призыв Сковороды к людям.

Умер Сковорода так же чисто и человечно, как и жил. В августе 1794 года, семидесятидвухлетним стариком, он путешествует по Орловской губернии, откуда возвращается на Украину, в родную Слобожанщину, и останавливается в с. Пан-Ивановке, у своего друга Коваленского. Чувствуя приближение своей кончины, он говорит о ней; у местного священника он исповедуется и приобщается Св. Тайн.

Самый день его смерти описан И. И. Срезневским. За обедом Сковорода был необычайно весел и разговорчив, рассказывал про прошлое, про свои путешествия, про трудные моменты жизни. После обеда все встали, очарованные его красноречием. Сковорода незаметно вышел из дому. Долго ходил по неровным дорогам. Минул день; под вечер Коваленский пошел искать Сковороду и нашел его под большою липою. Солнце заходило, последний луч пробивался между листьями. Сковорода, с заступом в руке, копал могилу. На вопрос Коваленского Сковорода ответил: «Час, друже, кинчати блукания, бо й так усе волосся злетило з бидной голови. Час дати спокий»... И пошли к дому. Сковорода удалился в свою комнату, переменил белье, помолился Богу и, положивши под голову Библию, тетради своих творений и серую свитку, лег сложивши накрест руки.

Так закончилась земная жизнь Г. С. Сковороды.

Его похоронили на высоком берегу, около рощи, на любимом его месте, где он при восходе солнца играл на своей флейте.

33

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ НЕ ОДИНОК

Книга Бытия, первая книга Библии говорит: «В начале сотворил Бог небо и землю (Быт. I, 1), то есть Богом сотворено небо — мир духовных сущностей, — и земля — мир физических явлений. Бог есть Дух, всё проникающий, созидающий всё и охраняющий. Верить в Бога — это значит жить и быть в духе и истине Его. К области мира невидимого принадлежит всякий человек, своей духовной природой со всеми от начала веков умершими людьми; все ушедшие с земли поколения живут в ином мире, в ином плане мироздания, в ином измерении бытия. «Бог не есть Бог мертвых, но живых, у Него все живы» — говорит Божественное Откровение. После разрушения нашего хрупкого, столь непрочного земного тела, мы, люди (хотим мы того, или не хотим) перейдем в таинственную область духа и обнаружим до конца сущность своего характера и нравственный потенциал своей личности... Наши мысли, чувства и желания, особенно влечения к добру и отталкивания от зла, уже сейчас принадлежат не миру материальному, а духовному. Хотя мир материальный влияет на нас с разных сторон, но личность наша всегда остается свободной принять или не принять то или иное нравственное решение, отнестись так или иначе ко всякому физическому явлению... Глубока жизнь человека, велика своими возможностями человеческая личность; как в зеркале она способна отразить Божье совершенство. Истину о Боге-Творце говорит не только религия; о ней возвещает и вся при-

рода, вся жизнь и сущность вещей. Мир — не произведение бессмысленного, хаотического, неизвестно откуда явившегося случая; мир создан по божественному плану силой великой творческой воли Божьей. Как насекомое не понимает планов человека, так и человек не в силах постичь всех тайн божественного мира; он постигает лишь то, что ему открывает сам Бог. Сущность даже самой малой былинки в мире столь же таинственна, как и существование величайших звездных миров.

В своей, недавно вышедшей книге «Человек не одинок», бывший президент Нью-Йоркской Академии Наук Кресси Моррисон говорит, что люди находятся сейчас на заре научной эры, и каждое новое открытие проявляет перед ними все с большей силой и яркостью дело Премудрого Творца... «Что касается меня, — говорит Моррисон, — я имею семь оснований для веры. Прежде всего: основываясь на нерушимых законах математики, можно доказать, что наша вселенная была задумана и создана великим конструктивным Разумом. Наличие живых организмов на нашей планете предполагает такое неимоверное количество всяких условий их существования, что совпадение всех этих условий не может быть делом случая. Земля, например, вертится вокруг своей оси со скоростью только тысячи миль в час. Если бы она вертелась со скоростью ста миль в час, наши дни и ночи были бы в десять раз более длинными, и солнце сжигало бы наши растения в течение этого дня, в то время как этой длинной ночью замерзли бы даже те совсем малые ростки, которые смогли бы днем появиться. Далее, земля отделена от солнца точно на такое расстояние, при котором огонь солнца обогревает нас достаточно, но не слишком. Если бы он посылал нам только на 50 градусов меньше или больше тепла, мы бы или замерзли или умерли от жары.

Земля имеет наклон по элипсу в двадцать три градуса, что вызывает различные времена года; без этого наклона пары, поднимающиеся с океана, перемещались бы по линии северо-юга, нагромождая лед на наших континентах. Будь луна всего в пятидесяти тысяч миль от нас, вместо того, чтобы отстоять приблизительно на двести сорок тысяч миль, наши океанические приливы были бы столь огромны, что затопляли бы нашу землю два раза в день... Если бы наша атмосфера была бы более разреженной, горящие метеориты (которые сгорают миллионами в пространстве), ежедневно ударяли бы в нашу землю с разных сторон, производя пожары... Эти примеры и множество других показывают, что нет ни одной возможности на миллион, чтобы жизнь на нашей планете была «случайностью».

Американский ученый приводит еще ряд истин и доказательств, открывающихся при изучении природы, которые также ведут его прямо к Творцу, Богу. Открывая изумительность порядка, царствующего в материи, он говорит, что «организация материального требует от нас признания того, что лишь бесконечная Премудрость могла предначертать и устроить такое удивительное управление миром»...

Моррисон говорит еще, что факт возможности восприятия человеком идеи Бога «есть уже, в самом себе, бесспорное доказательство Его существования». И в этой возможности человека познавать и любить Творца, ученый совершенно правильно видит — человеческое величие.

Свободной, честной мыслию своей, верой как высшей духовной интуицией и молитвою, человек может пройти мгновенно все то расстояние, которое отделяет его от Бога. Молитва есть истинное питание духа и оживление бессмертного существа в человеке. Она есть высшее просвещение человека. Кто хочет молиться

Богу, тот найдет молитву, и кто найдет ее, никогда не оставит, потому что нет большего блага и счастья для человека, как говорить с Богом, — осознавать и чувствовать свое живое, личное общение с Творцом, бесконечной Любовью и Правдой. По Его Любви и Правде томится всякий человек, не угасивший до конца своего духа.

34

ОТКРЫВШЕЕСЯ СЕРДЦЕ

В своих Воспоминаниях о декабрьском восстании Евгений Петрович Оболенский открывает нам последнюю страницу жизни Рылеева. Историческое свидетельство его ценно потому, что Оболенский был, повидимому, единственным человеком, связанным с Рылеевым одинаковостью душевных переживаний и единомыслием глубокой дружбы.

Оболенский был на четыре года моложе Рылеева и служил в гвардии. За участие в событиях 1825 года он был приговорен к смертной казни, которая заменена была ему каторгой на Нерчинских рудниках. После тринадцатилетнего пребывания в Нерчинске, он стал поселенцем в Сибири. По манифесту 1856 года, освобожденный из ссылки, Оболенский вернулся в Россию; скончался он в Калуге в том же 1856 году.

«Двадцать пятого января я был в Алексеевском равелине, — рассказывает Оболенский. — После долгого томительного дня, наконец, я остался один. Это — первое отрадное чувство, которое я испытал в этот долгий, мучительный день. И Кондратий Феодорович (то есть Рылеев) был там же, но я этого не знал. Моя комната была отделена от всех прочих нумеров: ее называли «офицерской». Особый часовой стоял на страже у моих дверей; немая прислуга, немые приставники: все покрывалось мраком неизвестности. Но из вопросов комиссии я должен был убедиться, что и Рылеев разделяет общую участь. Первая весть, которую я от него получил, была следующая строфа:

Прими, прими, святой Евгений,
Дань благодарного певца,
И слово пламенных хвалений,
И слезы, каплющи с лица.
Отныне день твой до могилы
Пребудет свят в душе моей:
В сей день твой соименник милый
Освобожден был от цепей.

При чтении этих немногих строк, — продолжает свой рассказ Оболенский, — радость моя была неизъяснима. Теплая душа Рылеева не переставала любить горячо, искренно... много отрады было в этом чувстве. Я не мог отвечать ему; я не имел искусства уберечь чернила, бумагу: последняя всегда была нумерована; перо, чернильница в одном экземпляре, ни посудки для чернил, ни места, куда прятать. Все было так открыто в моей комнате, что я не находил возможности спрятать что-нибудь.

Что скажу я о днях, проведенных в заключении под гнетом воспоминаний, еще свежих; страстей, еще не утихших; вопросов комиссии, непрестанно возобновляемых; опасений за близких сердцу; страха — одним лишь словом в ответе прибавить лишнего горя тому, до кого коснется это слово. Всё это было в первый период заключения. Постепенно вопросы сделались реже, личный вызов в комиссию прекратился; тишина водворилась постепенно в душе. Новый свет проникал в нее, озарял ее в самых темных ее изгибах, где хранился тот итог жизни мыслящей, чувствующей, действующей...

Свет евангельской истины осветил сначала те черты жизни, характера, которые резко обозначались; лучами живительными, лучами теплыми любви вечной, полной, совершенной, озарял, согревал, оживлял всё то, что в самосознании способно было принять этот свет, вдохнуть в себя его теплоту, раскрыться для принятия его живительной силы!.. Проходили дни за дня-

ми, недели за неделями. Открылась весна, наступило начало лета, и нам — узникам, позволено было пользоваться воздухом в малом саду, устроенном внутри Алексеевского равелина. Часы прогулки разделялись поровну на всех узников; их было много, и потому не всякий день каждый пользовался этим удовольствием. Раз добрый наш сторож приносит два кленовых листа и осторожно кладет их в глубину комнаты, в дальний угол, куда не проникал глаз часового. Он уходит. Я спешу к заветному углу, подымаю листы и читаю:

Мне томно здесь, как на чужбине.
Когда я брошу жизнь мою?
Кто даст крыле ми голубине?..
И полещу, и почию.
Весь мир, как смрадная могила;
Душа из тела рвется вон...
Творец! Ты мне прибежище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стон,
Приникни на мое моленье,
Вонми смирению души:
Пошли друзьям моим спасенье,
А мне даруй грехов прощенье
И дух от тела разреши!

Кто, спрашивает Евгений Оболенский, — кто поймет сочувствие душ, то невидимое соприкосновение, которое внезапно объемлет душу, когда нечто родное, близкое коснется ее, тот поймет и то, что я почувствовал при чтении этих строк. То, что мыслил Рылеев, сделалось моим: его болезнь сделалась моею, его уныние усвоилось мне, его вопиющий голос вполне отразился в моей душе. К кому же мог я обратиться с новою моею скорбью, как не к Тому, к Которому давно уже все мои чувства, все тайные помыслы моей души? Я молился... и кто может изъяснить тайну молитвы? Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: цветок, раскрывший свою чашечку лучами солнечными, едва вопьет их в себя, как издаст благоухание, которое слышно всем, приблизившимся к

цветку. Так, уподобляя видимое невидимому, — и сила любви вечной, коснувшись души, вызывает молитву, как благоухание возносимое к Тому, от Коего получило начало... У меня была толстая игла и несколько клочков серой оберточной бумаги; я накалывал долго, в возможно сжатой речи, все то, что просилось под непокорное орудие моего письма, и потрудившись около двух дней, успокоился душой и передал свои строки тому же доброму сторожу Никите Нефедьеву. Ответ Рылеева не замедлил.

Вот он:

«Любезный друг! Какой бесценный дар прислал ты мне! Сей дар через тебя, как через ближайшего моего друга, прислал мне Сам Спаситель, Которого уже давно душа моя исповедует. Я Ему вчера молился со слезами. О, какая это была молитва! Какие это были слезы; и благодарности, и обетов, и сокрушения, и желаний за тебя, за моих друзей, за моих врагов... Давно ли, любезный друг, так мыслишь? Скажи мне, чужое оно или твое? Ежели эта река жизни явилась из твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое ли оно или твое, но оно уже мое, так как и твое, если и чужое. Вспомни брожение ума моего около двойственности духа и вещества».

Радость моя, — говорит Евгений Оболенский, — была велика при получении этих драгоценных строк, но она была неполная до получения следующих строф Рылеева, писанных также на кленовых листах:

О, милый друг! Как внятен голос твой!
Как утешителен и сладок:
Он возвратил душе моей покой
И мысли смутные привел в порядок.
Спасителю — сей истине верховной, —
Всецело мы здесь подчинить должны
От полноты своей души,
И мир веществены́й, и мир духовный.
Для смертного ужасен подвиг сей;
Но он к бессмертию стезя прямая,

И благовествуя речет о ней
Сама нам истина святая:
Блажен, кого Отец Мой изберет,
Кто истины здесь будет проповедник;
Тому венец, того блаженство ждет,
Тот Царствия небесного наследник!
Блажен, кто ведает, что Бог Един —
И мир, и истина, и благо наше!
Блажен, чей дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше:
Прямой мудрец, он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И как Петра, ведет его Христос
По треволнению морскому.
. . . .
Душою чист и сердцем прав,
Перед кончиною подвижник постоянный,
Как Моисей с горы Навав,
Узрит он край обетованный.

Это была последняя песнь русского поэта-декабриста, Кондратия Федоровича Рылеева. Вскоре свершилась его казнь. Кленовые листы больше уже не появлялись в тюремной камере его друга.

35

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ РЫЛЕЕВА

В год 125-летия казни декабристов московский журнал «Огонек» опубликовал выдержки из неизвестной драмы Рылеева, хранившейся до 1888 г. у Шахматова, переданной в свое время для опубликования Якушкину, но, по неизвестным причинам, тогда не целиком опубликованной. В этом произведении, отражающем эпоху Богдана Хмельницкого, «Огонек» признает, что «стремясь воссоздать историческую обстановку, предшествовавшую восстанию народа, под водительством Хмельницкого, и реалистические образы украинских крестьян, Рылеев, в соответствии с исторической правдой, уделяет в этом отрывке значительное место церковным вопросам». Да, в жизнь русских людей всегда входил момент религиозный, от Киевской Руси, Литвы, Новгорода и Суздаля, чрез всю татарщину, Москву и новую эпоху, православная вера была заметным двигателем и внутренним, а часто и внешним исторических судеб страны, живою частью — и даже основой — жизни народной. Как сопрягается душа с телом и содержание с формой, так в жизни русского и украинского народа — вера Христова и Православная Церковь были всегда в истории чем-то неразрывным с народной жизнью. И, несмотря на все безбожие некоторых сынов его, в народе, выросшем на религиозном отношении к жизни, сохраняется до наших дней искание правды Божьей, тоска по ней, и любовь к ней. Своим душевным чувством народ умеет отличать тихую Божью правду — от шумных,

говорливых и пустых человеческих неправд... Крестьяне в драме Рылеева, опубликованной в «Огоньке», говорят:

1-ый Малороссиянин: Ушли... Ну вот еще один погиб.
Эй, Юрка, брат, прогневали мы Бога.
Всем на Руси пришельцы завладели,
В своей земле житья мы не находим.
Нет больше сил терпеть. Бегу отсель.
Бегу за Днепр к удалым запорожцам...

Грицько: И я с тобой; благослови меня, отец;
Прощай, не плачь, Натуся.

Юрко: За Днепр... и я б туда, когда б не дети...
Чего, чего не вытерпели мы!
За то, что не хотим на униатство
Переменить мы православной веры!
Все отнято у нас: права, уряды,
Имения, и даже церкви наши
Ограблены...

2-ой Малороссиянин: Уж видно так Создателю угодно...

Юрко: Нет, нет, поверь, Создатель зла не хочет!
Не Он, не Он, виной беде Украйны,
Но мы...

Эти строки показывают религиозную и писательскую чуткость Рылеева: «нет, нет, поверь, Создатель зла не хочет. Не Он, не Он, виной беде Украйны, но мы».... Религиозная сторона проявилась в Рылееве особенно после декабрьского восстания.

В своем последнем письме к жене из Петропавловской крепости, ожидая казни, Рылеев пишет: ... «я ни разу не возроптал, во всё время моего заключения, и за то Дух Святый давно утешил меня! Подивись мой друг: в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашей малюткой, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить

тебе. О мой друг, спасительно быть христианином!.. Благодарю моего Создателя, что Он меня просветил, и что я умираю во Христе, что и дает мне спокойствие, что Отец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянию: ищи утешителя во времени. Я просил нашего священника, чтобы он посещал тебя. Слушай советы его и поручи ему молиться о душе моей... Возблагодарить его может один Бог за те благодеяния, которые он оказал мне своими беседами... Я хотел просить свидания с тобою, но раздумал, чтобы не расстроить себя. Молю Бога за тебя, за Настеньку, за бедную сестру, и буду всю ночь молиться: с рассветом будет ко мне священник, мой друг и благодетель, и причастит меня. Настеньку благословляю мысленно нерукотворным образом Спасителя и поручаю всех вас святому покровительству Живого Бога... Смогу ли я, мой друг, благодарить тебя словами? Они не выразят чувств моих: Бог тебя вознаградит за всё...

Прощай: велят одеваться: да будет Его святая воля».

Твой искренний друг».

А в более раннем письме, тоже из крепости, Рылеев писал жене:

«О, милая душой подруга! Ты любовью соединилась с миром физическим и временным. Христом ты должна соединиться с миром духовным, вечным, и, соединив в себе два мира, всей душой подчинить себя любовию вечности. Вот, милый друг, предназначение наше. Мы должны любовию подчинить Христу физический мир и в Нем, как в духовном мире, подчинить себя вечной любви: Богу ради Бога, по любви Христа»..

Трогательно и верно Рылеев выражает истину христианства.

Настала полночь. Священник со Святыми Дарами вышел от Кондратия Федоровича Рылеева, вышел и от Сергея Ивановича Муравьева-Апостола, и от Петра Каховского, и от Михаила Бестужева-Рюмина; пастор молитвою напутствовал в вечную жизнь Павла Ивановича Пестеля.

Очевидец последних минут казненных декабристов говорит, что после прочтения полицмейстером Чихачевым приговора, Рылеев обратился к товарищам и сказал, сохраняя всё присутствие духа: «Господа, надо отдать последний долг» и с этим они пали все на колени и, глядя на небо, крестились. Рылеев один говорил, желал благоденствия России... Потом вставши, каждый из них прощался со священником, целуя крест и руку его; при том Рылеев твердым голосом сказал священнику: «Батюшка, помолитесь за наши грешные души; не забудьте жены и благословите мою дочь» и — перекрестясь — взошел на эшафот.

36

О РАЕ И КРЕСТЕ

Крест не есть только страдание, но и возвышение над страданием. Одним страданием можно назвать крест разбойника, распятого по левую сторону Спасителя и роптавшего на свою муку, и отвергнувшего исцеляющую силу Христовых страданий. Но, для правого разбойника, кротко отдавшего себя силе и правде невинных страданий Христовых, крест стал началом рая... «Ныне же будешь со Мной в раю», — сказал Спаситель висевшему рядом с Ним правому разбойнику. Это значит, после исхода из этой земной страдальческой жизни. Но, из этой жизни, уверовавший разбойник начал выходить уже в самую минуту своего уверования. Это великая для него минута страданий стала уже началом его блаженства. Рай уже вселился в него в эту минуту его пребывания с Господом, рай коснулся его сердца.

Те, кто знают, что такое страдание за веру, за любовь, правду и чистоту, те понимают, что их Рай на земле — в Кресте. Их страдание не состояние, но путь к настоящей жизни, ее полноте, чистоте и блаженству. Страдание — не дом, где надо жить, но дорога к к настоящему Дому, где вся полнота и радость жизни. Нет этой полноты ни в чем на земле! Мир земной есть дорога, а не жилище. Человечество не найдет себе в этом мире Рая — без Креста. То, о чем мечтают ложные материалистические учители человеческие, — невозможно. Человек никогда не построит себе вечно-радостного Дома в мире, где царствует грех, бо-

лезнь и смерть. Человек всегда будет бездомен в этом мире. И это благо. Страдание его кратко, а радость может быть вечной. И никакой человек не воплотит до конца идеала своей Родины на этой земле, потому что высшая и вечная Родина каждого человека есть мир правды Христовой.

Крест есть сила Божия и власть, данная человеку на путях к Богу. Крест, в этом мире, есть, конечно, и страдание потому, что он есть смерть для греха и смерть для смерти, а человек соединил себя с грехом. Отрываясь от греха, он страдает; но это есть страдание освобождения. Мать страдает, рождая жизнь, и человеческий дух страдает, рождая Вечную жизнь.

Мы знаем в Евангелии, что для левого голгофского разбойника, роптавшего на жизнь, крест оказался только орудием страданий. Для другого же, правого, уверовавшего рабойника, Крест стал дверью в высшую жизнь и радость... «Ныне же будешь со Мною в Раю» — услышал он; и начался уже для него Рай в том, что он увидел рядом с собой Сына Божьего, имеющего ключи вечности. Рай — в вере, Рай в надежде, в возвышении духа над страданием.

Да, Рай начинается уже в этом мире. Все ученики Господа всех времен и народов свидетельствуют, что Рай для человека, устремленного к небесной правде, начинается уже здесь на земле.

Земля, где принял страдание Сын Человеческий, есть место наших страданий потому, что причина страдания — грех. Крест же есть горькое лекарство от страданий. Крест есть спасение от греха; искупление, вызванных грехом, страданий. На непросветленное страдание человеческое накладывается святое страдание Христово. На страдание безвыходности человеческой накладывается страдание крестное, вся трудность борьбы с грехом и злом в мире, неподчинения злу, победы над грехом.

Кто горит страданием зла — нечистой страсти, ревности, темного гнева, гордости, кто мучительно ищет тебе суетной славы в мире, или призрачного богатства, пусть примет очистительную силу страданий чистой любви, искания богатства духа, Божьей милости и Божьей славы. Крест есть начало Рая и страдание спасения от страданий.

Не напрасно говорят, что древо Креста Христова было поставлено на том самом месте, где росло райское Древо Жизни. Древо Жизни, данное Творцом людям в Раю, после падения, обратилось в Крест Божий и человеческий на земле. Оно не исчезло, это сладкое Древо Райское, древо беспредельного доверия Бога к человеку и великой радости человека в Боге. Оно только изменилось; и где бы ни поставили мы, люди, Крест — мы всюду видим Райское Древо.

Крест не умерщвляет человеческих чувств; он их возвышает и очищает. Сила взятого креста выявляет и спасает истинную жизнь. В то время, как грех истребляет человеческую красоту чувств, глубину мыслей и желаний, Крест приводит к гармонии человеческие чувства и расширяет до безмерности человеческое сердце. Всё входит в любовь сердца, открытого страданиям Креста.

Как бы расширилось, очистилось, как бы познало себя бедное человеческое сердце, без страданий? Как бы освободились наши человеческие чувства и нашли свою чистую и вечную радость, если бы не проходили через страдание Креста? В какую глубину бытия мог бы погрузиться легкомысленный, эгоистический человек, если бы не дал Господь крестных усилий для его воли и духа?

Крест есть лестница, поставленная на земле к Раю. Нижний ее край стоит на земле страданий, — верхний покоится в тверди небесного блаженства.

«Принять Крест», это принять покорность Богу, исполнение заповедей Христовых, терпение святого устремления.

Слово Господне говорит, что, в горькие воды Мерры Моисей бросил кусок дерева и вода сделалась сладкой, удобной для питья. Так в прогорклую, отравленную смертью жизнь, поставлен Крест. Две части его означают: продольная — жизнь Бога в человеке; поперечная — жизнь человека в Боге. Для всякого, кто с верой взирает на эту тайну, открывается начало жизни вечной со Христом и во Христе. Со Христом, — во всех внешних делах жизни с Ним, — в посещении больных, заключенных, в помощи бедным, в поддержке одиноких и утешении огорченных... Во Христе, это значит — внутренним путем верности сердца Богу.

37

ВРАТА В ЖИЗНЬ

Религия объясняет не только тайну жизни, но и тайну смерти... К исходу из этого мира люди относятся по-разному. Есть окаменение пред лицом смерти, есть циническое отношение к ней; есть желание смерти — от уныния или отчаяния, когда призывает человек смерть, чувствуя страшную тяготу жизни; в этом состоянии он иногда сам накладывает на себя руки, или хочет, чтобы его убили. Бывает состояние безразличия, когда человек принимает бездумно и жизнь, и смерть. Есть страх перед смертью, животная боязнь, достигающая иногда такой силы, что, находясь даже вне всякой видимой опасности для жизни, человек тягостно ожидает смерти, думает о ней, как об уничтожении своем; иное отношение, это — покорное принятие смерти: полное сознание важности, ответственности и даже величия ее мгновения, как перехода в высшую область бытия; и наконец последнее отношение, это — ангельская радость пред лицом смерти. Человек, знающий Царство Божие уже по опыту земной жизни, ждет, с великой надеждой, этого Царства Божия, блаженного упокоения духа своего в Боге, после смерти тела. Не стремится он в иной мир против воли Божией, осознает ценность и земной жизни, но радостно ждет той минуты, когда воля Божия возьмет его в высший мир.

Ап. Павел, переживший это высокое чувство, говорит: «имею желание разрешиться и быть со Христом»,

ибо «жизнь моя — Христос, и смерть — приобретение...»

В человечестве преобладает страх пред смертью, переходящий в бездумно-покорное приятие ее неизбежности. Но часто бывает и окамененное нечувствие, и, не только боязнь смерти, но и боязнь даже думать о ней. Те, которые гонят от себя мысль о смерти, не могут, конечно, религиозно приготовиться к неизбежному исходу.

«Память о смерти святые учители и подвижники христианства считают для человека столь же необходимой для духовной жизни, как и молитву. Они говорят, что молитва есть «правое крыло» души верующего человека, а «левое крыло» его есть память об исходе из этого мира.

Часто высказывается в мире неверная мысль, что память о смерти препятствует провождению земной жизни, как бы «тормозит» активность человека в мире. Это может быть отнесено лишь к житейски-иппохондрическому отношению к смерти, которое делает человека, действительно, неспособным ни к какому делу. Христианская же память о смерти, — есть прозорливое состояние души человеческой, и делает ее более сознательной и мудрой, давая активности человека в мире особую силу и ответственность.

Языческое древнее общество сперва подозревало христиан в недолжных чувствах в отношении к жизни этого мира, но, присмотревшись, увидело свою ошибку. Христиане могли отдавать земле все, что предназначалось для земли, в порядке государственной повинности и общественного служения. Но лишь Богу и вечности христиане отдавали свою душу.

Христианство никогда не противоречило жизни, а только одному греху. Память о смерти — о которой говорят учители Церкви — не активности жизни противоречит, но активности греха. Греховное чувство действительно ненавидит память о

смерти потому, что это есть память и о расплате за грех, о конце всех иллюзий, миражей зла, призрачных его радостей, которыми зло соблазняет на земле человеческую душу, отвлекая ее от Бога и Его правды.

Что такое «смерть»? Зло это или добро? Некоторые скажут: «зло»; другие (по-разному) скажут «добро». Истина же в том, что смерть, как уход человека из одной, действительности, земной, в другую — небесную, являясь следствием зла, не есть, сама по себе, ни добро, ни зло; для одних людей, добрых, верующих, она является «добром» и благодеянием, а для других, непокаявшихся перед Богом, она бывает — «злом», горем. Качество души умирающего человека определяет значение смерти для нее.

Слово Божие понимает смерть не в одном только смысле расставания человека со своим земным телом, но и в смысле потери человеком Благодати Божией. Эта последняя, абсолютно ужасная смерть, есть смерть души, или, как говорит Апокалипсис: «смерть вторая» (Откр. XX, 6), — смерть для праведности, для чистоты, для блаженства, для добра, — вечной жизни в Боге. Но эта смерть вторая никакой не имеет власти там, где души спасены и преображены силой Христовой. «Смерть и ад отдали мертвых», — говорит Откровение (Откр. XX, 13).

Самая святая и высшая смерть человека, есть смерть его для зла, для греха. Смерть для самой смерти... Человек умирает, чтобы не умирать больше... Воскрешенный во Христе, есть человек «умерший для зла». Смерть явилась в мире результатом человеческого отпадения от Бога, следствием греха; и, когда уничтожается грех, в подлинном покаянии, и в прощении Богом человека, снимается проклятие греха, то вынимается и жало из смерти...

Оттого так торжественно и радостно, в своем пасхальном знаменитом Слове, Св. Иоанн Златоуст восклицает: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?!»

«Жало» вынуто из человеческой смерти воскресением Христовым. И все верные Христу, все живущие с Ним и в Нем, — сыны воскресения.

38

ВСТРЕЧА СО ХРИСТОМ

После того, как был распят и погребен в каменной гробнице Христос, Лука и Клеопа вышли из Иерусалима... Когда они шли, Кто-то поравнялся с ними, и молча пошел рядом. Потом стал говорить, и от голоса Его стали как-то загораться сердца путников. Говорили о волновавших город событиях в Иерусалиме, перешли на древние пророчества, где открылось много нового. Был уже вечер, когда вошли в Эммаус. Незнакомый Луке и Клеопе Странник хотел идти дальше, но путники предложили ему остаться с ними, заночевать в селении. Незнакомец остался. Он возлег с путниками-апостолами за стол (в древнем мире возлежали за столом), взял хлеб, благословил его, преломил и подал им... И вдруг они увидели пред собою Христа, Господа своего, мертвое Тело Которого было положено, совсем недавно, в каменный гроб Иосифом Аримафейским и Никодимом. Они — напрягли зрение, и увидели, что никого уже с ними нет... Вставши «в тот же час», говорит евангелист-очевидец, они возвратились в Иерусалим.

Мы вправе были бы праздновать этот, уже не Господень, а апостольский «Вход в Иерусалим». Пред ними никто не бежал, дети не резали ветвей и не постилали одежд под ноги их; они шли такими же незаметными, пыльными, как все люди, но в душе у них было дивное торжество. Пелена с глаз была снята, все пророчества Библии о Христе были поняты, — они, потерявшие Учителя земли, нашли Хозяина Не-

ба. Уже по-особенному услышали апостолы снова встретившие их насмешки неверующих... Не малодушием, а великодушием встретили они теперь врагов Распятого и Воскресшего Живого Христа. Поистине у них переменилась душа: была малая, стала великая. Всё сделалось просто, ясно и очевидно. Кроме сознания ясности и простоты происшедшего, в апостолах горело уже теперь высоким пламенем блаженство прикосновения к Воскресшему Сыну Божию.

Где же миг этот, изменивший апостолов?.. Где черта Ветхого и Нового Завета в жизни Луки и Клеопы?

Весь этот миг: в Таинстве Святого Хлеба, в Причащении, в Евхаристии. Пред избранными, среди апостолов, апостолами Лукой и Клеопой, Христос Сам совершил Свое Таинство, преложив Свое Тело в благословенный хлеб, хлеб в Свое Тело.

Они, в вере своей, были не в малом Эммаусском доме с плоской крышей, — но в святейшем и чудном Храме Господнем. Сам Господь протянул им благословенный хлеб, и трижды благословенный Его Лик растаял. Господь перешел в хлеб, который Он передал ученикам. Вкусив хлеба, они исполнились Богом. Потеряв Учителя во внешних чувствах, они обрели Его во внутреннем стоянии души.

Чудны дела Христовы. Язык беспомощен выражать мудрость, открытую Богом. Мы, люди, разве могли бы лучше видеть Бога, более сыновне соединяться с Ним, чем в Таинстве Св. Евхаристии? Мы, люди грубые, земляные, плотяные, «душевные» — какое же общение света со тьмой? Мы — тьма, Бог — Свет. Разве тьма может познать свет? Ведь как только тьма начнет познавать свет, она начнет умирать, исчезать пред светом. Между нашим теперешним человеческим сознанием и между Неизреченным Божьим Светом выс-

шей, неземной жизни, не может существовать никаких отношений, ибо пред Богом мы чернее самого черного цвета. Но Творец не уничтожил землю нашу, после ее свободного грехопадения. Он не уничтожает и нас, хотящих стоять в Его доме, в Его храме, Он хочет, чтобы мы познали бессмертие в Нем, нашем Отце. Сыновняя Кровь — должна стать нашей кровью. Милость Господня излита на нас в Таинстве Св. Евхаристии. Принимая вид хлеба и вина, в храме из Св. Чаши, мы принимаем истинное Тело и истинную Кровь Бога, ставшего Человеком, не переставая быть Вездесущим Богом-Творцом. Дается новая, святая Кровь человеку, и ее мы принимаем в себя, как залог нового, уже нетленного мира. Непостижимое, но истинное касание Божества и человечества. Пред Вратами алтаря мы вкушаем бессмертие, как хлеб.

Вкушение Господа есть вкушение ослепительного сияния правды и чистоты. Как блаженны мы, что не отнято от нас это, что, сколь хотим, можем мы приобщаться Свету. Только Им мы уврачевываем наше слабое и грешное человеческое естество. Тьма врачуется не от самой себя, но от входящего в нее света. Сами мы не можем соединиться с Богом. Но Богу все возможно. Бог соединяет нас с Собою в Таинстве Евхаристии, Причастии. Пока мы живем на земле, нам надо пользоваться жизнью. «Пользоваться жизнью», — это значит приступать к Причастию Животворящих Тайн.

Ученики Христовы, вошедшие со Христом в Эммаусский дом, приняли Христа. Они были сердцем своим верны. От этого так горело их сердце на дороге в Эммаус. Перерожденные, они вернулись в смятенный город человечества. И для всего мира вынесли из маленького Эммаусского домика, где явился им Христос, свидетельство соединения Бога с человеком, — чрез живого навеки Богочеловека... Невиди-

мый, для нашего физического зрения, Господь наш и Спаситель встречает нас на всех дорогах и идет с нами рядом, входит в наши дома и благословляет всех, у кого открыто сердце для веры и любви.

39

ИСКАНИЯ ВЕРЫ

Журналисты любознательны. Они ищут не только новостей, но и знания того, чем живет народ; они как бы всё время прикладывают ухо к сердцу своего народа, чтобы услышать, как оно бьется и чем живет... Американцы привыкли к такому поведению своих журналистов и не удивляются, если их расспрашивают о самом внутреннем и глубоком, о чем, может быть, в других народах люди не стали бы рассказывать... Но американцы, в простоте христианской, доверчиво делятся опытом своей души.

Один американский журналист недавно изъездил всю свою страну, побывал на фабриках и фермах, в маленьких и в больших городах, чтобы узнать только одно: как люди в Америке ищут Бога.

— Я знаю, как решить все мировые проблемы, — сказал ему в маленьком гараже Новой Англии один механик, с вымазанными машинным маслом руками, лежавший под автомобилем, поднятым над землей.

— Неужели вы знаете, как решить все мировые проблемы? — удивился журналист.

— Да, — сказал механик, вылезая из-под машины, — человек должен всю свою жизнь отдать Богу.

«Я записал эти слова», — сообщает журналист.

Женщина, сидевшая рядом с ним в трамвае Сан-Франциско, сказала ему:

— Люди устроили такой беспорядок в мире, что

я желала бы, чтобы Господь отобрал от людей мир и стал бы править им без их содействия.

В Пенсильвании один человек так выразился о человеческой истории:

— Человечество имело шанс хорошо устроить свою жизнь в мире, но оно наглупило. Человек отошел от Божьей правды.

Старый фермер в штате Охайо заявил:

— Теперь только Один Бог может спасти мир...

Каков бы ни был мотив их религиозной веры, американцы, которые раньше не были уверены в том, что существует Бог, теперь открывают Ему душу. Вера в стране умножается.

Как люди обращаются к Богу? И что они понимают под словом Бог? Как они собираются Его достичь и постичь?

— До сей поры, — сказал один священнослужитель, — люди думали, что человек сам по себе может разрешить все жизненные вопросы. Желали люди больше учиться, больше изобретать, служить прогрессу, — и верили, что мир будет делаться все лучше и лучше... Но теперь люди увидели, что в этой картине чего-то главного нет. И это главное забытое людьми есть: Бог.

Во время своих поездок по стране журналист слышал много разных определений Божественного Бытия. Один учитель сказал ему: «Бог есть Разум». Другие говорили: «Бог — есть любовь». Третьи: «Бог — это Правда», «Бог есть — Милосердие», «Бог — есть Создатель», «Бог — Верховное Существо», «Бог — Отец»...

В одной деревушке Южной Калифорнии было дано такое определение Бога (несомненно — справедливое и содержательное): «Бог, это — Создатель и Хозяин вселенной, Всезнающий, Всеправедный, Всесильный, Высший Разум. Бог есть Дух, Свет и Любовь».

Простота является самой лучшей одеждой истины. Для богословов и священников религиозные истины могут быть ясны и в древних, сложных терминах. Но для обыкновенных людей, которые не изучали богословия и не знакомы со специальными его выражениями, надо выражаться как можно проще... Журналист однажды обедал в одном доме. Четверо детей, сидевших за столом, после обеда обратились к Богу с такими словами: «Благодарим Тебя, Господи, — обед был хороший; сделай так, чтобы мы всегда благодарили Тебя»... Это было так ясно и непосредственно, так просто. Дети понимали, что они говорили.

В одном университете штата Охайо некоторые студенты затруднялись понять божественную волю, в связи с кровопролитием в Корее. В это время в Корее шли тяжелые бои. Обычно собрание студентов там бывает в доме того или иного профессора. На этот раз собрание было в доме ректора университета проф. Викам. «Почему Бог позволяет, чтобы люди убивали друг друга?» «Почему Он допускает такой ужас?», — стали спрашивать студенты ректора.

Проф. Викам откинулся на спинку стула и медленно ответил:

— Когда Бог создал человека, Он сотворил не бездушную машину, не робота. Наиболее чудесным является, несомненно, то, что Бог создал человека существом самоуправляющимся... Бог дал нам, людям, как сынам Своим, свободу выбора... Мы свободны трудиться в Божьем деле, или идти против Бога. Можем признавать над собою власть Божию, но можем и отклонить ее... Из-за свободы своей мы не имеем права винить Творца всякий раз, когда мы создаем себе в мире трудности.

Один из встреченных журналистом людей сказал:

— Жизнь на земле является лишь периодом приготовления к жизни высшей. О богатстве, успехе и счастьи в этом мире можно справедливо сказать: «это всё мы не унесем с собой, за пределы земли. Но духовное богатство есть вечная ценность. Оно становится частью бессмертной души, и оно неистребимо».

40

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЭРА

«В путеводителях по музеям Советского Союза даты отмечаются не так, как у нас, — «до» или «после Рождества Христова», — но всегда словами «до», или «после нашей эры»... Так сказал в своей речи, на одном собрании в Америке, бывший посол Соединенных Штатов в Советском Союзе адмирал Кэрк. От его внимания не скрылось это маленькое языковое отличие; и тут, на этой как будто совсем малой черте он справедливо увидел глубокий водораздел в человечестве. Христиане всех стран и народов веруют во Иисуса Христа Бога, воплотившегося в мире, открывшего людям всю Правду и Мудрость Бытия. Многие не-христиане, во всех народах, чтут высочайшую нравственную Личность Иисуса Христа, как мирового Учителя. И всё человечество условилось вести счет своим годам «от Рождества Христова»... Только основатель фашистского государства Муссолини пытался начать новую эру: «от основания фашизма»; и в Советском Союзе не хотят официально говорить, что современная эра человечества начинается «от Рождества Христова»... Но — как можно утаить эту истину?

Пусть некоторые историки еще спорят об астрономической точности нашего исторического летоисчисления; никто из представителей современной серьезной исторической науки не оспаривает самого значительного, конечно, во всей мировой истории факта: рождения, почти две тысячи лет тому назад, Сы-

на Божия и Сына Человеческого. Историческое существование Христа Иисуса гораздо более доказуемо, чем существование Гомера и Сократа, не говоря уже о многих других деятелях древнего мира, в существовании которых никто из людей не сомневается. Впрочем, есть скептики, оспаривающие даже историческое существование Шекспира. Но доказать существование Шекспира не трудно, потому, что существуют творения Шекспира, которые говорят об исключительной шекспировской личности... Тем более великое бытие Творца неба и земли открывается глазам человека непредубежденного, глядящего на небо или рассматривающего землю. В великом своем и в малом творение открывает Разум и Дух своего Создателя. Не верить в историческое существование Иисуса Христа невозможно, потому, что есть божественная Книга Разума и Духа Христова: Евангелие, и целое «облако свидетелей», — миллионы и биллионы ранее живших и живущих ныне людей отразили и отражают в жизни и истории свет Христов. И никакие люди, даже самые неверные Христу не в силах угасить этот Свет.

Несомненно, за эти два тысячелетия Свет Христов отражался не в каждой крещеной душе и не в каждом служителе Христовой Церкви. Но ведь и солнце не во всем отражает свой свет в мире. Есть места, поглащающие светлые лучи. Доброе же и чистое сердце человека всегда отражало и отражает Правду Божию.

Историческое существование Иисуса Христа не только факт исторический, но и изумительнейшее, величайшее, радостнейшее событие мира. Центр истории человечества. Во Христе оправдывается человеческая жизнь и обнаруживает весь свой смысл мировая история... Без Света Христова жизнь была бы безвыходной, не имела бы ни цели, ни смысла. Ямой смерти оканчивались бы все благородные порывы и высокие деяния людей. Всё было бы ни к чему, без

истины Воскресения... Но человек существует не для того, чтобы исчезнуть навсегда. Он сотворен для бессмертия.

Смысл истории и жизни человека, — в осуществлении наибольшего добра, правды Царства Божия. К этому зовет и ведет людей Единый Безгрешный Вождь народов, Христос Иисус. Таково значение той высшей исторической эры, которая началась от Рождества Христова.

Несмотря на нашу общую человеческую греховность и неверность истине Евангелия, спасительный Дух Христов остается в мире. Среди нас Христос, как Солнце истории. Без света Его в мире была бы тьма. Правда евангельского учения открывается в бесчисленных свидетелях, — борцах и страдальцах за веру. Так было во времена древних гонителей Церкви, кесарей, в эпоху бесчеловечной, псевдо-христианской инквизиции (от которой страдали лучшие христиане) и так было в двадцатые и тридцатые годы, в Советском Союзе, когда разразилось среди русского народа невиданное еще в истории, по своему охвату и организованности, гонение на Христов свет... До революции (мы должны в этом покаяться) многие из нас тайно гнали Христа, веруя в Него устами, но далеко отстоя от Него своим сердцем. После революции лишь стала явной ненависть многих ко Христу... И пролилась кровь мучеников русских. Из Советского Союза гонение на веру в Сына Божия перешло в Германию. Сторонники расовой борьбы так же ненавидели Христа, как и сторонники борьбы классовой. Но Имя Христово не изгладилось в русском и германском народах, — оно еще более славится теперь и спасает от зла многие души.

«Может ли религиозное чувство человека заглохнуть и исчезнуть с течением времени, после нескольких поколений преследования и отрицания? может ли «материализм» всецело насытить, удов-

летворить человеческую душу?», — задает себе вопрос Кэрк, и отвечает: «я лично думаю, что инстинктивное ощущение и признание высшего порядка жизни и Высшей Силы в человеке заложено; сомнения же относительно атеистической позиции коммунистической партии сами собой зарождаются в уме масс в Советском Союзе»... Адмирал Кэрк выразился, может быть, слишком мягко. Русский народ (как и другие, братские народы Советского Союза) в основном преодолели приступ воинствующего безбожия в своей стране. В массе своей эти народы уже высказались против безбожия; тем более против безбожия воинствующего. Это не значит, конечно, что все в Советском Союзе веруют в Бога. Ни в Советском Союзе, ни в других странах, нет такого единодушия веры; рядом с верующими всюду есть и неверующие, а еще больше таких, которые просто не думают и не знают о Боге... Но, несомненно, что многие русские люди глубоко и искренно веруют в Творца мира и в Его Премудрость, засиявшую в человечестве, — Господа Иисуса Христа. Русские люди веруют, может быть, еще глубже, крепче, чем люди других стран, потому что их вера прошла через горнило огненных испытаний и страданий за веру.

41

АТЕИЗМ В ХИМКАХ

Предо мною человеческий документ. Доклад учителя истории Химкинской средней школы № 1, Московской области: «Материалистическое объяснение религии на уроках истории в VIII классе». Автор — Дайри, Н. Г. Журнал: «Преподавание истории в школе», орган министерства просвещения РСФСР, № 4, от июля-августа 1953 г.

В этом своем отчете пред государственными властями страны химкинский учитель истории повествует, как он вытравливал религиозное сознание из душ русских детей. Как он делает им прививку против веры в Бога. Чувствуя необыкновенную заразительность религии, он советует другим педагогам очень осторожно и совсем незначительно касаться даже в духе критики истин религиозной веры и церковных установлений, имеющих, как он верно заметил, притягательную силу для человеческих, особенно юных душ.

Дайри поэтому не касается или почти не касается религиозных предметов. Если упоминает о них, то в духе фантастическом, рассчитанном на полное невежество учеников. Он советует педагогам атеизма тщательно избегать излагать истины веры и описывать праздники Церкви — слишком велика опасность (даже таким косвенным образом) заразить религией школьников. Тактика химкинского педагога заключается в том, чтобы скрыть от детей религию, загромождая их ум всё одним и тем же серым багажом

атеистических мыслей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которые, как известно, в СССР «на всё и про всё». Такими столпами подпирает Дайри свой доклад. Просто диву даешься, читая его. Большая самоуверенность и крайняя беспомощность в мыслях. Такая педагогика может процветать только при казенной опеке, в условиях, где нет и не может быть возражающих, несоглашающихся. А Дайри не только учит молодежь; он инструктирует и самих педагогов, как нужно вводить в историю безбожие.

«Учащиеся должны быть подведены к диалектическо-материалистическому мировоззрению», — вот цель советского преподавателя. Иначе сказать, учащихся надо обратить в новую веру; чтобы вечно жил в умах людей Маркс и Энгельс, люди должны поверить, что Бога нет. Хотят или не хотят учащиеся, или их родные, — всех их нужно подвести, вернее, протолкнуть в материалистическую веру, заставить уверовать в непогрешимость пророчеств Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В докладе Дайри сквозит та же генеральная линия партии, общественно и педагогически сдерживаемая ненависть ко всему, поднимающемуся над материальным, священному, святому... Божество материализма — материя, а ее пророки всё те же четыре столпа марксизма: Маркс, Энгельс и т. д. На этих китах всё должно стоять, вокруг этого всё должно вертеться. Какое убожество, какая бедность мыслей!

19 столетий тому назад, самый замечательный педагог человечества Павел, ставший апостолом мира, так писал в своем письме к коринфским христианам: ... «если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого» (II. Кор. IV, 4).

Чтобы почитать образ Бога-невидимого, чтобы созерцать Бога Предвечную Правду, Бога — Высшую любовь, Бога Духа Святого, — нужно высокое благородство чувств, орлиность мысли. Хотя человек создан для такой именно высоты, но, пресмыкаясь умом и сердцем в низких страстях и злобе, он ищет и предметов низких для своего поклонения, предметов, бьющих по его внешним чувствам. Такова природа древнего идолопоклонства, обожествление статуй, истуканов, камней, фетишей; такова природа и современного идолопоклонства: материализма, — сотворение истукана из всей вообще материи, и идолов из особых продуктов и явлений этой материи, каковыми провозглашены никогда не ошибавшиеся, будто, — Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

Эта государственная лжерелигия, не имеющая никакой ни интеллектуальной, ни нравственной основы, конечно, должна укреплять себя всеми государственными средствами. Желая до конца искоренить всякое поклонение Истинному Богу, Творцу неба и земли, она пытается загасить всякий свет, сходящий с Неба... Здесь самая сущность так называемого «построения коммунизма» и не скрываемая цель активного советского государственного атеизма.

«Равноправие граждан» СССР и «свобода совести» их, о которых говорит Советская Конституция в статье 123-ей, будет звучать лишь как издевательство над верующими в Бога, до тех пор, пока в школах Советского Союза будет оскорбляться чувство верующих. Но коммунистическая партия, дающая директивы, знает, что если бы верующим в Советском Союзе было предоставлено такое же, как и неверующим, право свободы слова в советской печати, аудитории и школе, то атеизм не только захирел бы, — он совершенно бы исчез, пропал. Тьма не выносит света. Как только зажжен свет, тьма исчезает. И все аргументы атеизма, которыми пользуются в школах Советского

Союза учителя истории, рассеялись бы, как дым, будь у верующих граждан СССР равноправие, — только обещанное им коституцией, но не данное на самом деле. Верующие в СССР до сих пор имеют право только на «культ» церковный, то есть они могут открывать свой рот только для церковных песнопений в храмах, но не для открытых слов о вере вне храма, не для защиты и не для распространения веры в стране.

Это все видят заграницей; но еще лучше это видят в самом СССР. Казенный, принудительный атеизм советской школы не может, конечно, иметь прочного влияния на сердца и умы, чуткие к истине, задумывающиеся над своей и над окружающей жизнью. Легко возникает и у молодежи сомнение в справедливости такого казенного атеизма. Но свободы пропаганды религии коммунистическая партия, конечно, не допустит в том народе, над которым она властвует. Иначе, как паутина была бы сметена вся диалектика атеистической государственной педагогики... Народ в Советском Союзе сейчас только из классических произведений художественной литературы, исторических документов своей родины, и из ограниченных проповедей в немногих храмах страны, может черпать познание Божьей Истины и святой тысячелетней веры своих отцов.

Верующим людям отведены в СССР лишь задворки жизни... И даже здания церковные не отданы Церкви, а предоставлены только некоторые из них — на время — верующим людям атеистическим государством. В любой момент, когда партия сочтет необходимым (в силу того или иного изгиба своей диалектики), она может у Церкви отнять все храмы. Поведение партии, вернее ее вождей, диктуется не уважением к душевным убеждениям граждан своего народа, а лишь политическим моментом. Дайри открыто говорит о двойственном отношении советского государства к Церкви. Давая Церкви право совершения богослуже-

ний в некоторых храмах страны, государство одновременно оскорбляет веру Церкви, по государственному плану, во всех школах. Религиозная вера, Христова правда, квалифицируются как «отжившие предрассудки», «наследие классового общества», а Церковь Русская связанная в своем благовестии оскорбляется, как Сам Господь Иисус Христос, «воинами кесаря», защитниками обожествленного государства, слугами неправды.

Кто бы посмел в том классе средней Химкинской школы, где так уныло плетет свои атеистические сети Дайри, кто бы посмел из учеников там встать и сказать учителю-атеисту: «Гражданин учитель, я не согласен с тем, что вы говорите о религии. Мне оскорбительно то, что вы говорите о Церкви, которая легализирована в нашем государстве. Я не хочу слушать этих оскорблений моей веры. Я верую в Бога, я — православный»...

Если бы не только в Химкинской, но и в других советских школах вставали русские юноши и девушки и говорили так, на уроках тех преподавателей истории, которые пытаются сводить историю к атеизму... Что бы сталось с такими смельчаками и подлинными героями Советского Союза?.. Но героизм в Советском Союзе, в результате долгого угнетения религиозной мысли, стал другого рода. В Советском Союзе люди умеют слушать и молчать. Молчать и думать свою думу. Иначе нельзя было бы выжить... Все русские люди, по неписанному советскому закону, имеют свободу думать свою думу. Думать и радоваться, что эту думу никто не сможет подслушать. Слушает ее лишь Один Господь, ибо все тайное обнажено пред Ним. Слушает — и сотворит Свой праведный Суд.

42

БОРЬБА ЗА ДУШУ РЕБЕНКА

Куда вкрадывается демонический страх пред Богом, там начинается борьба с Божьей Правдой. Вместо того, чтобы доказывать, что они сами поистине живут и существуют, люди начинают доказывать, что нет Бога... Русский народ хорошо знает тактику диалектического материализма, все время изгибающегося, как змея.

Раньше на поприще насаждения материалистических идей грубо подвизался Емельян Ярославский, со своим «всемирным союзом безбожников». В ту эпоху комсомол был привлечен к кощунственным шумным выступлениям и уличным демонстрациям, к диким пляскам вокруг наполненных молящимся народом церквей, — даже в Пасхальную ночь... Много верующих людей в те годы пострадало за веру и Церковь. Много пастырей пролило свою кровь, исчезло за проволокой концлагерей. Потом, по мановению из Кремля, вся эта оргия была прекращена. Грубое кощунство, возмущая народную совесть, только усиливало в народе тяготение к святому миру, к святыне Церкви.

Вместо атаки на веру в л о б, была тогда диалектически придумана о б х о д н а я а т а к а на веру и Церковь... Следствием всех этих оскорблений Господа Бога, Творца неба и земли, с неба, как известно, сошел огонь на построяемое царство материализма и атеизма... И во время этих огненных страданий, войны, в труднейшую минуту народной жизни, вера в Бога и

Церковь были призваны на спасение души народа и Русской земли.

Теперь мы видим новый лукавый изгиб диалектики и новое наступление неугомонного безбожия на душу русского человека.

Держитесь братья, русские люди! Держитесь русские юноши и девушки, — не отступите от святой веры. Учитесь святой вере у пастырей Церкви. Держись русская женщина, сохранившая свой благословенный семейный очаг! Пусть ответом на атеистическое наступление в школах будет усиление твоей личной, семейной и церковной молитвы, укрепление твоего материнского попечения о душе ребенка, и — умножение духовного слова и поучение твоей матери, святой русской бабушки, бесстрашно несшей, все эти годы по русской земле молитвы и слова правды Божьей. Бабушка русская, православная, и ты — крепись в борьбе за святую веру, за спасение своих внуков!

А что можно сказать педагогам?.. Несчастен их путь, если они служат омрачению детской души. Сколь ужасно такое их дело, видно из слов Самого Спасителя в 18-ой главе Евангелия от Матфея: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской... Горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф. XVIII, 6-7).

Вспоминается мне встреча с одной бывшей советской учительницей... Не сдерживая своих слез и горько каясь, она рассказала мне, как совместно со всем преподавательским коллективом школы она мучила верующую девушку 13-ти лет. Мне запомнилось даже имя этой девушки: Капитолина Зайцева. Это были 30-ые года на Украйне. Зайцева по праздникам ходила в Церковь. Советская же школа хотела (как и сейчас хочет) всячески отвлечь детей от Церкви. Капитолину

Зайцеву вызывали на объяснения, укоряли, понуждали ее отстать от Церкви, бранили, оскорбляли и наказывали. Но ничто не помогало. Вызвали родителей. Те ссылались на собственное желание девушки. Наконец, над Зайцевой устроили школьный суд. На суде этом 13-ти летняя Капитолина держалась, по словам учительницы, исключительно хорошо: честно, твердо, необычайно мужественно, — принимая во внимание то, что против нее были все педагоги школы. Девушка совсем их не боялась, защищая пред ними свое право — на веру в Бога, на молитву, на любовь к Церкви... И, удивительно, — как учительница мне рассказала, у нее было тогда ощущение, что не они, педагоги, судят ученицу Капитолину Зайцеву, а она их всех судит. Капитолина стояла перед ними, как некий образ невинного Страдальца за грехи мира, Господа Иисуса Христа, «как агнец, посреди волков». Нравственная ее правда жгла души педагогов, ее судивших. Зайцева заявила им открыто и решительно, что никакие советские школы веры в Бога от нее не отнимут.

Конечно, Зайцеву засудили и изгнали из школы. Но суд этот остался, как глубокая, незаживающая рана в душе учительницы, которая мне это рассказывала. Подвиг ученицы Зайцевой укрепил слабую веру и в ней самой. Она горько сознала свое собственное малодушие, свое боязливое молчание на этом суде. И, очутившись, во время последней войны, вне границ Советского Союза, она выплакала этот свой грех пред Крестом и Евангелием, пред Самим Христом Спасителем, пред Божьей Правдой, Которую она малодушно предала, участвуя в осуждении этой мужественной, благородной девушки, свято исповедавшей свою веру. Непреложны слова Христовы, открытые в Евангелии, обращенные к каждому человеку: ... «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее.

Ибо что пользы человеку приобресть весь мир, а себя самого погубить, или повредить себе?.. Кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда приидет в Славе Своей и Отца, и святых ангелов» (Лук. IX, 24-26)...

Такие девушки, как Капитолина Зайцева, живы и сейчас на Руси. Ими держится земля.

43

ИЩИТЕ ДОБРА...

«Братья, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло, но всегда ищите добра друг другу и всем»... Так говорит в последней главе своего послания к Фессалоникийцам, ап. Павел. Ясны слова эти, просты, немногосложны, но сколько в них света, сколько добра и правды.

Трудно живется нам людям — от нашего зла человеческого и от следствий его. Человек страдает, прежде всего, от того зла, которое живет в нем самом, а потом и от того зла, которое живет в других людях. Зло, как снежный ком, увеличивается, если ему не противопоставлять добра, если его не растапливать лучами добра и милосердия. И в других людях, и в себе самих мы побеждаем холодное, темное зло только сияющим, согревающим христовым добром. Это христово добро может быть иногда гневным, свято-негодующим, обличающим зло, — оно и должно быть иногда таким огненным, но оно никогда не будет нести зла под маской добра. Таково свойство того состояния духовного, о котором говорит Апостол. Нам нужно прежде всего блюсти свою душу и хранить ее в мирном духе; и если мы уже этого достигли, будем помогать душе другого человека — быть в добре.

Чтоб излечить другую душу человеческую, нам надо знать на своей душе действие того средства лекарственного, которое мы предлагаем. Лекарство хри-

стовой правды, христова добра испытано уже в веках, в двух тысячелетиях, испытано на всех характерах и во всех народах мира. Это дивное лекарство имеет необычайную силу, если его принять «внутрь», ввести в сердце свое и в ум свой... Вот одна из драгоценных капель этого лекарства: «Братья, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло, но всегда ищите добра, и друг другу, и всем».

Некоторые, желая оправдать таящееся в них зло, ссылаются на свой «характер». Но характер формируется и складывается от свободных человеческих реакций на окружающий мир. Делающий добро другим людям приобретает прекрасный характер; и это есть лучшая его награда уже в этом мире. А в будущем мире он будет одного духа с Самим Богом и с мириадами существ спасенного в Боге творения. Делающий же зло и потакающий злу других приобретает ужасный характер и становится бичом и несчастьем для окружающих, и для своей семьи, для своего народа.

Лиха беда начало, — говорит русская пословица. Стоит лишь начать оправдывать в себе проявление и вспышки зла, как развращение души пойдет само собою и ее гибель последует.

Нравственный характер взрослого человека — это то, что человек с о т в о р и л и т в о р и т с а м с с о б о й. Душа — земля. Человек — земледелец своей души. Если в земле душевной сеется слово Божие, Слово Правды и любви Христовой, то плод бывает сладкий, радостный, для самого человека и его окружающих. Если же человек сеет в душе своей плевелы зла, то вырастут сорные, ядовитые травы духа, которые будут мучить и самого человека, и других людей.

Душу еще можно уподобить глине, человека же — скульптору. Скульптор лепит из глины образ человеческий. Так сам человек лепит из своих душевных качеств и способностей или образ человеческий, или звериный.

Делая какое-либо зло, человек не только впрыскивает в свое сердце смертельный яд, но и брызжет этим ядом на других людей, иногда на самых близких... Но при посторонних людях человек, обычно, неохотно показывает себя с дурной стороны; дорожа мнением о нем других, он хочет, чтобы о нем все всегда думали хорошо. В привычной же домашней обстановке он являет свой настоящий лик и мучает своих близких... Скрытое зло или явное — остается всегда злом, и человеку надо от него избавиться, как можно скорее. Как? Прежде всего чрез осознание высшего смысла своей земной жизни, ее великого бессмертия в Боге и ее краткости на земле; чрез познание Евангелия и Иисуса Христа; чрез обращение к Его правде. Христос открывает настоящее и вечное спасение людям... И, благодатью Своей, вводит в это спасение. «Я свет миру, — говорит Он. — Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоанн VIII, 12). Если будем ходить в этом свете, то станем сынами света; темное зло потеряет над нами свою власть и мы перейдем «от власти тьмы в царство возлюбленного Сына Божия» (Кол. I, 13) Иисуса Христа. И будем светильниками, озаряющими ночь скорби и в жизни других людей. Мы будем во Христе, утешением для печальных и исцелением для израненных злом мира.

44

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ

Материалисты верят, что материя предвечно существует; как некое божество, всё из себя рождает, производит, создает, — даже те духовные законы, которыми сама управляет... Такая удивительная и чудесная материя представляется материалистам действительностью, а всё остальное лишь паром м а т е р и и: и высокая мысль и жертвенное человеческое чувство, и правда и справедливость в мире, и красота, и любовь — весь внутренний мир души человеческой, всё это есть для материалиста лишь «игра материи»... Трудно понять, как при таком умалении человеческого свободного духа и личности материалисты всё же считают справедливым — и даже необходимым — ставить себе памятники, провозглашать о своих великих делах, трудах и подвигах... Ведь эти подвиги, по их же материалистической теории, есть лишь «выделение» или испарение материи... За что же тут славить человека? Да и где он, сам человек-то? Раз в мире всё — материя, и всё только действие механическое, биологическое или экономическое, — за что, скажите, ставить памятники людям: ведь они — лишь исчезающее отражение всё той же и всё одной же всепоглащающей материи, бессмысленно, несколько раз только могущий качнуться маятник материалистической — такой мало утешительной «диалектики». Как же тогда оценить заслугу человека или понять его вину? Не отдельных людей следовало бы материалистам судить, а всю материю, если из нее выходит та-

кое множество — во всех народах — нематериалистов, людей верующих в Бога и убежденных в существовании и бессмертии своей души... Здесь — тупик для последователей материализма, — материя не торопится производить материалистов. Она не любит их производить! Вот удивительное обстоятельство.

Из тупика своего неверия в нравственно-свободную личность человека, материализм пытается спастись в некую свою «диалектику», которая, конечно, более похожа на лукавство, чем на подлинную философскую диалектику. Отказ от детерминизма, в материализме, ничем не обоснован; он связан с признанием свободы воли и личной нравственной ответственности человека за свои поступки, слова и даже намерения... Только при таком глубоком понимании личности и ее нравственной ответственности можно говорить о виновности или добродетели человека.

Чтобы найти выход из нагромождающихся, на всех путях материализма, тупиков мысли, материалисты провозглашают, что вождями не только мирового пролетариата, но и вождями самой мировой материи, безошибочными истолкователями ее мыслей и желаний, являются четыре корифея марксизма: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Они объявлены мыслью, мозгом и языком самой материи!.. Разве не фантастика это? Ясно, что мы тут имеем дело с эксплоатацией материи, — самого имени «материи». Как возможна эксплоатация людей, так возможна и эксплоатация понятий. Материализм есть эксплоатация совершенно невинного и совсем не материалистического, а очень таинственного и глубокого — понятия материи.

Материя, конечно, ничего не говорит о мудрости корифеев материализма. Своим бытием и дыханием она показывает великого Творца Бога, указывает на Него тем людям, которые хотят познать Истину... Не-

бо и земля, цветы и звезды, леса и реки, горы и моря, и всё творение, наполняющее мир, с правдивым и открытым для вечности человеком, всё свидетельствует о Живом Боге и радуется о своем Творце.

Мы боремся, с вами, братья, — за самое драгоценное, что есть в мире, — за живую, бессмертную душу человека.

Ведь и сама теория диалектического материализма — совсем не является «испарением материи»; она является плодом обедненного, ограниченного человеческого сознания, и грешной, пытающейся скрыться от Бога человеческой воли.

Но залог жизни вечной живет в каждом человеке... Этот залог есть совесть. Истина в ней рождается, правда торжествует... «И Свет во тьме светит и тьма не объяла его». Это Евангельское слово Церковь произносит в Пасхальную ночь, возвещая о Христе, Спасителе мира.

Ньютон, открывший всемирный закон тяготения, в своей книге, вышедшей в 1733 году, — «Заметки на Пророчества Даниила и Апокалипсис Иоанна», — свидетельствует о существовании сверхчувственного духовного мира и о боговдохновенности Священного Писания, — Откровения Библии и Евангелия. «Если мы не хотим соглашаться с пророками и апостолами Самого Иисуса, — говорит Ньютон, — мы не заслуживаем извинения»... Познавший главную тайну материального мира, Ньютон, приподнимал шляпу, когда произносил святое слово Бог.

Русский мыслитель и поэт Алексей Степанович Хомяков так хорошо сказал о Божьей правде, постигаемой чрез красоту мироздания, и чрез еще большую красоту евангельской истины:

В час полночный, близ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
В горнем мире чудеса.

Ночи вечные лампады,
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.

Но впивайся в них очами —
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звездами,
Тьмами звезды в ночь ушли...

В час полночного молчанья,
Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в писанья
Галилейских рыбаков, —

И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
С лучезарною красой.

Узришь — звезды мыслей водят
Тайный хор свой вкруг земли:
Вновь вглядись — другие всходят,
Вновь вглядись, и там, вдали,

Звезды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходят, всходят без числа,
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла.

... Сквозь «дремлющую мглу» своего сердца человек способен увидеть свет небесной истины, озаряющей радостным значением призванную к бессмертию жизнь.

45

МОСКОВСКОЕ «ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ»

Несколько серых брошюр на моем столе... Стенографическая запись лекций, прочитанных в Москве в Центральном Лектории «Общества по распространению политических и научных знаний». Брошюры изданы «Правдой»... Вот «кандидат философских наук Прокофьев» прочел о будто бы «непримиримости науки и религии»... Вот лекция Гурьева: «Наука о строении вселенной». Излагая сведения о звездных мирах, Гурьев выводит из астрономии мысль, что на небесах нельзя найти Бога, и там, как на земле, одна только материя... Нет сомнения, что если разрезать мозг человеческий, то в нем не обнаружишь ни ума, ни знаний, ни даже толка. Перед глазами будет одна «материя»... Гурьев рассуждает, как примитивный человек в дебрях Африки, что Бог должен быть видим глазами людей и если его не видно на земле, то Он должен быть среди звезд. А если не увидела астрономия Бога среди звезд, значит Его вообще нет, а существует только одна материя.

Однако, истина в том, что даже ум человеческий есть понятие духовное, неосязаемое, невидимое глазом. Тем более, Создатель невидимого ума, Высший Разум, Творческая сила бытия, как сила духовная, незрим. И о самой философии нельзя говорить без признания реальности невидимых глазу и неосязаемых духовных истин и понятий... Оставляя в стороне ас-

рономию, читающий тоже в Москве лекции кандидат философских наук Цебенко, темой своей берет то, что, по его мнению, должно особенно заинтересовать колхозников и рабочих: «Французские материалисты 18-го века и их борьба против идеализма»... Такова пища, которой атеизм кормит русских людей.

Так защищается бедная наука в СССР от религиозной эксплоатации... Тема эта, пожалуй, устарела. Но привыкшие лежать на ней, как на печи 33 года, авторы не знают способов ее обновления. Новых указаний, как бороться с верой, очевидно, не получают они. Да и как их получишь? Идеи рождаются не под кожей, а в духовном мире человека, в разуме. А если духовный мир нужно отрицать, как же быть?.. Авторы антирелигиозных брошюр стараются не касаться религиозных истин в их сущности; они боятся этого коснуться и ограничиваются сообщениями только о том, что думают о религии К. Маркс, Энгельс, Ленин и другие... А что говорит Евангелие о Боге и о человеке, чему учит 2000 лет Христова вера и 1000 лет Церковь Православная в России, об этом не упоминается в брошюрах; и если и говорится, то совсем вскользь и так извращенно, что от истины религиозной не остается и следа.

На стр. 19, Гурьев сообщает, что «в 1914 году православные церковники выпустили брошюру, которая отвергает учение Коперника и уверяет, что земля неподвижна, а солнце ходит»... Где была выпущена такая неправдоподобная брошюра, — Гурьев не сообщает. «Религия говорит», «религия утверждает», читаете вы, а где это религия «утверждает», где она «говорит» — о том молчок. Цель авторов серых брошюр ясна: пользуясь молчанием связанной, плененной Церкви, они всеми мерами и приемами пытаются мало осведомленных людей (особенно молодых) настроить против веры в Бога.

Но достаточно всякому непредубежденному человеку услышать голос Евангелия, чтобы убедиться в силе, мудрости и красоте религиозного знания; а также и в том, что истинная религия никакой честной науке не противоречит. Религия имеет свою сферу: она учит о нравственном изменении человека, возвышает и очищает совесть, спасает душу, радует мысль, укрепляет волю, приводит к Вечной Жизни. А наука помогает человеку устраиваться в этом материальном мире. Честная, высокая наука не задается антирелигиозными целями; она лишь вникает в законы, которыми управляется материальный мир и изучает их применение к практической жизни. Наука строит самолеты, изучив законы воздуха, а будут ли в самолетах летать преступники или честные, святые люди, — этого наука не касается. Это уже область духа — религии. В СССР область религии хочет занять партия со своей партийной моралью. Наука нравственно-нейтральна и не занимается вопросами добра и зла. Религия же не изучает техники, не углубляется в материю, а вникает в нравственную область добра и зла и открывает людям их внутренний мир, духовные законы жизни, охраняя человечество от зла и безбожия, как самого худшего зла и смерти духовной... Религия несет нравственную силу, добро, последнюю правду, и как следствие этого — мир, высшую радость; она приводит сердце человека к истинному Хозяину мира, Богу Творцу. Религия открывает небо, любовь Божию и вечную жизнь... Истинная религия и честная наука — одинаково законные области жизни. Они легко могут находить точки соприкосновения, но друг друга не могут опровергать. Если это иногда и случалось в истории, то происходило лишь по недоразумению и по неведению людей прошлых веков. Не всегда люди религиозные понимали природу науки, а также и истинную сущность религии. С другой стороны, и люди науки иногда переоценивали (например, в 19-ом

веке, в эпоху возникновения марксизма) достижения и познавательные возможности самой науки.

Религия, по существу своему, есть всеобъемлющий, синтетический подход к миру. Область религии не может оспаривать область науки, уже потому, что научной истины, как чего-то абсолютного и окончательного, нет и не может быть; наука не стоит на месте, она всё время прогрессирует; и если какие-нибудь законы науки опровергаются, то не религией, а самой же высшей наукой, идущей вперед.

Вот отчего много глубоко верующих в Бога ученых во всех странах мира.

Из темных и смертных подвалов безбожия, куда его сталкивают материалисты, русский человек тянется, вырывается к свету, — к вере своих отцов. Он наполняет те немногие храмы, которые еще ему оставлены, спасая душу свою крепкой надеждой на Бога и молитвой.

Молится тепло русский человек среди своих полей и лесов, и в своих, горящих свечами веры храмах, прося Спасителя Господа, чтобы прошла злоба, миновалось неверие, чтобы вошла в жизнь родной страны правда, вера и любовь.

46

РЕЛИГИЯ И СТРАХ

В московском журнале «Наука и жизнь», от января 1951 года, напечатана статья: «Религия и ее социальная роль». Редакция предпосылает этой статье предисловие, где говорит, что «будет систематически печатать материалы разоблачающие реакционную роль различных религиозных культов».

Аргументы данной статьи не являются специальными аргументами автора, но лишь выражением генеральной линии материалистической философии. Мы не стали бы отвечать на эту новую попытку материалистов унизить веру в Бога в русском народе, если бы видели, что Русская Церковь в СССР имеет право говорить полным голосом и опровергать неправду воинствующего материализма. Но она этого не делает, потому что не может делать. Она лишена свободы открытой религиозной проповеди в своей стране. Ей дана лишь «свобода культа» — свобода молитвы в открытых храмах; она не имеет возможности открыто благовествовать веру в Бога по всей стране, в печати, с университетских кафедр, по радио... Церковь Русская лишь молится об укреплении веры в людях, и о том, чтобы неверующие осознали неправду своего неверия.

Статья Богданова объясняет рождение религии в таких словах: «Религия родилась от страха и чувства придавленности, бывшей у рабов капитализма», и цитирует Ленина — 15-ый том 374-5 страницы: «Страх

создал богов...» Что можно сказать на это? Темный страх создает темных богов. Светлая же и истинная религия рождает благоговейное чувство близости великого и прекрасного Бытия; она рождается от светлых чувств близости к Богу. Религия есть познание Бытия абсолютного, — Бога. Религия есть соединение человека с этой совершенной, сверхмирной силой... Дикарский же суеверный страх не религию создает, а только выражает непросветленное человеческое сознание — вообще и в отношении религии. Суеверное поклонение ложным богам, культ мстительных злых духов, а также и чувство зависимости от земных людей-полубогов создается темным страхом.

Религия истинная рождается от любви Божьей и от любви к Богу; она рождается и от любви к людям, которых любит Бог, и к тем, которые любят Бога... Любовью к Богу и к людям созидается благоговение души, трепет пред Святыней, нежелание огорчить Любимого и Любящего Небесного Отца... Неверующие — не понимают этого светлого трепета. Им понятен лишь страх пред немилостью и мстительностью ложных богов и земных властителей. Движимые этим темным страхом, жертвы древнего язычества и современного государственного материализма отрекаются от своей души, от Истинного Живого Бога и от близких людей. Мучая их разными страхами, ложные боги принуждают людей отрекаться от Божьей правды. «Сверх-человеками», о которых мечтал Ницше, и его германские последователи, создается сперва групповой, партийный, а потом государственный и мировой темный страх, — целый культ государственного устрашения людей. Создана теория не только устрашения, но даже уничтожения людей определенных социальных слоев и убеждений, и целых народов (так называемый, геносид), мешающих одной какой-

либо партийной, классовой цели или расовой цели. В странах, где официально исповедуется вера в государственный материализм, надо людям всё время умилостивлять своих правителей и вождей, воздавать им всё время особые почести, воздвигать им статуи, выставлять всюду их изображения, называть их именами города и области... Такой культ смертных и грешных людей можно справедливо назвать верованием инфернальным: оно рождается конечно от темного страха и рождает его.

Защитники культа государства, партии, или одного человека, всегда будут нападать на светлую религию Христовой Истины, эту живую связь человечества со своим Творцом. Материалисты будут всегда утверждать, что «Бога нет». Защитники веры в материалистических вождей и полубогов будут всегда восставать на веру в истинного Творца людей... Редакция журнала «Наука и жизнь» может спокойно печатать в Москве свои статьи против религии... Никто на них не ответит! В Москве не найдется возражающих Богданову. Даже в «Журнале Московской Патриархии», этом органе Православной Церкви и апостольской веры, никто сейчас не скажет ничего, и нельзя будет ничего сказать в ответ на оскорбление святого святых русского народа. Да, пастыри русские будут сейчас молчать и только молиться о спасении всякой заблудившейся души, об укреплении истинной веры в людях. Но русский человек, прочитавший статью Богданова, в душе своей, сделает правильные выводы... «Страх создал богов»? А страдание моего народа, не от этого ли темного страха, пронизывающего жизнь?

Вера в Бога есть высокая и чистая радость, — сыновнее, светлое общение с бесконечной Любовию. Религия истинная есть последняя правда и чистота жизни. Она не зависит ни от Богданова, ни от Мар-

кса, ни от Энгельса, ни от каких-либо людей или партий, но освобождает сердца и умы людей во всех народах мира — от зла, неправды и рабства. Всех, познавших Истину, Истина сделает свободными.

«Я Свет миру», — сказал Спаситель. Никакое поклонение темным богам или людям в истории не могло и не сможет никогда погасить любви к Богу и человеку. Этот Свет во тьме светит и тьма не объяла его (I и I).

47

КАК УЗНАТЬ БОГА

Как узнать Бога? Для узнавания Его и Его воли Сам Творец дал человеку начало разума и духа. Чрез всю жизнь мы призваны всё более и более познавать своего Небесного Отца, любить Его, и находить в Нем свое вечное благо; и всё более постигать гармонию всего Его великого творения. Ни научное, ни художественное, и никакое вообще творчество в мире немыслимо без этого начала разума и духа. В е р о ю своей, высшим интуитивным постижением человек начинает в и д е т ь, ощущать Бога; человек способен слышать, внутренним своим слухом, божественную правду и любовь. Мир сотворен сверхмирной любовью, и верующий человек начинает л ю б и т ь э т у л ю б о в ь, служить ей среди всех преходящих явлений мира, испытаний и экзаменов для его духа, — готовя себя к высшему и вечному бытию... «Верный в малом и во многом верен будет»... Так говорит Евангелие. Задача и смысл земного существования — восходить чрез эту временную, краткую жизнь — к высшей и вечной.

К пониманию именно этого высокого смысла жизни, как любви к Богу и служения Царству любви в людях, направлено всё евангельское учение. Каждый человек призван уже здесь, на этой земле, служа Богу, помогать людям-братьям — в Божьей правде. Люди между собою не только братья, они даже б о л е е ч е м б р а т ь я, — родные братья по Небесному Отцу. Все они, в разных странах живущие, и к разным

народам принадлежащие, друг для друга — соотечественники, по одному, небесному, вечному Отечеству.

Как приходит человек к знанию о Боге? Знания о Боге человек достигает из четырех источников: 1) от Самого Бога, — чрез Его Божественное Слово и откровение Св. Духа в Церкви. 2) от Бога, чрез познание им сотворенного мироздания, его гармонии, величия, красоты, целесообразности и столь малой постижимости для человека; и чрез познание своей человеческой природы и глубины. Честная высокая наука всё более приводит к познанию тайн творения. Высокая наука опровергает веру в материализм; самое понятие о материи всё время изменяется, подходя всё более к области духа. 3) Мы узнаем о Боге от Бога — чрез бесчисленные свидетельства святых, то есть людей, не говоривших и не говорящих лжи. Мы узнаем также о Боге и от тех грешников, которые оставили свою темную, грешную жизнь и перешли к светлой. 4) Мы узнаем, наконец, о Боге, от Бога, чрез свою собственную бессмертную душу, очистившуюся совесть, чрез молитву и покорность Божьей воле, чрез исполнение Божьих заповедей и указаний... Из этих всех источников одна и та же Истина Божья входит в наше сознание, орошает наше подсознание и живит наше сверхсознание. Она является откровением Самого Бога и одновременно выявлением в нас того, всего истинно-человеческого, которое способно в нас познавать Бога.

Я уже говорил о том, как древний антиохийский мудрец-христианин пояснил язычнику тайну познания Бога: «Если ты скажешь: покажи мне твоего Бога, то я тебе отвечу: покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога. Покажи мне, что очи души твоей видят... Если на зеркале есть ржавчина, то оно не может отражать лицо человеческое; так и человек,

когда в нем есть грех, он не может созерцать Бога». И философ Платон уже доходил до мысли, что око ума нам дано для того, чтобы мы могли им, когда оно чисто, созерцать то истинно Сущее, которое есть «Источник всего постигаемого умом»... Оно есть «единое прекрасное и благое, мгновенно появляющееся в благородных душах, по причине их сродства с Ним и желания видеть Его»...

Высокая философская мысль, как и чистая наука, всё более освобождают человечество от призраков материализма.

Философский порок материализма 19-го века, заключался в его наивной вере в окончательность и непреложность научных воззрений того времени и в то, что наука уже ответила на все главнейшие вопросы жизни. Марксу, Энгельсу, Ленину и другим материалистам в голову не приходило, что многие в 19-ом веке «прочно установленные», как казалось, факты окажутся неверными; теории, на них построенные, будут заменены другими.

Так называемый «революционный» материализм есть, на самом деле, материализм окостенелый; он стоит на своих позициях 60-х годов прошлого столетия, в то время как в науке произошла и происходит подлинная революция. А к формам жизни и к душе человеческой совсем неприменимы те понятия и уравнения, которые характерны для элементарных физических частиц. «Входя в область души, мы входим в совершенно автономную область», — справедливо говорит современный физик Нобелевский лауреат Хейзенберг.

Чистый язык Истины, — просвещающий и умиротворяющий человека, звучит в евангельских словах Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Человеческого. Желающий услышать это слово пусть откроет Евангелие, пусть откроет и свое сердце пред светом Иису-

совым, вникнет в Евангелие без лукавства и сомнения. Там открыто всё, что мы можем и что надо знать о Боге, о человеке и о цели человеческой жизни.

Евангелие освобождает от духа неведения и зла; оно выводит добро, таящееся в людях, на передний план жизни. Слово Христово очищает и воспитывает внутреннюю глубину нашего человеческого существа, — «сердце», совесть... Кто хочет познать Истину, тот должен, прежде всего, открыть в себе того человека, который в силах эту Истину познать.

«Я — Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода» (Ин. XV, 5). «Я — Путь» (Ин. XIV, 6)... говорит нам Христос. «Я — дверь» (Ин. X, 7)...

Вот — наш общий человеческий Путь и наша жизнь в Отце. Христос Иисус есть средоточие и цель мира — Душа души человеческой...

48

ПУТЬ К БОГУ

Человек стоит перед Богом всю свою жизнь. Хочет он этого или не хочет. Солнце не спрашивает о нашем отношении к нему, — оно светит и сияет, целит и животворит. И человек открывается все время — и откроется до конца — Богу во всех своих делах, чувствах и мыслях, и получит от Бога в вечном мире то духовное место, которое будет правдиво соответствовать внутреннему нравственному состоянию его духа... Каждый пойдет «в место свое».

И даже здесь, на этой шумливой, суетливой земле, от голоса чистого, правдивого, в совести звучащего, не легко человеку скрыться. Надо много сотворить безумств, чтобы заглушить в себе все нравственно-чуткое, что живет в каждом человеке, и сжечь до конца свою совесть, не чувствовать уже ее томлений от совершаемого зла.

Ведь иногда «неверующими» считают себя люди совсем ложно. Им внушили, или они сами усвоили себе неверное, узкое понятие о Боге. Неверующие иногда не против Бога, в сущности, настроены (они Бога не знают), а против своего же собственного — узкого, неверного о Боге представления. И эти люди подчас совершенно искренно и почти религиозно восстают против неумного понятия своего о Боге. Эти души способны быстро обрести веру, найти то, чего всегда в сущности жаждала их душа.

Всякий ли человек способен уверовать в Бога, придти душою к Богу? Да, всякий, безусловно.

Все позваны на пир Отца. «Много званных»... Много... Все званы, кто родился в мире. И Дух Божий уже действует в человеке, когда человек ищет в мире не партийную, не классовую, не расовую и не какую-нибудь иную временную и ограниченную — правду, но ищет правду абсолютную, общечеловеческую, вечную.

«Неверие», как отказ от легкомысленной, несерьезной веры, может быть — я уже говорил об этом — естественным этапом истинной веры в душе человека.

Но неверие, как результат скверной, эгоистической жизни, или как желание дать себе оправдание такой нехорошей жизни, есть уже неверие «заинтересованное», «нечестное». В таком неверии душа просто скрывается от Бога, убегает от высшего, нравственного Суда над собой. Но куда бежать от этого суда? Он так же не минует человека, как не минуют роды роженицу...

Бывает бездумное, «животное» неверие в человеке. Некогда просто человеку задуматься над собой, прислушаться к пульсированию жизни в своем духовном существе и приглядеться к высшим ценностям бытия. Жует человек равнодушно свою житейскую жвачку, и не желает размышлять ни о добре, ни о зле, ни о жизни своей, ни о ее конце... Евангелие таких людей уподобляет гостям, которые будучи приглашены к великому и доброму Хозяину, стали, «словно сговорившись», отказываться от приглашения. Один говорит: «я купил волов и иду в поле их испытывать, прости меня, не могу придти»; другой сказал: «я женился, прости меня, не могу придти»; третий еще нашел какой-то предлог не пойти к своему Творцу. Люди отказываются... Они, может быть, и не делают большого зла, но им некогда. Они заняты своими маленькими заботами, радостями и печалями и не хотят отойти от них. Жизнь многих людей такова. Цар-

ствие Божие, Христово «не вмещается» в них. Грозный это симптом для человечества.

Отвергнув Божию правду и свое подчинение ей, люди попадают в рабство разным партийным, классовым, личным и всяким коллективным эгоистическим полуправдам и интересам.

В человечестве есть жизнь религиозная, есть жизнь нерелигиозная и есть псевдо-религиозная. В истории люди часто прикрывались своими санами и высокими словами о Боге, не служа ему в истине, но оскорбляя Божию Святыню своими делами. Такое лицемерие Господь осуждает больше, чем неверие. Неверующий, пока он живет в этом мире, может еще покаяться и стать верующим. И много грешников мы знаем в человечестве, которые за тысячелетия его истории обратились к Богу и к святой жизни. Но религиозная фальшь и лицемерие закрывают дорогу к Богу.

С некоторым основанием иногда говорят антирелигиозники о недостоинстве верующих людей. Только они не замечают, что этот их аргумент не против религии, и сам он — чисто религиозный. Да, в мире было и есть много христиан и пастырей «лишь по имени». И безбожники, говоря много неправды о Господе Боге, о вере и о верующих, иногда высказывают частичную правду; она в том, что не все верующие живут по своей вере. Но эту правду всякий, и без безбожников, всегда видел и видит, но верующий относится к ней иначе, иное заключение делает из этого понимая, что никакая греховность человеческая не может умалить Святыню Божию и никакая человеческая ложь не в силах опорочить Божью Правду. Само Евангелие говорит, что и среди 12-ти высших учеников Истины оказался один предатель. Но разве это опровергает истинную веру и святость других 11-ти апостолов? Ничуть. Предательство ложного ученика лишь

подчеркивает правду подлинного ученика. Наука не грешит плохими учеными, музыка слабыми музыкантами; Истина не ответственна за неверных ей людей.

Душа неверующая, но не самоудовлетворенная, тоскующая по абсолютной Истине, придет к Богу. Справедливо говорит философ и учитель Церкви Августин: «Тоскует наше сердце без Тебя, Боже, и не может успокоиться, пока не найдет Тебя». Путь правдивого человеческого сердца: радостно жить в Боге, или в скорби искать Его. Сердце человеческое находит мир только тогда, когда найдет своего Отца. Бессмертную глубину человеческой души может заполнить только Он, Небесный наш Отец, Который есть вся Любовь и вся Правда Бытия.

49

БЕССМЕРТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Одним из главных антирелигиозных лозунгов в Советском Союзе надо считать идею Маркса и Энгельса о необходимости, будто бы, атеизма и материализма для построения счастливой жизни на земле. Эту марксистскую идею можно выразить так: только не занимающиеся «небом», только чуждые мысли о бессмертной жизни люди способны по-настоящему заботиться о земле и ковать на ней счастье человеческое. Союз воинствующих безбожников стал пускать эту идею, идею «далекости неба» в массы. Но небо, т. е. идеальные ценности жизни, не далеки от человека. Они даже гораздо ближе к человеку, чем иные ценности. Как ни близко тело к человеку, а душа к нему еще ближе. Душа, это — он сам. Ампутируйте у человека руки и ноги, проткните ему уши, выколите ему глаза, — человек останется самим собой. Но отнимите у человека его разум, его совесть, все добро, которое в нем есть, и он обратится в существо гораздо худшее, чем дикий зверь. Люди, у которых, как у кротов под землей, атрофировано чувство восприятия нравственного света, не могут устроить счастливой жизни человечеству. Они даже своего счастья не могут устроить. Кто не может обосновать нравственных понятий, тот не может, конечно, их по-настоящему иметь; и не имеет права развивать высокой мысли о свободе и братстве человечества. Да и какое может быть чувство братства у людей, если у них нет веры в Единого Отца всех — Бо-

га?! Братство по обезьяне трудно обосновать. Усилия материалистов в этом направлении будут напрасными. Братство людей могут понять и осуществить только верующие в Единого Бога, Отца людей.

В атеистической теории, переоценивающей мудрость тех, кто глядит только на одну землю, своеобразно преломилась идея современного техницизма... В нашу эпоху нарождаются всевозможные специалисты во всех областях. Вера в «специалистов» характерная черта нашего времени. Эта ставка «на специалиста» привела в тоталитарных странах к ставке на партийного работника; и дело управления человеческим обществом дошло тут до тупика очень болезненного. Весьма нелегко положение народов, очутившихся под опекой этих «специалистов» по вопросам одной только земли. Нельзя сказать, чтобы эти специалисты по земле прибавили людям счастья. Неудобство же их активности выявляется отчетливо для человечества. И как они стараются всюду, чтобы человек забыл свою небесную родину.

В действительности же, ценно не бегство людей от неба — к материи, а ценен процесс обратный: от материи к духу, от земли — к небу. "Per aspera ad astra", как говорили древние римляне. «Чрез крутизны к звездам»... Это настоящий путь человечества.

Культура есть возвышение и одухотворение жизни человека. Земля есть только путь людей, только станция в человеческой судьбе. Человека ждет бессмертная жизнь. Как бы долго ни останавливался он на земле, и какие бы «высотные» здания он ни строил на земной скорлупке, она не перестанет быть лишь хрупкой скорлупкой над огненным океаном. И человеку предлежит отправляться далее в путь... Земля есть лишь ничтожная песчинка мироздания, которой суждено, рано или поздно, сгореть, со всеми делами своими, как говорит апостол Петр.

Духовная же сущность человека пойдет на Суд к Богу... Куда же денется атеистический коммунизм? Что станет с его «строительством»? Где будут его строители? И в каком положении очутятся те, которые, во имя этого строительства, обманули и самих себя, и бесчисленное множество душ, уверив их в прочности только одной земли и в призрачность духовных ценностей жизни?..

Смерть и время царят на земле,
Но владыками их не зови,
Все кружась исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви —

Так верно сказал Владимир Соловьев.

А Ф. М. Достоевский, в своем «Дневнике писателя», от октября 1876 года, очень справедливо высказывается об атеистической вере в нуль, в смерть души человека. Он поясняет, как материалист, по неотразимой логике своего атеизма, приходит к самоубийству, поняв все бессмыслие своей жизни, если нет Бога. ... «для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? Все, что мне могли бы ответить, это: что б получить наслаждение. Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже при самом высшем непосредственном счастьи любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же всё это будет уничтожено: и я, и всё счастье это, и вся любовь, и всё человечество — обратимся в ничто, в прежний хаос. А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья, — не от нежелания согласиться принять его, не от упрямства какого, из-за принципа, а просто потому, что

не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Ну, пусть бы я умер, а только человечество осталось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен. Но ведь планета наша не вечна и человечеству срок — такой же миг, как и мне. И как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, — всё это тоже приравняется завтра к тому же нулю. В этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству»... Такова мысль Достоевского, в его «Дневнике писателя», о материалистической вере в нуль. Таков конец материалистической веры — в одну только землю... Эта вера не может преодолеть смерти, она носит в себе смерть, является самой смертью. Только вырываясь из умерщвляющих объятий материализма, человеческая душа находит в Живом Боге свою жизнь.

50

СОВЕСТЬ И ЗАПОВЕДИ

Хотят ли об этом думать неверующие, или не хотят, но существует внепространственное место, куда душа, после окончания определенного ей от Бога срока земной жизни, уходит на суд... Там раскрывается книга жизни ее, где всё отпечатано, что говорил, творил или желал на земле человек.

Счастливая книга жизни у тех людей, которые творили на земле одно только добро и стремились выполнять волю истинного Отца народов и людей — Бога. Но горькая книга жизни у тех, кто не верил в Бога и других учил не верить. Горькая книга у тех, кто, отвергая своего Творца, поклонился бездушной материи, отвлеченным идеям, или смертным людям, творя себе кумиров. Горькая книга жизни у тех, кто сознательно отверг Дух Божьей правды, евангельскую мудрость и любовь... Никому не хочет Церковь вечной гибели, даже самым большим своим врагам и гонителям, но всем желает спасения. Как Сам Христос молился на кресте за своих распинателей, так и Церковь кротко взирает на своих мучителей. Особенно на тех, над которыми уже совершен на земле Божий Суд.

Но таинственные и горькие слова для человека раскрываются в евангельской Притче о Богатом и Лазаре, — о немилосердном богаче и о кротком нищем, раны которого лизали псы, когда он лежал в пыли, рядом с палатами богача. А богач пировал, не обращая внимания на бедняка. «Умер нищий, — го-

ворит Евангелие, — и отнесен был ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач и похоронили его». И — «будучи в муках, он поднял глаза свои» — и увидел вечную жизнь у Бога, и бедного Лазаря, ныне радующегося с праведным Авраамом. Не думал богач о вечной жизни, когда жил на земле; но теперь она предстала пред ним со всею яркостью и несомненностью; а прошедшая его эгоистическая, безбожная жизнь предстала ему со всею своею невозвратимостью утерянных им лет и дней... Муку этого сознания трудно передать человеческим языком.

Братья, русские люди, к вам еще не пришедшим к вере, обращаюсь я прежде всего, — подумайте о своем неверии, подумайте о своей бессмертной душе, — она глубже и ценнее всех ваших сокровищ! Не только на краткое мгновение она вам дана. Веруйте в ожидающую вас вечную жизнь. Не поддавайтесь гибельной пропаганде материализма, не застилайте пылью неверия глаза своей души; источник ее жизни — в Боге.

Бог сотворил человека. В глубину сердца человеческого вложено нечто божественное, как бы некая высшая мысль: совесть. Совесть подобна искре, свету и теплоте. Она просвещает ум, она показывает ему, что такое д о б р о и что такое з л о. Совесть есть голос Божий, указывающий человеку, как надо ему поступать. От совести многие люди хотели бы убежать, — но это невозможно: совесть внутри человека и человек несет ее всегда с собою.

Между земными силами мы не знаем более сильной и высокой, чем совесть. К совести своей верующий человек прибегает, как к суду Божию. Невинно гонимый ищет убежища и успокоения под покровом спокойной совести своей, как за щитом Высшей правды. Человек чувствует себя в безопасности и может противустать целому свету, если совесть на его стороне.

Но, будучи защитником и утешителем человека невинного, совесть является неумолимым судьей человека виновного. Здесь грешник становится прямо перед огнем Божьего суда, на котором осуждаются его беззакония.

Совесть нельзя подкупить. Не надо делать того, против чего она восстает! Она хранит святой Божий закон, написанный в сердцах.

Кроме совести, человеку дан духовный свет и в заповедях.

Бывает, что слишком оттягченная грехом совесть перестает как бы дышать в человеке. Совесть оказывается придавленной человеческим злом, как тяжелым камнем. Всё человечество находится в состоянии необходимости очищения своей совести — молитвой, верой и покаянием. Творец дал людям полный, ничем не замутненный свет Свой в Евангельском Слове, в Истине Сына Божия, Христа Иисуса. Евангелие, это голос Божий, звучащий в совести всего человечества. И те, кто слушают и исполняют веления этого голоса, — воскрешают свою душу.

51

БДИТЕЛЬНОСТЬ ВЕРЫ

В то время, как русский народ призывается к атеистической бдительности, мы, православные пастыри Русской Церкви, зовем к бдительности Христовой веры. «Будет время, — говорит ап. Павел, — когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые бы льстили слуху и от истины отвратят слух и обратятся к басням. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое» (II. Тим. 4).

Бдительности учит Бог; но ей учит и лукавый враг. Учат бдительности ученики Христовы и ее же проповедуют духи тьмы. Евангелие возвещает святую бдительность веры. А неверующие учат классовой, расовой и партийной бдительности, сопровождая ею всякую насильственную организацию человеческого общества в мире. Бдительность христианская — это понимание путей спасения и освобождения человеческой души в Боге, привлечение всех людей ко Христу Иисусу Спасителю мира... Светлая бдительность есть любовь христианская. Любовью Господь создал Церковь, но не «партию апостолов», не «партию христиан». Мать бдит над ребенком, храня его. Дух Божий бдит над душой человеческой, спасая ее. Христианин бдит над волей Божьей в себе и в других. Это есть явление любви и истины.

«Бдите и молитеся, да не внидите в напасть», говорит Спаситель, в Гефсиманском саду, своим уче-

никам, утомленным и засыпающим. Да, мы знаем, и верующие в Бога люди, стремящиеся к свету, способны утомиться злом этого мира, трудностями, гонениями, унижениями, всем этим временным торжеством неправды над правдой, которую мы часто видим в мире. И когда видят верующие люди вокруг себя в мире гонение на всякую святыню и правду, они бывают способны утомиться этим злом, принуждающим их отойти от их упования, от их веры... И печаль тогда одолевает сердца людей, и они, как апостолы в Гефсиманском саду, видя агонию своего Учителя, засыпают «от печали» (Лук. XXII, 45), переставая быть в мире бдительными, внимательными к духу своей веры. Вот о чем предупреждал апостол Павел ученика и сотрудника своего Тимофея. А апостол Петр так говорит верующим: «трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить. Противостойте ему твердою верою...» (I Петра V).

Если для живущих в Соединенных Штатах христиан — главная бдительность духовная, может быть, состоит в том, чтобы не увлекаться накоплением зарабатываемых денег и всех тех материальных благ, которые так легко тут на деньги приобретаются, но — сохранять внимание души на ценностях духовных и вечных, то бдительность духовная в Советском Союзе будет заключаться, более всего, в умении и горячем желании сохранить свою веру и душу среди тех бесчисленных обязанностей, повинностей и нагрузок, не только физических, но и душевных, которые положены на советского человека. Усиленные темпы работы, общественные, тем более партийные задания, могут не только душевно изнурить человека, но и ослабить его волю ко всякой свободной, живой и личной активности в мире.

Нужна бдительность веры... «Смотрите, бодр-

ствуйте, молитесь, — говорит Спаситель... — не знаете, когда придет хозяин дома (Он Господь, Хозяин мира) — вечером, или в полночь, или в пенье петухов, или по утру. Чтобы пришедши внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте». (Марк XIII).

52

ВЕЛИКОЕ СЛОВО: Б О Г

В научных и иных публикациях, во всех странах мира, принято, если речь идет о Боге единобожия, монотеизма — всегда писать слово Бог — с большой буквы, в отличие от слова бог политеизма, многобожия. Но в Советском Союзе, даже при переиздании классиков русской литературы (писавших, конечно, слово Бог всегда с большой буквы, когда речь шла о Боге единобожия), всюду вытравливается заглавная буква великого этого слова. Откройте любое, советского издания, классическое произведение русской литературы, — Державина, Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Лескова, — во всех книгах (кроме нескольких, дозволенных специально, изданий Московской Патриархии), всюду вы увидите, что инквизиторская рука прошла по страницам русской литературы и всюду вытравила большую букву в слове Бог...

Слово Бог не всегда следует писать с большой буквы. Когда персонажи комедий, ради красного словца, или божась, всуе произносят это великое слово, то, конечно, следует его всегда писать с маленькой буквы.

Но, когда Лермонтов говорит:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу
И звезда с звездою говорит, —

то это благоговение пустыни и всего мира пред Создателем требует большой буквы в слове Бог. Иначе это гениальное произведение Лермонтова выходит просто художественно-бессмысленным, не выражающим своего содержания. Когда Державин, в своей великолепной оде Бог, обращается к Творцу и описывает все Его величие, всю Его славу, писать слово Бог с маленькой буквы, — не только религиозная, но и литературная бессмыслица и великое неуважение к творцам русской литературы.

Но смотрите еще до чего доходит Госиздат. Вот «Письма Ф. М. Достоевского к жене», с предисловием и примечаниями Н. Ф. Бельчикова, под общей редакцией В. Ф. Переверзева. В предисловии к изданию писем Достоевского утверждается, что, несмотря на новую орфографию, эти письма печатаются «с соблюдением пунктуации подлинника и особенности написания слов». Однако, несмотря на такое утверждение, «особенности написания» с заглавной буквы сохранены, в письмах верующего человека Достоевского, только в таких словах, как «Лицей», «Князь», «Мамаша», но не в слове Бог. Это слово требует специального умаления в СССР. Судите сами, объективно ли это?

Где же причина столь нервного и ненаучного отношения Государственного издательства к простым словам?! Очевидно, слово Бог, власти СССР не считают простым словом; и потому всякое слово Бог, до которого они добираются, они калечат, — и у Достоевского, и у Толстого, и у Пушкина, и у Лермонтова, и всюду. Конечно, это есть скрытая вера в Бога. Несомненно, это уже вера, но — не любящая, а ненавидящая. Атеистический коммунизм по-своему верует в Бога, боясь Его и ненавидя. С простыми словами никто не борется. Слово Бог для воинствующих атеистов не простое слово, а огненное,

опасное. Оно жжет, оно прожигает закорузлую совесть. Психология этих борцов с Богом изображена особенно хорошо именно у Достоевского, в его романе «Бесы». В Священном же Писании, во 2-ой главе Послания Апостола Иакова, так выражена эта истина, о которой я говорю: «И бесы веруют и трепещут»... Духов злых Божие бытие не радует, а жжет, мучает своим небесным Светом... Здесь причина того яростного (хотя и пытающегося скрыть эту ярость) боговосстания в государственной программе СССР. Несчастные антирелигиозники не знают, что они мучают лишь себя, желая умалить Божью Истину и Святыню. Ни людям, ни бесам это невозможно. Святыня Божия сияет в творении. До известного времени допущено Богом умаление Имени Его в мире, как допущена нравственная свобода человека. И открытое унижение Святого Имени в Советском Союзе явилось следствием прежнего недостаточного прославления этого Имени. Хотя была раньше свобода открыто и всюду славить Бога, но — недостаточно глубоко, искренно и широко славилось в народе Имя Божие... И вот допущено теперь унижение этого Святого Имени, чтобы пред глазами всех выявилось зло и оттолкнуло от себя людей.

Признаком окончания гонения на веру в России будет, несомненно, свобода печатать всюду, везде, для всех всегда слово Бог, — так, как Его хотят писать русские люди.

Велико Имя Того, Кого не могут вместить ни земля, ни небо, — Самого Творца вселенной... Он открыл себя человечеству, как Отец, как Любовь, и совершенно открылся в Сыне Своем, Господе Иисусе Христе, Который есть Сияние Лица Отчего. Слово, которым люди именуют Бога, бесконечно свято... «Да святится Имя Твое»

53.

ВРЕМЕННОЕ И ВЕЧНОЕ

Через века пронесла Христова Церковь идеал великого возвышения, обожения человека, полного просветления его в Боге. Истина Божества, на земле воплотившегося во Христе, является и в истине преображения человеческой жизни... «Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом»... Оставаясь, по природе своей, тварью, человек, по благодати Сына Божия Иисуса Христа, находит утерянный свой образ Божий. Так уголь, проникаясь огнем, хотя и остается углем, но теряет свою черноту и делается светоносным... И человек во Христе становится сыном Божьим, тварью бессмертной, восстановленной в Боге.

Это основа христианства... Гражданская, социально-государственная свобода имеет в своем основании эту веру в высокое предназначение человека.

Таково учение Церкви. Св. Григорий Богослов, в IV веке, в своем Слове, посвященном памяти скончавшегося Василия, Архиепископа Кесарии Каппадокийской, так передает разговор Св. Василия с императором Валентом. Из этого диалога можно видеть, с каким мужеством христиане выявляли и защищали, пред жестокими государственными властями, свой идеал и свое понимание человека.

Св. Василий Великий, (отвечает императору, который упрекает его в высокоумии, за нежелание подчиниться императорской воле, в вопросах веры):

Император Валент. — В том, что не держишься ты одной веры с царем, когда все другие склонились и уступили.

Св. Василий. — Не сего требует мой Царь

(Бог); не могу поклониться твари, будучи сам Божия тварь и имея повеление быть богом.

Имп. Валент. — Разве ты не боишься властей?

Св. Василий. — Нет, не боюсь.

Имп. Валент. — Даже хотя бы ты потерпел всё то, что находится в моей воле?

Св. Василий. — Что же это такое? Объясни мне.

Имп. Валент. — Отобрание имущества, изгнание, истязание, смерть.

Св. Василий. — Угрожай чем-нибудь иным, если у тебя что-нибудь иное есть, а эти угрозы нас не трогают.

Имп. Валент. — Как же это, почему тебя не трогают эти угрозы?

Св. Василий. — Потому что не боится отобрания имущества тот, кто ничего у себя не имеет; разве что потребуешь от меня моей простой одежды и тех немногих книг, из которых состоит всё мое имущество. Что такое изгнание — я не могу понять, потому что не связан ни с каким местом; и то, на котором живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинут, будет мое место. Лучше же сказать, всюду Божье место и я буду везде странником и пришельцем. А истязания тела, что они у меня могут взять, когда нет у меня даже и тела (оно тоже Богу принадлежит)... Смерть же для меня благодетельна, она скорее пошлет меня к Богу, для Которого я живу и тружусь, для Которого большею частью себя самого, я уже умер, и к Которому давно стремлюсь...

Вместе с Василием Великим, христиане во всех народах, могут сказать: «Во всем ином, о, правители, мы скромнее и смирнее всякого, — это повелевает нам заповедь; а когда дело о Боге, и против Него дерзают восставать, тогда, не обращая внимания ни на что, мы имеем в виду одного Бога».

Так говорили с государственными властями, гнавшими Церковь, истинные христиане и пастыри всех веков и народов. Если были также пастыри, слабые духом, которые прислуживали сильным и угождали богатым, то не они отражали истину христианства, а те, которые были подобны Василию Великому. Если бы не было таких пастырей, не было бы и самой веры. А вера Христова прошла чрез все века и никакие гонения не могли угасить ее огня.

Бесчисленны в истории примеры мужества пастырей Церкви, указывавших народу и государственным властям своей страны путь правды и милости Божьей... Сколько было умучено таких пастырей и в Русской Церкви за последнее десятилетие...

Исповедник и мученик наших дней, Архиепископ Крутицкий, Иларион (Троицкий), умерший в петроградской тюрьме, после отбытия им заключения в Соловецком концлагере, — говорил, выражая разум Церкви:

«С воплощением на земле Единородного Сына Божия человечество получило новые силы — началось восстановление падшего естества человеческого, вызван к бытию процесс созидания нового человека, новой твари. Жизнь и совершенствование личности в Церкви несет с собою счастье и блаженство. Не как внешняя награда подается это счастье и блаженство, а является как внутреннее и непременное следствие самого совершенства, ибо мы утверждаем тождество добродетели и блаженства. Несмотря на всю скорбь в мире, наше христианское упование радостно, светло. Наша мысль не мрачная, но светлая... Ибо «не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (Исаия, 64, 4; I Кор. II, 9).

54.

О ДОСТОЕВСКОМ

В Нью-Йорке, в Чеховском издательстве, вышла ценная книга лучшего современного русского философа, Николая Онуфриевича Лосского: «Достоевский и его Христианское Миропонимание».

Как известно, Достоевский прошел через опыт суда, осуждения и каторжных работ. То, что пришлось пережить миллионам русских людей в течение последних десятилетий, то пережил Достоевский. Из своего заключения и злострадания (которое было ярко им описано в «Записках из мертвого дома») Достоевский вышел победителем, душевно не сломленным, но наоборот, укрепленным и освободившимся от недостатков своей молодости. Можно со справедливостью сказать о его испытаниях:

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Осужденный за свою связь с кружком Петрашевского, отбыв на каторге в Сибири 4 года, Достоевский вернулся к литературе с новыми силами, с новой глубиной жизненного опыта и постижения человеческой души. Этот талант постижения глубин человеческой души выдвинул Достоевского, как мирового писателя, на ряду с Данте, Шекспиром, Виктором Гюго и Гёте. Несмотря на всемирное признание и совершающееся изучение его творчества в разных странах, после мировой войны, Достоевский у себя на

родине почти не встречает исследователей в наши дни. Он замалчивается советской критикой. Если его издают в СССР, то с неохотой. И почти ничего о нем не пишут, ни как о писателе, ни как о мыслителе...

Печальная судьба русского литературного критика и мыслителя: не сметь открывать мысль Достоевского — или быть орудием скрывания его мысли.

Достоевский слишком ярок; его трудно затемнить или использовать в каких-либо политических целях... Достоевский гениально вскрывает бессмыслие построения человеческого общества на предпосылках материализма. Человек, по Достоевскому, есть существо духовно-физическое, в нем есть два мира — духовный и материальный, и он может нравственно-свободно духом возвышаться над материей. Всякий, кто прочтет такие удивительные произведения, как «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы», и кто своим умом — подумает над этими книгами, тот распрощается навсегда со всяким материализмом, как и со всякой утопической верой в то, что счастье человеческое можно построить на одних только материальных ценностях, отрицая в человеке его бессмертную — созданную Богом — душу... Счастливого общества или государства не может быть, без счастья отдельных живых людей, неповторимых личностей человеческих. И чем человек делается лучше, глубже, выше нравственно, тем более глубокое и высокое счастье он начинает ценить и понимать.

Достоевский остро вскрывает всю демоническую (анти-Божескую и античеловеческую) сторону принуждения людей к определенному коллективному счастью, понимаемому материалистически. Достоевский показывает, что государственно-принудительное, безбожное счастье есть, в сущности, ад. Вдумайтесь в идею

романа «Бесы». Это — пророческая книга о России и о ее судьбах... «Братья Карамазовы» тоже хранят в себе много страниц мирового, пророческого значения о высшем искушении людей, в построении тоталитарного государства, государства рабов, принужденных думать, что они свободны и счастливы.

В своей книге Лосский, на основании многочисленных материалов и источников, показывает личность Достоевского, его человечность.

«В Тобольске, приговоренный к каторге Ястржембский, был близок с самоубийству; его удержало от этого поступка влияние Достоевского, который обнаружил в этом деле мужественную натуру с женственной мягкостью» (Из материалов Ореста Миллера). Ценны́ характеры, в которых сочетается великое мужество и бесстрашие, с женской чуткостью и мягостью в отношениях к другим людям. Приятель молодости Достоевского доктор Ризенкампф говорит: «Федор Михайлович принадлежал к тем личностям, около которых живется всем хорошо, но которые сами постоянно нуждаются. Его обкрадывали немилосердно, но при всей доверчивости и доброте он не хотел вникать в дело». «Когда в 1843 году Достоевский и Ризенкампф наняли общую квартиру» это «чуть было не обратилось для Федора Михайловича в постоянный источник новых расходов. Каждого бедняка, приходившего к доктору за советом, он готов был принять, как дорогого гостя».

«Все забытые судьбою, несчастные, хворые и бедные находили в нем особое участие», — говорит другой свидетель жизни Достоевского. «Случается, — рассказывала жена его, — когда у моего мужа не найдется мелочи, а попросили у него милостыню вблизи нашего подъезда, то он приводил нищих к

нам на квартиру и здесь выдавал деньги. Вот еще характерный случай, рассказанный Анною Григорьевной Достоевской. В 1879 году (значит, когда Достоевский был уже известным писателем) какой-то пьяный крестьянин ударил на улице Достоевского по затылку с такой силой, что он «упал на мостовую и расшиб себе лицо в кровь». «В участке Федор Михайлович просил полицейского офицера отпустить его обидчика, т. к. он его прощает». Однако, протокол был составлен и делу был дан ход. Но мировому судье Достоевский заявил, что прощает обидчика и просит не подвергать его наказанию. Судья, снисходя к просьбе Достоевского, приговаривает крестьянина лишь «за произведение шума» и беспорядка на улице, к денежному штрафу в 16 рублей, с заменой арестом на 4 дня. Достоевский подождал своего обидчика у подъезда и дал ему 16 рублей для уплаты штрафа. Эти и другие факты показывают, что любовь к народу у Достоевского была не словесная, не теоретическая, но жизненная, живая, христианская»...

И видение мирового зла у Достоевского было глубоким, пророческим, даже, можно сказать, необычайным, среди писателей как русской, так и всей мировой литературы. Автор «Братьев Карамазовых» не только верно видел все изгибы зла, но и указывал верный путь борьбы со злом, путь Божьей над ним победы, путь Христовой Правды. Это он мог видеть потому, что душа его касалась огненного страдания за людей; и его любовь ко Христу и к людям прошла чрез большое испытание — и страдание — борьбы со злом в его собственной душе.

В произведениях Достоевского звучит могучее, правдивое обличение всех нравственных подделок и социальных утопий, пытающихся, без веры в живую

душу человека, создать человеческое счастье; создать его на борьбе с Божьей Истиной и человеческой свободой. Счастье же человека может родиться только из бескорыстного, чистого добра, из любви к Богу и человеку.

55

ИДЕАЛЫ И МАТЕРИАЛИЗМ

Философия марксизма напрасно противопоставляет материальность идеалу. На самом деле такого противоположения нет в главном месте мира: в живом человеке. «Материалистом», верящим только в одну материальность, можно быть лишь в теории; но, когда дело доходит до практического устроения жизни, построения общества, — общества разумею, не зверей, а людей, — когда дело подходит к укреплению семьи и личности, тогда никто из созданных Богом людей не может обойтись в жизни своей без идеала, без каких-то высших, духовных ценностей, к которым надо устремлять жизнь.

Идея совершенства и совершенствования глубоко заложена в человеческое сознание Творцом. Никакие атеисты и материалисты не могут освободить человечество от этого закона. Они только эту идею совершенства хотят ограничить чисто утилитарными целями, и целями весьма неопределенными, вращающимися лишь в кругу политики государства и партии.

Материалисты, дошедшие до управления государством и каким-либо народом, должны примирять и согласовать теоретический свой материализм с этой практической потребностью большинства людей жить «идеальными» ценностями; и загнанный самой жизнью в тупик материализм пытается создать теорию о какой-то необычайной (не существующей, конечно, в

действительности) материи, которая «диалектически» будто бы развивается даже в... чисто духовный мир... Это, конечно, бессмыслица. Но спорить на эту тему в Советском Союзе не полагается.

Но мы будем свободно рассуждать о материи и о душе человека. Благобытие человека, даже самого материалистического, бывает всегда соединением двух элементов и зависит от двух условий: благополучия материального и той внутренней радости которая совсем не зависит от благополучия материального. Как бы ни хотел этого иногда человек, но от совести ему никак нельзя избавиться. От нее же, от совести, от ее благополучия и зависит, главным образом, благополучие и счастье самого человека... В шалаше, как известно, рай бывает не со всяким, а только «с милым». С постылым же и во дворце не бывает рая. Особенно же нигде нет рая тогда, когда сам человек становится для себя постылым... Как бы это сказать... Ну, станет доносчиком, обманщиком, обидчиком ближнего, разрушителем своей семьи, пьяницей, истязателем, палачом... Содеянное им зло ввергает человека в ад уже в этой жизни, и только Бог может освободить человеческую душу от зла и вернуть ей душевный мир.

Идеализм не есть только философские идеи — Платона, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Идеализм есть и простое, здоровое направление и состояние человеческой души в рамках обыденной жизни. Идеализм, в этом понимании, противопоставляется таким тоже ясным понятиям, как эгоизм, утилитаризм, сенсуализм (порабощенность чувственностью), оппортунизм (беспринципность)... Идеализм противоположен всем этим чувствам.

Идеализм не эксплоатирует материализма для своих целей, но материализм очень любит эксплоатировать идеализм для своих целей. Материализм не име-

ет основания в здоровой человеческой душе, и чтобы привлекать к себе такие здоровые души, он должен рядиться в идеализм... Это мы и наблюдаем в Советском Союзе, где материализм, будучи казенной идеологией, имеет дело с хорошим, сердечным, добрым русским народом.

Человеческая душа вообще, «по природе своей, христианка», как сказал древний мудрец Тертуллиан. Если гнать природу души в дверь материализма, она непременно будет влетать идеализмом в окно жизни. И это особенно относится к русской душе, тысячелетием воспитанной в вере Христовой.

Я хочу сейчас иллюстрировать свою мысль на примере... Недавно, благодаря хорошим атмосферным условиям, я смог, в Сан-Франциско, хорошо прослушать одну советскую радиопередачу. Здесь в Америке не глушат советских передач и не опасаются их. Услышал я целую пьесу, радио-монтаж. Разыграна пьеса была хорошими русскими артистами. Действующими лицами ее были: директор какого-то завода, его дочь Алла, и молодой человек, студент, бывший колхозник, которого можно было бы назвать типичным русским юношей-идеалистом. Студент, в пьесе, конечно, сразу полюбил девушку, дочь директора, и полюбил идеалистически; идет он к ее отцу и высказывает свои чувства к его дочери... И тут неожиданно открывается, что этот директор завода тоже оказывается русским идеалистом. Видя искреннее чувство юноши, и его чистый нравственный облик, директор-отец начинает беспристрастно и благородно разубеждать студента в нравственных достоинствах своей дочери; он говорит, что она, на самом деле не такова, какой кажется сейчас молодому человеку. И говорит он это не для испытывания молодого человека, а искренно любя его, как и подобает в царстве идеальных людей. Разговаривая со студентом, директор совет-

ского завода даже начинает каяться пред этим молодым человеком в ошибках своей жизни. Оказывается, будучи увлечен строительством завода, повышением его темпов и качества продукции, этот директор завода перестал интересоваться и руководить своим собственным домом и не уделял времени воспитанию своей единственной дочери. А деньги к нему, как к директору завода, шли струей, и дача его наполнялась, и хорошей мебелью, и всяческими вещами... Появился, он вспомнил, у дочери его шелковый халатик, а он на это как-то и внимания не обратил. Дочь все ленилась, мало училась, больше развлекалась, а он этого тоже не замечал, и все думал только о своем заводе, о темпах, повышениях норм и т. д. И вдруг теперь он понял, что из его дочери, которая называла себя Аллой (а на самом деле была не Алла, а Александра, Шура) выработался тип девушки поверхностной, легкомысленной... Отец с горечью это осознал и теперь искренно отговаривает честного юношу-идеалиста — жениться на своей дочери.

Юноша не согласился с отцом Аллы, но, через некоторое время, испытал все легкомыслие и вероломство девушки и гневно отвернулся от нее, продолжая все же ее любить. То есть, выказал тот нравственный характер и тот г н е в л ю б в и, которого недоставало отцу девушки... И честный характер юноши восторжествовал... Алла была духовно побеждена. Она осознала свою нравственную вину и свое легкомыслие. Добро торжествует...

Конечно, материализмом, даже «диалектическим», никакой народ жить не может... Всякий народ требует идеализма, и в песнях, и в литературных произведениях. Люди нутром своим чувствуют, что «материализм» пригоден только для жевания, пищеварения... для обрастания хорошей мебелью, шелковым халатом... Вопреки всем теориям материализма, директор

завода в пьесе понял, глядя на свою духовно-распущенную и морально-развинтившуюся дочь, что счастье своей дочери он не создал своим материальным благополучием — ни своей дачей, ни темпами своего строительства... И только потому не создал, что прошел мимо живого человека, своей дочери. Ей надо было дать не только материалистические игрушки, но надо было воспитать ее душу, привить ей те душевные качества, которым 1000 лет учила свой народ Русская Церковь... Нельзя понять никакую человеческую душу, если не узнать всей правды о ней, Божьей правды...

Зло не есть только экономическое или социальное явление. Зло есть прежде всего нравственное явление. Нельзя скрыть от глаз людей этой истины, потому что все лучшие ценности, все лучшие черты человека — и русского человека — исходят только из этой правды. Божьей правды.

56

МУДРОСТЬ ВЕРЫ

В Библии, в книге Иова, есть такие строки:

«Был день, когда пришли сыны Божьи предстать пред Господа. Пришел и враг рода человеческого, и когда Господь стал хвалить Иова, как непорочного, справедливого, богобоязненного человека, враг посмел сказать: «разве даром богобоязнен Иов», — не Ты ли кругом оградил его и дом его и всё, что у него... Но простри руку Твою и коснись всего, что у него — благословит ли он Тебя?» И отдана была душа Иова на великое испытание. Вспомним лишь начало этого испытания. «Приходит вестник и говорит: волы пахали, и ослицы паслись подле них, как напали враги и взяли их, а юношей Иова убили»... Приходит другой к Иову вестник: огонь спалил имущество других его детей и их самих... Что же Иов сделал, услышав об огне, спалившем его достояние, о врагах, убивших его близких? «Иов упал на землю, поклонился и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял, да будет Имя Господне благословенно». Таков был ответ Иова на все утраты, им понесенные: «Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно»! Чудный гимн Творцу исшел из уст Иова. «Во всем этом, — кратко добавляет его книга, — не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге».

«Неразумное слово о Боге», — как часто его люди произносят в мире и среди своей беззаботности, и среди своих страданий. И это неразумное слово о Боге, Творце миров есть нечто более

страшное, чем все бомбы, войны и пожары... Свое материальное имущество, свой жалкий скарб умеют спасать люди и легко заливают водой огонь, сжигающий их материальное благосостояние. Но когда раздается в устах человека ропотливое, кощунственное слово, направленное против великого Творца и Бога, сколь многие люди молчат, не протестуют, не останавливают кощунства, не усмиряют безумия, не заливают огня неверия словом веры и разума.

Вера Иова о Боге озарила небо и землю. Пусть материальный огонь спалил его имущество, он озарил истребительным своим светом только малый клочок аравийской земли. А слово, исшедшее из уст праведного Иова, слово его бесконечной преданности Богу до сих пор горит среди человечества, во всех веках истории.

И когда мы хотим выразить самые лучшие, самые глубокие свои переживания, при потере чего-либо нам дорогого и ценного, мы говорим: «Господь дал, Господь и взял: да будет Имя Господне — благословенно»! И когда приближается к нам, неизбежный для каждого из нас, исход из этой земной краткой жизни, и мы готовимся отдать эту свою жизнь Тому, Кто нам ее дал, мы говорим: «Господь нам дал эту земную жизнь, — Он и берет ее. Да будет Имя Господне благословенно, — всегда и за всё»!

Смотря открытыми глазами на жизнь, мы увидим, что всё в ней содействует ко благу для того, кто ищет истинного блага. И чрез всё открывается людям дверь просвещения и спасения. Радость и горе приходят к нам независимо от нас, но то и другое может быть ступенью для возвышения нашего духа. Всё, что ни посылается нам совне, может или ближе подвинуть нас к Богу, или увести от Него, в зависимости от нашего отношения к этому ниспосланному нам.

Веровать в Бога только при условии жизненных удобств и радостей, или среди только тяжких обстоятельств и небесных громов, — это еще несовершенная вера. Надо видеть божественную заботу о нашей бессмертной душе — и в радостях, и в трудностях жизни. Веровать в Бога — это значит во всем и всегда признавать силу, власть и мудрость Верховного Хозяина жизни, проводящего нас чрез мир, как чрез больницу и школу, для исцеления, научения, умудрения и спасения нашей бессмертной души.

К такому именно пониманию своих земных путей мы призваны. И лишь слепая мысль хочет объяснить все происходящее одним материалистическим рассуждением. Материальная сторона вещей существует; но это только одна сторона, и взятая сама по себе она ничего не объясняет. Выявите ли вы образ вашего друга, если про него скажете, что это «человек в серой одежде», — или это «человек среднего роста», «столько-то килограмм весящий»... «из таких-то химических элементов составленный»... Разве что-нибудь этим вы объясните в человеке? Нет. Но вы по-настоящему начнете открывать, показывать человека, если назовете его по имени, охарактеризуете его живую душу, создадите духовно верный его образ... То же и в отношении всех событий мира. Надо вникать в их «душу», надо уразумевать их смысл, всегда имеющий отношение к вечности, к плану Божественного замысла заботы Божьей о мире и человеке.

Это понял праведный Иов. И оттого его книга стала неисчерпаемым источником мудрости и вдохновения для человечества. Творец учит нас и радостью жизни и ее трудностью: трудностью жизни смягчает нашу эгоистическую волю и светлым утешением вдохновляет нас на борьбу за правду, справедливость, за мир и высшую жизнь.

57

СВЕТ МИРА

Свет мира — это правда Христова. «Я Свет миру», — сказал Христос. Духовное тепло мира — это любовь Христова, которая дана всем людям, чтобы они наполнили ею свое духовное существо. Такова жизнь духа. Питается дух чрез молитву. Молитва — это наша первая пища духовная. Как не забываем мы ежедневно есть, пить, согревать себя, одевать, так будем давать и нашему духу молитву, любовь, правду евангельскую. Птица не только вьет гнездо, она и летает и поет. И человек создан не только для того, чтобы трудиться, но и чтобы любить и молиться.

Дух свой человеку надо все время приводить в равновесие. Дух часто колеблется у нас, мы волнуемся, выходим из себя; и тогда мы делаем жизненные ошибки, раним самих себя и окружающих. Человек, стремящийся к духовной жизни, — должен искать прежде всего равновесия, спокойствия духа, мира сердечного. Для этого человек не должен быть чрезмерно пристрастен ни к вещам, ни к другим людям, ни к себе самому. Имея внутреннюю свободу, он должен любить всех людей, желать добра всем, помогать, кому может, молиться за всех, за любящих и особенно нелюбящих его, чтобы тьме противупоставлялась не тьма, а свет. Поклоняться же человек призван только Богу.

Свой дух человеку надо омывать, питать, греть и озарять Христовой правдой. Ставить его в те

условия, в которых дух может крепнуть, развиваться, врастать в вечную жизнь. Есть гигиена тела и есть и гигиена духа.

Дух человеческий нуждается и в освящении, которое приходит от Христа, Сына Божия, воплощенного Истинного Бога. Радостнейшая для людей Благодать Христова спасает человека. Освящающая благодать есть источник силы и воскресения нашей души.

Можно видеть в повседневной человеческой жизни, как проявляется через плоть наш дух. Явственно видно бывает сквозь лицо человека (особенно через его глаза) все доброе и светлое, что есть в нем; лицо доброго человека светится, как зеркало, отражающее внутренний мир правды Божьей. Лицо же злого человека всегда колюче, неприветливо и даже убийственно для окружающих. Разве это не так?.. Пусть задумаются над этим материалисты, не верящие в духовную природу человека.

Мы все люди тянемся к свету духовному. Даже неверующие, бессознательно для себя хотят войти в высшую жизнь, воплотить себя в ней, стремятся к какой-то полноте бытия, которой здесь на земле еще нет. Мы только отблеск вечного бытия видим здесь, среди нашей слабости и смертности. Но этот отблеск есть самое великое сокровище мира, и мудр человек, который не соблазняется приманкой внешних, скоропреходящих радостей земли, но возводит все более свой взор к неумирающим ценностям подлинной жизни.

В покорном и радостном обращении духовного взора к небу, к правде Божьей, состоит духовная жизнь человека. Выявив в себе свой бессмертный дух, надо жить его жизнью. И когда наступит неизбежная последняя минута нашей земной жизни, и рука Всевышнего призовет нас в высший мир, тогда мы не убоимся и не смутимся, и пойдем в иной мир, не ту-

но, как животные, влекомые на истребление, но как дети, идущие в родной дом Отца.

Легок бывает уход с земли для истинно-верующего. Душа его, свободная от пристрастий к тленным ценностям мира, и не кипящая в страстях, легко отходит в вечность, в полноту блаженства, начало которого она уже испытала в этом мире.

Путь к этому блаженству сопряжен с крестом, с борьбой против своего и окружающего зла... Некоторые понимают крест, как что-то непонятно-тягостное, извне приходящее. Это не верно. Взятие креста Христова есть готовность и окрыленность свободной воли самого человека на борьбу за Божью правду и в своей душе, и в мире. Крест есть свободное человеческое согласие на борьбу за любовь и правду в этом мире.

Не легко человеку бороться за любовь, правду и чистоту на этой земле. Все словно осуждает, срывает, обессиливает наш порыв к добру, и внутри нас и вовне... Но человек верующий несет этот порыв чрез всю свою жизнь. Это и есть его крест. Не только его, но и Христов Крест в нем. И тот, кто отказывается нести светлый, спасающий Крест Христовой правды, чистоты и любви, принужден нести безнадежный разбойничий крест своих страстей, своих злых дел и их следствий. Это крест того левого разбойника, распятого со Христом на Голгофе, но не покаявшегося пред Христом, не осознавшего своей греховности и — отвергнувшего Христа.

Нелегка жизнь человека в этом земном проходящем мире. Частью своего существа ему надо быть в этом мире, творить честно свое земное дело, для близких, для своего народа, для человечества. Но последней глубиною духа ему надо дышать уже горним воздухом вечности. Туда, в эту чистую высь бытия, он уходит после своего земного испытания. Религи-

о з н ы м можно назвать человека, ценности которого — не только на земле, но и на небе. Такой человек может быть хирургом, как Пирогов, писателем, как Достоевский, ученым, как Ньютон, и исследователем земли, как Семенов-Тянь-Шанский, и всюду на всех путях мира он будет осуществлять высокую человечность, Христову правду. Среди всех условий земли мы можем сохраняться от зла и греха. В этом чудо жизни во Христе. Христос совершает это в нас по вере нашей. Не своей, а Божьей силой мы спасаемся... «Невозможное человеку — возможно Богу». И мы верим и знаем, что Господь не только о к о л о н а с, но Он и в н а с. И Его любовь к нам и наша любовь к Нему есть самая великая сила мира.

58

ВИФЛЕЕМ

Вифлеем — сладкое слово для миллионов, для сотен миллионов людей на нашей земле... Пастухи, пасущие свои стада, волхвы-мудрецы, идущие с Востока, звезда сияющая пред ними, пещера бедная и над яслями склоненная Богоматерь и святой старец Иосиф и Сам Младенец, лежащий в яслях. Богочеловек, сошедший к человеческому роду ради спасения, искупления людей...

Темна была бы вся земля без Вифлеемского Младенца. А ныне она темна только там, где нет этого Младенца и где нет памяти о Нем...

В 1953 году я второй раз посетил Вифлеем... Мне пришлось возвращаться с Дальнего Востока чрез Индию, Ближний Восток и Европу, и, на своем пути я, конечно, посетил Палестину, поклонился живоносному гробу Господню в Храме Воскресения в Иерусалиме, навестил русскую обитель в Гефсиманском Саду и проехал в Вифлеем.

Вифлеем лежит в десяти километрах от Иерусалима на каменистых светлых холмах. Дорога извилистая с подъемами и спусками идет чрез Иудейские горы. Приближаясь к Вифлеему, видишь прежде всего большой Храм Рождества Христова и над Храмом — большую звезду. К Храму прилегают монастыри — православный, римско-католический и армянский. Въехав в город, останавливаешься сразу на площади пред Храмом Рождества. Это — единственный на всей

святой земле Храм, не разрушенный и не пострадавший от исторических событий шестнадцати веков. Место рождения Спасителя пользовалось и пользуется большим уважением и со стороны мусульман. После взятия Иерусалима Омар-Хаттал посетил Вифлеем и молился Богу пред пещерой Рождества Христова и запретил препятствовать христианам совершать их церковные службы. С площади, в древнюю базилику-храм, ведет очень низкая дверь. Всякому входящему в нее надо сильно пригибаться и этим как бы знаменуется, что всякая гордость должна отойти от человека и всякое сердце человеческое должно склониться, входя в Храм Рождества.

По обеим сторонам Храма идут два ряда мраморных коринфских колонн. В некоторых местах верхних стен еще сохранились мозаичные изображения Вселенских Соборов и надписи с изложением сущности их постановлений, утверждающих Православную веру. В особо огражденных местах сохраняются остатки мозаичного пола времен императора Юстиниана, ценного рисунка эпохи (6-ой век). Главное центральное полукружие базилики составляет православный алтарь с иконостасом. Там много дарственных русских икон. Мозаика на стенах алтаря хорошо сохранилась, особенно в изображениях Входа Господня в Иерусалим, Явления Воскресшего Господа Иисуса Христа ученикам и Вознесения Господня. Сохранилась и надпись о производстве этих мозаичных работ в царствование императора Мануила Комнена, между 1162 и 1173 годами, монахом Ефремом.

Рядом с главным алтарем устроены приделы, с южной стороны, во имя святителя Николая и с северной два престола — армянский и коптский.

По обеим сторонам православного, главного, алтаря две круглые лестницы ведут внутрь, в самую пещеру Рождества Христова. Стены пещеры облицова-

ны мрамором. В восточном углублении пещеры, которое приходится как раз под верхним православным алтарем храма, находится место Рождества Христова. Оно обозначено золотою звездой, украшенной драгоценными камнями, с надписью: з д е с ь о т Д е в ы М а р и и р о д и л с я И и с у с Х р и с т о с. Над этим священнейшим местом мира устроен православный престол. Ниша освещается пятнадцатью спускающимися со свода серебряными лампадами. Направо, в трех шагах, ниша и ведущие к ней три ступени. Это место яслей, в которые был положен Новорожденный Младенец Христос Господь, а налево — место поклонения волхвов...

В поле, в километрах трех от Вифлеема, находится глубоко ушедший ныне в землю, покрытый навеянным песком тысячелетий Малый Храм, сохранившийся от первой христианской эпохи, сооруженный на том месте, где ангелы явились пастухам и возвестили им о Рождении в Вифлееме Спасителя народов.

Во время этого моего посещения Святой Земли я встретил там группу русских православных паломников из Парижа и других мест Западной Европы. Их было более сорока человек, среди них два священника, и возглавлялась эта группа епископом Мефодием. За несколько дней до меня эти русские паломники посетили Вифлеем и пропели Литургию, которую совершил епископ Мефодий в пещере Рождества Христова.

До Первой мировой войны многие тысячи русских людей, независимо от их положения и состояния, имели легкую возможность совершать, на специальных пароходах, уходивших из Одессы, паломничество в Святую Землю. Русское Палестинское Общество заботилось о них. Теперь этого нет. Лишь еди-

ницы и десятки русских паломников ныне приезжают из стран Западной Европы и Америки — в Палестину.

История в этом отношении, почти возвратилась к 12-ому веку, когда только один игумен Даниил из Черниговской земли смог поставить русскую лампаду на гробе Господнем в Иерусалиме. В то время в Палестине царствовал король Балдуин, встретивший ласково русского игумена и спросивший его: «Что тебе надо, игумене русский»? И ответил Даниил: «Хотел бы я на Гробе Господнем поставить лампаду от всей Русской Земли»... Это чувство и сейчас крепко в тех совсем немногих русских паломниках, которые имеют возможность доехать до Иерусалима. И прибывая в земле, где родился, страдал, учил человечество, был распят и воскрес Христос Спаситель, — русские люди, как восемь веков тому назад игумен Даниил, приносят в Святую Землю свою молитву и ставят у Живоносного Гроба Господня в Иерусалиме и в Вифлееме свечу, — свечу веры и молитвы за русскую землю.

59

О МОЛИТВЕ

Многие молятся... Прибегают к Богу в различные минуты своей жизни, — не только под влиянием тяжелых переживаний, но и в радости, от избытка светлых чувств. Нередко — в начале какого-либо дела; реже — в конце. Молятся внезапно, среди дня, устремляются к Создателю своему, в порыве благодарения или покаяния. Молятся методично, по утрам и вечерам. Более продолжительно — в храме. Когда придет вечерняя тишина или настанет утренний тихий час.

Разнообразны слова, с которыми человек обращается к Богу; многи оттенки чувств; различна сила устремления; несходна степень веры... А между тем, все человечество объединяет великая и страшная, по силе своей ответственности, молитва: самое высшее из доступных единений человечества. В этом незримом, но истинном единении единятся все возрасты и поколения, все осколки падшего и расколовшегося человечества, — люди разных народов, убеждений, мыслей, состояний. Все единятся между собою незримыми нитями в тайне молитвы.

Если мир не распался, еще стоит и держит на себе человека, это оттого, что со всех концов мира, со всех его гор и от всех его бездн поднимается чистая молитва к Богу, вздох восстанавливаемого творения.

Что такое молитва? Это — разговор с Богом. Люди почитают себя счастливыми и всю жизнь помнят случаи, когда им удается поговорить

с каким-либо выдающимся, высоким по своему положению или таланту человеком, с мировым именем. Сколь более, казалось бы, должны люди ценить разговор с Тем, Кто создал всякую высоту и значительность в мире. Казалось бы, какой трепет подлинной радости должно было бы вызывать осознание возможности непосредственного обращения к Единому, Истинному Хозяину неба и земли... Но мало и очень глухо сознают люди эту близость Божию.

Что обычно ценится в молитве? Ценят возможность попросить что-нибудь у Хозяина всего. Избежать болезней, страданий, опасности, смерти — своей или близких людей. Ценят возможность получить какое-либо осязаемое благо, ценимое в мире: так называемое жизненное счастье, — мирную семью, близкого человека, хороших детей, удачно сложившуюся обстановку, приятную работу, здоровье, то или другое дело.

Но не только земные нужды одолевают человека и влекут к предстоянию пред Богом. Многие люди понимают, что все материальное надо крепко предавать в руки Божии, не слишком заботясь — даже в молитвах — о нем, выполняя лишь свои высшие задачи. Остальное все «приложится», сказал Господь. И, веря в это, многие люди верующие ищут и просят в молитве только ценностей духовных: самой молитвы, терпения, любви, кротости, смирения, веры, чистоты, правды. Просят узнать и услышать волю Божию и, услышав, исполнить ее. Во многом уже, зная волю Божию, просят сил себе благодатных на исполнение этой воли.

Достойна всякого почитания высокая, не материальная цель молитвы. Особенно молитвы за других. Но и в материальных своих простых запросах люди, прибегающие к молитве, как дети, получают ее плод, хотя и не всегда тот, который они просят.

Самая же высокая молитва, которую не знаешь, какими словами и восхвалить, это — молитва, когда человек забывает все цели свои, даже самые высокие, горя одним желанием, как можно ближе придвинуться к Господу, положить к ногам Его голову свою, отдать все сердце свое. Это есть совершенная любовь и совершенная молитва. Когда хочется лишь Господом дышать, только Им жить. Его любить, укрываться в Его близости, в Его неизреченной любви.

Священным бескорыстием, исканием молитвы ради самой молитвы может быть наполнено всякое человеческое прошение к Богу, одухотворена и оправдана всякая молитва. Земной повод к ней есть лишь второстепенное, превходящее обстоятельство. Сердцем же и волей молитвы остается радость — поговорить, пообщаться, излить все тревоги, все сомнения, все радости свои — Единому, Вселюбящему, Премудрому и Всезнающему Отцу.

Лепет ребенка угоден Ему. Господь принимает все прошения человеческие, как бы малы и ничтожны они ни были, если сердце человеческое радуется и трепещет, предстоя пред Лицом Владыки. Все малое усовершается в этом предстоянии. Все несовершенное делается великим.

Не смущайтесь величиною или ничтожеством ваших прошений, но ищите, прежде всего, не то, что вы хотите просить, а Того, Кого вы хотите просить. Недостойны просьбы лишь тех, которые Господа меньше любят, чем ту вещь или дело, о которых они просят. Если же вы любите Господа больше всего, то благословенно всякое прошение ваше, и великое и малое, и всякая просьба ваша исполнится, а та, которая не исполнится, принесет большее благо, чем та, которая исполнится.

Представьте себе, что вы не видите очень близкого и любимого вами человека общение, с которым

есть всегда радость для вас. Вы хотите его видеть, и возможно чаще, но обратиться к нему вы можете только если у вас есть какая-нибудь к нему просьба. Вы очень хотите его видеть, гораздо более, чем получить что-либо от него. И, чтобы его видеть, вы обращаетесь к нему с просьбой... В глубине сердца вашего вам все равно, исполнит или нет он ваше прошение, но вам дорого общение с ним, возможность говорить и слушать его. Вы уходите из его дома, совершенно не помышляя о подарке, дал ли он вам его или не дал. Ваше сердце наполнено им самим... Вот что значит человеческая любовь.

Если человека мы можем так любить, сколько более — Бога! Ведь радостно всякое наше прошение пред Ним. Плод великий всегда остается в нашей душе от молитвы, — мы восходим на небо, к Творцу светов, и падает на наше сердце божественный угль серафимовой благодати...

II.

СПУТНИКИ ДАМАССКОЙ ДОРОГИ

О НЕЗАМЕТНЫХ ДЕЯТЕЛЯХ АПОСТОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

ЗАМЕТКИ НА ДЕЯНИЯ

Человечество знает великих своих деятелей и помнит больших преступников своей истории. Жизнь тех и других одинаково бывает поучением и указанием.

Драгоценный материал духовного ведения, для всех людей и народов, представляет собою повесть Деяний Апостольских, и, в этой повести, весть о людях незаметных, ничем не выдвинувшихся, но живших рядом с апостолами. В этом вся их особенность и значительность: они жили около апостолов. Они шли с ними по Дамасской и другим дорогам. Мы называем их общим именем «Спутники Дамасской дороги». Образы этих сотрудников и свидетелей I-го века христианства, учеников Истины, вырастают в глубоко значительные и несомненно данные нам для духовного умудрения.

1. ФЕОФИЛ (гл. I).

Ничего не знать о человеке, кроме только того, что для него было написано одно из Евангелий — (от Луки) — и история всего первохристианства, (Деяния Апостолов), — это уже бесконечно много знать о нем... По всей вероятности, он был христианином из язычников, скорее всего римлянином. Характер Евангелия от Луки указывает на это. Вероятно он был из обращенных ап. Павлом. Но не в этом дело. Душа Феофила осталась нам лишь в его имени Феофил: «любящий Бога». Как новый Авраам, он был, конечно, другом Божьим, и влекся к Богу Истинному. Его

жажда истины вызвала две всемирных волны апостольского благовествования: Евангелие от Луки и Деяние. Нет нужды рассуждать о том, были бы или не были бы написаны эти книги без Феофила, и именно *этого* Феофила, желавшего знать о Иисусе. Важно одно: Промысл Божий, в заботе о спасении всего человечества, прошел чрез жизнь и человеческое желание этого Феофила; обильно благословил его стремление к Истине. Благословляется Богом желание человека знать Истину. Промысл ищет соработников, — не апостолов только, но и феофилов, без которых не было бы и апостолов. Феофилы *ищут истину;* вот их дело жизни. Они хотят поучаться и вызывают в мир апостолов. Сеятель не нужен, где нет земли. Феофил стал землею, принесшей урожай не сам-сто, а сам-миллиарды. Как прошла земная жизнь этого Феофила, мы не знаем. От нас это скрыто, и, может быть, для того, чтобы мы яснее увидели, что главным делом его человеческой жизни было стремление к Истине. «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Нам открыто это блаженство Феофила и все плоды этого блаженства.

Слово апостолов, есть и дело их; дело безмерное. И «равноапостольным» можно уже назвать всякое искреннее внимание апостолам... К этому делу, приносящему плоды благословения, призываются все феофилы человечества. Чрез искание правды хотя бы одного человека, Благодать и Истина изливаются на всех людей.

Человеческое малое претворяется в Божие великое. Это происходит все время в мире и этим спасается мир. «Намерения сердца» человеческого любызаются и из них творится сокровище. Из малых чувств нашего сердца, творит Господь ценности настоящего и будущего века. Истина возлюбляет и самую малость истины в людях.

Алчет Промысл использовать и малейшее воздыхание людей к Свету... Вода добрых и бескорыстных желаний человеческих претворяется в вино Благодати. Мы не знаем всех следствий наших исканий истины. Думал ли скромный Феофил, что его простой вопрос, обращенный к знакомому врачу Луке, был вопросом всего человечества, на который так хотел ответить человечеству Сам Бог?! Феофил не мог предвидеть ту волну благодати, которая сойдет в мир, чрез его простое человеческое искание истины.

Если «меньший», в Царствии Божьем, больше самого великого в царстве сего мира, то и самое малое действие Божье в мире, гораздо значительнее самого великого дела человеческого... И самый безгласный, только вопрошающий о Тайнах Духа, деятель Нового Завета, больше самых громких деятелей мира.

РАЗМЫШЛЕНИЯ*)

1. Малость, незначительность исторической личности Феофила. Великость Божьего дела совершенного в мире чрез него.

2. Безграничная ответственность всякого, даже совсем малого, поступка, слова и желания человеческого.

3. Многозначительность последствий всего, к исканию Божьей Истины направленного.

4. Немощь человеческая, как орудие силы Божьей.

5. Господу Богу, Христу, подобает «расти», Промыслу Его — расширяться и в нашем сознании. «Да святится Имя Твое»... Человеческим добрым делам (только,

*) Подобные, соответственные каждой следующей главе, и каждому ее образу, размышления могут развиваться у самого читателя.

как предтечам Божьих дел) подобает умаляться, в глазах людей. А Божьему действию в людях — возвышаться.

6. Слава творения: любить Бога — во всем и всегда — гораздо более, чем себя.

2. НАСМЕХАЮЩИЕСЯ (II, 13).

Одни люди «изумлялись» (II 7), а другие «насмехаясь говорили» (II 13)... Это так обычно... Насмешка может быть добродушной, а может быть язвительной, уничтожающей: «Они напились сладкого вина», было сказано про апостолов, напоенных высшей радостью Духа, вдохновленных на проповедь вечной жизни всему миру. По наружности, могло действительно казаться нечто подобное опьянению. Плотской взгляд не отличает проявлений низших человеческих эмоций от действий Духа Божия. Естественно было тогда «насмехаться» над апостолами. Это сделало бы, вероятно, девяносто девять процентов человечества, присутствуя при излиянии Св. Духа. Обычное не тревожит, дает человечеству спать. Необычность же сознается опасной для мира, и от нее люди загораживаются насмешкой...

Обращать все в пустяк, — один из приемов людей этого мира.

К профанации жизни дорога идет часто чрез смешное; «смешное убивает». А слезы утончают, оживляют дух человеческий, притупляемый смехом. Оттого — «горе смеющимся ныне», и «блаженны плачущие».

Человечество, опьяняющееся телесно, становится неспособно понять истинное опьянение духа — радостью Нового Мира; принять неумопостижимое, трудно вмещаемое в человека блаженство Истины.

3. ХРОМОЙ ОТ ЧРЕВА МАТЕРИ (гл. III).

Человека «носили и сажали в храмы»... И чрез телесный недостаток, и чрез ношение его другими, и чрез непрестанные его просьбы милостыни, он должен был стать кротким. Стих 8 показывает его смиренную веру и преданость Богу. 11 стих открывает и его благодарную привязанность к носившим его людям. Это душа готовая к христианству и к тому, чтобы послужить своей болезнью славе Божьей, — и, вслед за многими другими искупленными, открыть миру смысл всякой человеческой немощи и болезни на земле. «Не к смерти» должна вести человеческая болезнь, не к отпадению от Бога в лагерь ропота, но «к славе Божьей», к углублению веры.

Хромого, исцеленного в Иерусалиме апостолами Петром и Иоанном, можно справедливо назвать соработником апостолов в деле первого их благовестия. Он получил равноапостольную задачу в мире в одной своей болезни. Сперва он должен был вызывать, в отношении себя, милосердие человеческое; потом воззовя к сердцам любовь евангельскую, стать свидетелем силы Христовой в мире. И то, и другое уготовляло путь ко Христу Господу человеческих сердец, как и путь Самого Господа к этим сердцам.

Всякий больной или немощный, живущий только помощью других, существующий только любовью близких, совершает уже этим одним дело рождения любви в мире. Не только помогать людям — дело святое, но и принимать помощь от людей, что иногда труднее. Хотя, по слову апостольскому, «блаженнее давать нежели принимать», но и принимать — блаженно, при истинной нужде. Есть время сеяния и время жатвы; время выдыхания и время вдыхания живительного воздуха жизни, со всеми ее ценностями и благами... Чрез все входит в мир Божья любовь.

Дух Божий послал апостолам хромого. Хромому Дух послал апостолов.

4. УЧЕНИКИ УЧЕНИКОВ

Из отозвавшихся на проповедь Господа и его апостолов составилась апостольская община первых христиан. «У множества уверовавших» было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (гл. IV, ст. 32). Ни имен, ни характеров этих «многих уверовавших» мы не знаем. Но эти первые полоски новой, доброй земли мира, на которых выросла пшеница Божьей правды, питают не только отдельные души человеческие, но и целые общества, народы и самую Церковь, которая все время в истории хочет себя устроить наподобие «первых христиан», то есть людей, охваченных истинной любовью ко Христу, — не «между прочими делами» мира, но всецело и над всеми делами. Христианина истинного характеризует эта именно всецелостность, не-половинчатость следования за Христом. И всякое уклонение в мире от Христа есть в сущности только уклонение от всецелостной отдачи себя Ему.

Апостол, возвещая Христа Господа, проповедовал и всецелое ученичество. Мера христианства есть безмерность устремления ко Христу, — отдача Ему всего своего не только телесного, но и душевного и духовного «имущества»... Лишь на этих путях встречает людей подлинное, положительное единомыслие и единодушие и осуществляется в людях то единство, которое было как раз у первых учеников Слова, и у их учеников; — единство не условное, не по стихиям мира сего или при содействии их, как в наше время совершаемое, но чуд-

ным излиянием небесной жизни в сердца. Надо иметь детское сердце, чтобы поверить во все слова Христовы (до безмерности поверить). Всякая недобрая «взрослость» выражается в трещинках скепсиса, ложного многознайства, мнимого плотского «опыта жизни»... Мир не узнал бы христианства и не полюбил бы его, если бы рядом с апостолами не стояли эти «светы вторые», ученики учеников, — безвестные и столь же пламенные, как апостолы; «первые христиане»; они и сейчас живут в мире... «Если бы их не было, — сказал один православный епископ, — солнце потухло бы; ибо для чего оно стало бы светить?»

...«И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды во имя ученика, истинно говорю вам не потеряет награды своей» (Мф. X, 42).

5. ЮНОШИ, ХОРОНИВШИЕ АНАНИЮ

(гл. V, стр. 6, ст. 10).

Погребение мертвых было поручаемо юношам. Как быстро, с какой готовностью они исполнили свое дело. В отличие от языческого отношения к погребению, где оно считалось чуть ли не самым главным делом в жизни человека, христиане поручают предание земле останков человека юношам. И мы видим, с какой простотой и легкостью свершается это погребение. «И встав юноши приготовили его к погребению, и, вынесши, похоронили». Еще одна черта детской, Богу преданной простоты первых христиан. Никаких условностей, никакой искусственности, усложненности жизни...

В этой простоте легче идти к Богу и любить Его и всё предавать Ему, до последней иоты.

6. СЛУЖИТЕЛИ ТЕМНИЦЫ (V, 22-27).

Слуги этой «области темной» правдиво свидетельствуют о совершенном освобождении апостолов из Иерусалимской темницы (ст. 23). «Первосвященники, начальник, стражи и прочие первосвященники» поставлены в тупик. «Недоумевают, что бы это значило» (ст. 24). Дело тьмы есть закрывание глаз души. Зло действует во тьме — в неведении того, что делает, и что заставляет делать людей.

Любящим Бога всё содействует ко благу. А глядя на дерзости демонов, удивляешься великому их бессмыслию, и всех вольных и невольных проводников их зла. Не каждый ли грешник нераскаявшийся подобен темничному слуге? В нем есть и слепое подчинение начальнику темницы» (диаволу) и человекоугодие, человекобоязнь (стих 26) столь решительно противоположная апостольской свободе духа (стих 29). Тюремщики заперты в своем неведении, в своей тьме. А содержимые в тюрьме могут быть свободны.

7. СПУТНИКИ ДАМАССКОЙ ДОРОГИ (IX).

Дамасского путника мы знаем, это Савл, будущий просветитель мира. Но кто его спутники? Имена их нам не открыты. Это несомненно иудеи, подобные Савлу, ненавидящие Имя Иисусово. Но что с ними сталось после обращения их начальника, Савла? Когда происходило это посещение Савла Спасителем, на пути в Дамаск, люди «шедшие с ним стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя» (9, 7). А после, когда Савл «встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел», они «повели его за руку и привели в Дамаск».

Душевно-слепой, но физически зрячий, он вышел на дамасскую дорогу, а пришел в Дамаск духов-

но-зрячим, но телесно-слепым. Полпути он вел духовных слепцов, а другую половину пути духовные слепцы вели его, слепого только физически... Полное исцеление должно было свершиться только в Дамаске. Что сталось с его спутниками? Они все же слышали голос с неба. Но голос был обращен не к ним, и оттого они не могли его понять, не могли услышать его своим сознанием. В другом месте Св. Писания сам апостол, рассказывая о себе и о своем пути в Дамаск говорит, что его спутники ничего не слышали, а только свет видели, отблеск сияния образа Христова, без видения самого образа, подобно слышанию некоего неуразумеваемого голоса, ничего не доносящего до сознания.,. Спутники Савловы нечто видели и нечто слышали, но, в сущности, никого не видели и никого не слышали, и все это было их состояние оцепенения. «Люди, шедшие с ним, стояли в оцепенении». Некоторые из них, может быть, более восприняли свет; другие — некий звук, похожий на голос...

Несомненно, что эти спутники Савловы были тоже, по своей мере, призваны Спасителем. Но не явно, а прикровенно. Некие крохи упали и для них с Небесного Стола, который так совершенно напитал апостола народов — на всю жизнь. Для них, с этого стола упали крохи, — отблеск света и таинственный непонятный звук голоса.

В сущности, для многих душ в мире, и все Священное Писание представляет собою не хлеб, вернее является им не как целый хлеб жизни, а лишь некими крохами; является еще не жизнью, не полнотою образа Истины — Христа, а лишь неясным светом и неясным голосом правды. Не лично обращенным к человеку голосом, а лишь невнятно звучащим где-то около звуком и Светом, не проникающим в последнюю глубину сердца... На дамасской дороге про-

рочественно прообразовалось явление любви Христовой в мире. Для одних — в ясном голосе и сиянии, — для других (многих), — как нечто неясное и постороннее, хотя и таинственно «сияющее».

Дорога в Дамаск: путь земной жизни человеческой. На нем является Истина. Но не каждый, идущий этим путем, встречается с истиной «лицом к лицу». Для некоторых это лишь неясный звук, отраженный свет. Но и неясным звуком, и отраженным светом Истины приводит Господь человека в Дом Свой.

8. СПУСКАВШИЕ АПОСТОЛА В КОРЗИНЕ (IX, 25).

Те, что спускали апостола в корзине с городской стены, были великими деятелями Промысла Божьего, почти спасителями Христовыми... Удивительны эти дамасские первохристиане. Какая трезвость духа! При явлении такой силы Божьей и такой любви Божьей, которую они увидели, легко было искусить Господа, — пойти, надеясь на Него, теми вратами, где «стерегли Павла день и ночь» и намеревались убить его. Пойти «на вызов»... Легко было выбрать путь этой поверхностной, и в сущности гордой, себялюбивой героичности. Ни новый христианин-апостол, ни христиане Дамаска не пошли на это. Они выбрали простой и человеческий путь, продиктованный самыми естественными соображениями. Здесь выявилась подлинная духовность первохристиан Дамаска.

На чудесное не покусились они самовольно, хотя окружены были этим чудесным со всех сторон. Они почтили естественное, человеческое: корзину, веревку... Ложная, выдуманная людьми религия никогда не потерпела бы такого факта. У Божьего апостола путь идет чрез «унизительное» бегство в корзине ночью, с помощью первохристиан. Какая правдивость жизни

и простота духа. Именно такие н е м е ч т а т е л ь н ы е люди были нужны Промыслу в его великом деле озарения и спасения мира неотмирной правдой.

9. ЭНЕЙ (IX).

Этого Энея мир знает меньше, чем Виргилиевского. Тот ходил по миру и совершал разные дела человеческой доблести, а этот, «восемь уже лет лежал в постели в расслаблении» (9, 33). Тот, путешествующий, ни одного человека не сделал лучше, а этот, расслабленный, обратил ко Господу живущих в Лидде и в Сароне. И без подвигов он это совершил, а только тем, что принял в себя силу Божию и исцелился ею.

Болезнь Энея (как и болезнь многих людей в мире) была «не к смерти, а к славе Божьей». Этот молчаливейший деятель Промысла Божия после испытания был исцелен Господом чрез Петра. «Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей; и он тотчас встал» (ст. 34). Никакого даже вопроса не было ему, что е г о и с ц е л я е т Х р и с т о с. И со словом (как и в творении мира) явилось дело. Эней, 8 лет лежавший, встал. Увидели его все в Сароне и Лидде и обратились ко Господу.

Сам Господь, апостол Петр и Эней, три действующих в мире силы.

Простой безвестный человек Эней, молчаливо, одной своею жизнью, благовествует силу Божью.

Простая, послушная, кроткая душа — Эней.

10. «СЛУЖАНКА ИМЕНЕМ РОДА» (XII, 13-15).

«Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога» (Лук. XII, 6).

И Рода не забыта в Слове Божьем. Она не обратила никаких городов к Богу, она ничего не сделала для Церкви Христовой. Она только была служанка. Скромной служанкой у бедных людей.

«Когда же Петр, ангелом освобожденный из тюрьмы, постучал у ворот, то вышла служанка, именем Рода». Слышит: стучит Петр! Как близко ей было все свершающееся в апостольской общине. «От радости», она не отворила ворот Петру, а — не вошла, но вбежала в комнату, где происходило собрание учеников, где «многие собрались и молились».

С бьющимся сердцем, она объявила, что Петр стоит у ворот. «Апостолы сказали ей: в своем ли ты уме»?.. «Но она утверждала свое».

Удивительный аргумент был здесь высказан собравшимися. Во-первых, стоит заметить, что никто не сказал, что она говорит неправду, или то, что она шутит. Ни неправды, ни шутки не могло выйти из уст христианки Роды. И вот аргумент: «Они же говорили: это ангел Его»... Апостолы здесь высказывают учение о том, что ангел наш хранитель бывает похож на нас (может быть мы на него?).

Пока они так рассуждали и рядили, Петр, уставший после тюрьмы, стоял у внешних дверей и все стучал... Необычайно человеческая картина: «между тем Петр продолжал стучать». Не могли не отворить. Отворили и — изумились. Это был Петр.

О служанке Роде больше мы ничего не слышим, но уже знаем, что дух ее горячий, живой, чистый, радостный, общительный, принадлежит семье апостолов, столь дорогой для нас.

11. КАЗНЕННЫЕ ВОИНЫ ТЕМНИЦЫ (XII, 18-24).

Воины темницы, стерегшие ап. Петра, освобожденного ангелом, носят в себе образ людей, идущих

вне Благодати. Они оказываются раздавленными безблагодатной необходимостью вещей. Над не защитившими себя молитвой людьми злой дух властвует чрез *естественный ход* земных причин и следствий. Ирод велел казнить воинов, совершенно, конечно, не виновных в том, в чем он их обвинил. Приказ Ирода показывает, как ошибочно *естественное* рассуждение людей, не учитывающее действия Благодати Божьей и ее сил. Люди, не чувствующие Хозяина мира и Его открывающей себя святой воли, люди «эмпирические» неизбежно, всегда и очень сильно ошибаются. Ирод — яркий пример такого именно человека. Судя немилосердно других, он не учитывает действия Божьего в мире и сам подвергается немилосердному суду и осуждению; он казнен (как и многие) *беспокаянной, скоропостижной смертью*. «Вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу», «и он, будучи изъеден червями, умер». Медицина эмпирическая нашла бы свое наименование для смерти Ирода, но Слово Божие проходит за оболочку вещей этого мира и обнажает корни бытия.

Правитель, уничтожающий воинов, по существу невинных, и в деле, за которое они казнятся, в силу как бы государственной необходимости, исполняет Слово Христово: «Взявший меч от меча погибнет». Страшная, но правдивая картина жизни в «мире сем» раскрывается в трагедии людей, подчиненных только «естественному» ходу вещей. Человек создан Богом, и если он живет вне Бога, то осуществляет величайшее бессмыслие, жертвою которого — рано или поздно — всегда становится.

Несомненно, что и в отношении воинов и даже самого Ирода, Промысл Божий был верен Себе, то есть своей заботе о людях, до конца. Близость апостола Петра и чудесное избавление его из тюрьмы бы-

ли зовом, может быть, даже не столько для (верующих уже) апостолов, сколько именно для неверующего Ирода и его воинов. Если бы они, даже оставаясь в своей земной, государственной сфере, исследовали дело освобождения апостола Петра из тюрьмы, без торопливости, с внимательностью и беспристрастием, они должны были бы уверовать в небесный мир и его силу, превышающую рамки эмпирических законов, осознанных человеком и не вмещающих в себе, конечно, океана вечной и абсолютной истины.

«Слово же Божие распространялось (ст. 24)... Вода Истины и Жизни, обтекая твердые, «собою заполненные» предметы, наполняла все, готовое вместить ее.

12. ВЛАСТ, ПОСТЕЛЬНИК ИРОДА (XII, 19-22).

Этот наиболее приближенный к Ироду человек был склонен (очевидно, подарками, взятками) к содействию жителям Тира и Сидона, искавшим мира с Иродом. Небольшое политическое событие Малой Азии, мало касающееся дела апостольского в мире, но занесенное историком Лукою на страницы Деяний, показывает, как жизнь «мира сего» шла своим, все тем же путем, в то время как свершалось великое, небесное дело в человечестве. Два мира — мир благодати и «мир сей» взаимно друг друга проникают, оставаясь существенно различными, принадлежащими к двум планам бытия. Кесарево воздается кесарю, но сверх того многими этому же кесарю воздается и Божие. Этот всюду, в той или иной степени происходящий процесс, показательно ярко изображен в стихах 21-22: «в назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним (то есть к тирянам и сидонянам, под-

купившим Власта). А народ восклицал: «Это голос Бога, а не человека»... Самоуверенный царек, в мишурном блеске восседающий на троне, и бессмысленный народ, его обоготоворяющий, в то время, когда Суд Божий вознес уже меч ангела над гордостью человеческой и черви готовы выйти на поверхность эмпирического бытия Ирода... Поучительная это, для всякого времени, картина.

«Мир Мой даю вам, — не так, как мир дает» (Ин). А как именно дает мир свой мир, это очень хорошо видно в 12 главе Деяний. «Власты человеческие» творят свой мир. И мир «сего мира» есть творение Властов. Оттого так мало на него надеются, и так мало ему придают значения, люди видящие Истину.

13. МАНАИЛ.

Близость к Ироду еще не определяет духовно человека. Мы это видим на примере Манаила, который был «совоспитанник Ирода» (13, 1), но духа Ироду противуположного. «Бытие» само по себе и его внешние условия совсем не определяют сознания, — духовной свободы и нравственного чувства человека. Воспитанные одинаково, Ирод и Манаил пошли совсем разными путями в жизни. Один сделался напыщенным тираном, царьком, игрушкой демонического духа, а другой «служил Господу и постился» (ст. 2), слушая недомыслимые веяния Духа Святого в своем утонченном и освященном сердце.

14. «НАБОЖНЫЕ И ПОЧЕТНЫЕ ЖЕНЩИНЫ»

Священное Писание божественно-чуждо страстных интонаций. Поэтому оно чуждо иронии и сарказма.

Отсутствие «душевности» и эмоциональности придает особенную силу нравственному суду над злом.

Стих 50 гл. 13 говорит без всякой иронии о набожных и почетных женщинах, выявляя лишь протокольную правду.

Эти набожные и почетные женщины вместе с первыми в городе людьми «воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов». — Типичный образец встречи мира, который «во зле лежит», с Истиной Божьей... «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела их были злы» (Ин. 3, 19). «Всякий, делающий худые дела, ненавидит свет и не идет к свету» (Ин. 3, 20). Страшный Суд есть все та же Любовь. Но она есть и Правда. Любовь-Правда светит в мире, и светом своим уже сейчас распределяет людей, по правую и по левую сторону от себя. Есть души-овцы, уже сейчас послушные любви, а есть козлы, уже сейчас ее бодающие. Свет Христов спасает и судит одновременно. Все это начинается уже на земле, в кратком отрезке земного времени. Неповторимая земная жизнь — испытание метафизического существа человека. Будущий Суд есть лишь печать на том письме, которое написал человек во время своей земной жизни. Оттого так велика цена всякой минуты земной.

Ценность ее не в созерцании только начатков будущей гармонии, не в предвкушении только будущего блаженства; но великая ценность этой «исполненной печали» земной жизни — в возможности всецелого обращения к Жизни Вечной. Ужас земного существования — в возможности не откликнуться на зов Божий, оттолкнуться от Вечной Жизни, возненавидеть, распять на своем пути, этот зов, как Христа; оттолкнуться от Света несомого учениками... Ужас этой жизни в возможности вот чего: «они же от-

рясши на них прах от ног своих пошли в Иконию»... Этот легкий прах, взметаемый от ног посланных Богом людей, прах отряхаемый, не принятый даже на подошву апостольских сандалий, — какое это невероятное свидетельство о душе человека, о доме, о городе, о народе... Если этот грех не омоется водою глубокого раскаяния и обращения ко Христу, как будет он свидетельствовать о предании и распятии Истины Христовой — в душе, в доме, в стране... «Истинно, истинно говорю вам, отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели граду тому», — граду, стране, душе, на которой осело это легкое облачко пыли, отрясенной с ног апостолов... У города Содома не нашлось ничего, кроме тусклой совести человеческой, мерцавшей в Лоте. В Антиохии Писидийской, а ныне почти во всех городах мира было Слово Божие. Если совесть Лота можно было содомлянам пытаться испачкать и нарушить, то Слово Божие можно только изгнать. На это именно и решились «первые» люди в Антиохии Писидийской. Нередко на это же самое решаются именно «первые люди» — в городе, обществе и народе... Конечно, о них это было сказано, что «многие же будут первые последними и последние первыми» (Мф. XIX, 30).

«Набожные и почетные женщины» в истории не всегда оказывают поддержку Истине. Стих 50-й 13-ой главы Деяний написан специально для — многих в мире — набожных и почетных женщин.

15. «МУЖ, НЕ ВЛАДЕВШИЙ НОГАМИ», В ЛИСТРЕ (XIV, 8-10)

Когда он слушал «говорившего Павла», «апостол взглянул на него и увидел, что он имеет веру для получения исцеления... Не так ли ангелы взглядывают и вглядываются в нашу сущность,

когда Промысл Божий зовет, увлекает нас к духовной жизни.

Происходит некое непрестанное изучение нас, замечание нас, со стороны Божьего невидимого для нас мира, замечание нашей сущности, при различных состояниях нашей души и в различных положениях жизни. Как бы «рентгеном» все время снимают нас! Всякое наше состояние порождает соответственный зов, Божьей Благодати, ее живой и личный ответ на выражение и направление нашей свободы. Зорко вглядывается в нас тот, кто нас любит здесь на земле; тысячекратно более зорко вглядываются в нас наши ангелы-хранители, незримые для телесных очей... Сколь же более еще глядит на нас Око Божие!

Все в мире устраивается так, чтобы проявлялась все время наша воля, наша свобода, наша личность. Человек все время ставится в тысячи разнообразных условий и положений в мире, внешних и внутренних; и через всякое обстоятельство внутренней и внешней нашей жизни Любовь Божия хочет высечь из камня его души искру небесного бытия. Искра эта — отклик человека на зов Благодати; искра, это — отзвук воли человека на Промысл, распростертый над ним, или над окружающим его.

Орлино-зоркий, ангело-подобный взгляд апостола являет высшую пневматологическую действительность мира, о которой так слабо и несовершенно знают люди в мире, оставаясь обычно лишь в плотской или душевной, психологической плоскости; психо-физический мир имеет тоже свой мир утонченности и своеобразной «духовности» (ложной, конечно), из которой вырастают все заблуждения мира.

Истинное духовидчество, прозорливость есть прямое следствие очищенности сердца человеческого и соединения его с Духом Истины. Это духовид-

чество, видящее и провидящее реальность вечного мира, дается Господом на земле людям только ради спасения их и других душ и вверяется только тем, которые узнаны и призваны быть истинными спутниками и соработниками Промысла Божьего в мире, сынами, знающими волю Отца.

У апостолов в высокой степени был этот дар. Они не только поклонялись Богу «в духе и истине», но и видели весь мир и человечество в духе и истине. Психическая «зазубренность» и сложность человечества не имела для апостолов значения.

Апостол умел быть, — не от лицемерия, конечно, и не для земной корысти (как это делают люди века сего), но по любви к каждой душе — «с эллином, как эллин, с иудеем, как иудей». Со слабыми был он, как слабый, с сильными, как сильный, — чтобы открыть истину всем и спасти всякого истине открывшегося. Душа апостола, освобожденная от житейских, бытовых, расовых, национальных и психологических ограниченностей и подчинения времени, с его провинциальным разделением людей, могла идти всюду, оставаясь всегда свободной во Христе. Эта душа нового человечества, умершая не только для греха, но и для его естественных следствий (для «рубцов греха»), душа, плывущая уже в безбрежном океане жизни божественной, видела, конечно, малейший признак обращенности к Христу другого человека. Так остановился быстрый взгляд апостола на одном из «малых сих», на хромом человеке города Листры, где апостол проповедовал, и — в самую минуту проповеди.

Из этого мы видим, что апостол не только говорил; он умел и слушать духом всех тех, кому говорил. Эта примечательная черта (редкая в проповедниках религиозной истины) показывает нам дух истинной проповеди. Так редко встречается в мире эта черта, несмотря на обилие проповедников,

именно оттого, что говорящие не слушают (в это же самое время), а если и слушают, то не слышат по-настоящему тех, кому говорят. Слышать духом других людей, во время своего слова, есть дар, сопровождающий служение истинного проповедничества. Это есть дар обращения отдельно и лично к каждому, даже в то время, когда пред проповедником тысячи слушающих.

Действие Духа Божия в мире универсально и оно, одновременно, неповторимо лично, в отношении каждого человека. Таково само божественное содержание Евангелия, в отличие от остальных книг мира. Таким же бывает слово истинных проповедников. В меру своего приятия огня Духа, они видят, что надо человеку.

Хромого в Листре надо было напоить водою, не только духовного, но и телесного исцеления. Апостол это сейчас же заметил, и увидел, что хромой человек «имеет веру для получения исцеления», т. е. что он не только способен психологически поверить в возможность своего исцеления, но и пневматологически зрел для этого исцеления, что исцеление не повредит ему, его спасению; даже поможет ближе подойти к Богу. Что оно будет благословением и для него, и для других людей. Апостол все это мгновенно заметил, безошибочно (вот она, огненность апостольская!) определил своим духом... То, что другие нечуткие и слепые духом «прозевывают», апостол (истинный «Строитель тайн Божьих») сейчас же заметил. И воспользовался немедленно, со всею горячностью своей любви к Богу и человеку. Взглянул, заметил и — сейчас же — громким, горячим, от сердца идущим голосом сказал: тебе говорю (вот — любовь Отца), во имя Господа Иисуса Христа: «стань на ноги свои прямо»; и он тотчас (все подлинное тотчас происходит вне времени человеческого) «вскочил и стал ходить».

16. НАРОД В ЛИСТРЕ (XIV, 8-18).

Молниеносное исцеление хромого от рождения в Листре произвело на народ ошеломляющее впечатление. Можно было бы сказать слишком большое. Слепота духовная, как и слепота физическая, оставляет человека либо в неподвижности, либо заставляет его делать движения лишние, не нужные, иногда гибельные. И слепые духовно, пред апостолом, либо цедят сквозь зубы лениво: «об этом послушаем в другое время» (Деян. XVII, 32), либо кричат: «боги в образе человеческом сошли к нам» (Дн. XIV, 11). Глухие не хотят слушать апостолов, как некое по-новому скучное учение человеческое, или, видя чудо, впадают в такой же восторг, как после насыщения тысяч людей пятью хлебами, и хотят чудотворца сделать своим царем, или причислить к сонму богов. Если Господь Иисус Христос только скорбно уклонился от людей, Царствия Божия не понимающих, то апостолы Павел и Варнава, естественно, возмутились духом до такой степени, что «разорвали свои одежды».

Современный, разумный, осторожный, проповедник пожалел бы, конечно, своей одежды... 1900 лет тому назад все было проще и горячее. С жаром бросились в толпу так плохо ею понятые апостолы, так не к славе Христовой понятые. Бросились в народ, крича («громогласно говоря») все, что приведено в стихах 15-17.

Исцеление хромого произвело нужную реакцию, обнаружив подлинное духовное состояние народа и дало апостолам новый повод горячего свидетельства о Истине этим поверхностным и «жестоковыйным» (даже в добрых чувствах своих) людям.

«Жестоковыйность» (плотяность религиозная, фанатичность) одинаково далека от Бога, как в зле, так и в добре. Можно себе представить сколь мучительна была, для светлого, смиренного духа апостолов, эта

попытка языческого обоготворения их самих. Они, учившие о совершенном обожении человека во Христе, должны были особенно страдать от человеческих стремлений к темному их обоготворению.

С разодранными одеждами, крича, апостолы убеждали в толпе эти младенческие сердца простыми, горячими детскими, педагогически-трогательными в эту минуту словами: «Мужи! что вы делаете? И мы — подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу живому, Который сотворил небо и землю и море, и все, что в них; Который в прошедших годах допустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавал нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши»... Из этих слов так и брызжет непосредственная любовь к Богу. Она и зажгла миллионы сердец в мире... Здесь было и материнское утешение народа в младенческом безумстве его.

17. «НЕКОТОРЫЕ ИУДЕИ ИЗ АНТИОХИИ И ИКОНИИ» (XIV, 19-20).

Таких «некоторых» иудеев довольно много было на путях апостолов... Первое гонение на Церкви, как известно, шло из среды этих неверовавших во Христа иудеев; они же раньше просили у Пилата, чтобы он им отдал Варавву, а Иисуса отдал на распятье; это они избрали не Его, но «Варавву» (Мф. XXVII, 21).

Препятствия от них были повсюду. Вся естественная конъюнктура складывалась очень легко в пользу этих врагов истины Христовой. Победа над миром могла быть только по благодати, чрез веру. Благодать должна была быть практически показана в мире. Не только подлинная высота челове-

ческая, но и практическое доказательство сверхприродной силы Духа Христова должно было придти в мир чрез крайнюю и всестороннюю слабость всей человеческой — и апостольской — плоти.

У посланных Богом на завоевание всего человечества, людей не было:

Ни значения, ни влияния — «внешнего»,
Ни ловкости, ни хитрости мира,
Ни красноречия, увлекающего людей,
Ни престижа государственного,
Ни авторитета общественного,
Ни богатства материального,
Ни силы физической.

Не было вообще никакой власти внешней — человеческой. Всё это «естественное», наоборот, было обращено против апостолов... Не было у них ничего, кроме Благодати и сердца открытого для небесной Истины. Из этого сердца, как «из ничего», творился новый мир...

«Некоторые иудеи» (это категория повсеместного противления христианству) всюду мешают апостолам и их преемникам, как пыль — глазу. Это зло не этническое (апостолы — тоже иудеи), а духовное.

Народ в Листре уже стал подчиняться Господу и приник своим простым детским сердцем к апостолам, и начал уже пить духовное млеко истины. Апостолы продолжали «смело проповедовать». Но вот являются эти «некоторые иудеи» и возбуждают людей против апостолов; «убедили народ отстать от ап. Павла» (которому — совсем недавно — хотел народ приносить жертву, как богу); таща его, побили камнями, и даже «вытащили за город, почитая его умершим». Но чудесно укрепленный, на глазах учеников, апостол встал, и не устрашился опять войти в Листру; лишь на другой день он ушел в Дервию, а после снова, чрез некоторое время, вернулся в ту же самую Листру для «утверждения душ учеников», уча их делом и сло-

вом, что «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие».

«Некоторые иудеи», после того, как апостольское дело перенеслось к язычникам, явились, конечно, и в образе язычников... Когда же «окончились времена язычников» (Лк. XXI, 24), эти «некоторые иудеи» стали являться в образе «внешних христиан». Когда же стали оканчиваться и времена внешних христиан, эти «некоторые» снова являются миру, уже в виде неоязычников и неоиудеев, обновивших учение о примате крови, плоти, расы, нации и государства — над духом человеческим и Духом Божьим.

Истинным апостолам они не могут возбранить и никогда не возбранят делать дело Божие. Смысл их явления: открыть правду крестного пути Благодати в мире; правду евангельского пути в Царство Божие.

18. ЛИДИЯ, ИЗ ФИАТИР (XVI, 14-15, 40)

Вокруг апостолов происходит «поляризация» человечества. Господь «отверзал сердца» людей. И сердца показывали свое содержимое. Так отверзлось сердце и Лидии, торговавшей багряницей в Фиатирах. Она была, повидимому, состоятельнее других христиан и ей было легче дать у себя приют апостолам: «если вы признали меня верною, то войдите в дом мой, и живите у меня»; такими словами убедила апостолов войти в ее дом.

Облегчают апостолам их труды и страдания такие кроткие, скромные, жертвенные и не замечающие своей жертвенности женщины. На всем протяжении истории Церкви, Промысел ставил таких женщин на крестных путях благовествователей Слова. И женщины эти, как Лидия, а позднее, через 4 века, Олимпиада-диаконисса, служили благовестникам Христовым

«имением своим, как самому Господу». Они не только подавали, по заповеди Христовой, «чашу холодной воды во имя ученика» (Мф. X, 42), но они поили самих учеников, и не одним стаканом воды, и кормили их, воплощая свою любовь к Господу в служителях Его Церкви.

Отрекшиеся от своих родных, семейств и друзей по плоти, служители Христовы получали, уже на земных своих крестных путях, по слову Господа, во сто крат больше «матерей и братьев и сестер» и друзей — духовно близких, *чья близость уже утверждена в вечности.* Эти, отрекшиеся от всего и свободны от всякой плотской привязанности, находя всюду, на всех путях своих, до наших дней множество матерей и сестер и братьев и чад в духе, во Христе; и эти новые связи и единения несравненно глубже и радостнее кровных союзов. Чистое родство душ, соединенных между собою одною любовью ко Христу Господу и Его нетленному миру, как бы одним дыханием любви живет. Оно носит уже в себе и предвкушает все радости вечной, совершенно отодвигая в забвение страстную, ветхую, плотскую жизнь.

У христиан и жены, — только «отчасти» жены. Они более спутницы к небесному вечному Отечеству. Оттого говорит апостол, что все «имеющие жен должны быть, как не имеющие и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся»... «Ибо проходит образ мира сего»... Но образ мира вечного и бытия нового готовится стать настоящей, едниственной реальностью человека.

Чрез служение душе, обрученной Богу, слуги Христовы исполняют свое предназначение. «Ничего не имея» они «всем обладают» (II Кор. VI, 10) и в отношении вещей мира видимого, и в мире невидимых сокровищ Божьих, живых душ человеческих. Христианин — собрат и со-служитель всех святых, от века Бо-

гу угодивших «обладает», в Боге, всеми их жизнями, хотя и «не имеет» их. И всякий благовестник обладает плодами своего благовестия, — любовью к Богу человека, им обращенного. Трудящимся позволено «жить от благовествования». «Жить от благовествования», совсем не значит только пользоваться гостеприимством Лидии, ее услугами и пищей. Апостолы питались «не одним хлебом», но и Словом и любовью, действовавшей в их братьях и сестрах.

Они «питались от благовествования» — любовью людей; их правдой и чистотой, их усердием и помощью в деле обращения новых душ ко Христу.

19. СЛУЖАНКА ОДЕРЖИМАЯ (XVI, 16-23).

Характерный и поучительный для современности случай произошел в Филиппах. Идя в молитвенный дом, за город к реке, апостолы Павел и Лука встретили одну служанку, «одержимую духом прорицательным». Дух бесплотный, видящий более, чем человек, имеет возможность, иногда, проникая в человека, нечто сообщать ему и чрез него другим. Чрез одержимых людей дух может сообщать нечто и окружающим.

Пользуясь одержимостью своей служанки, господа ее зарабатывали 'и .имели большой доход» от этих прорицаний. Ап. Павел несколько дней терпел на улице прорицания, но потом не вытерпел, вознегодовал, и, силою Господа Иисуса Христа, изгнал прорицательного духа из служанки. Ничего плохого, в сущности, этот дух ему не говорил. Этого духа даже можно было принять за истинного духа (и тем подпасть под его влияние). Он возвещал чистую правду. Но апостол без колебаний изгнал его, Именем Христовым. Дух этот был н е ч и с т ы й, — апостол в о з н е г о д о в а л, изгоняя его. Ясное вытекает из этого поучения всем ищущим в мире прорицателей, гадальщиц,

ясновидящих, и им доверяющих: «сатана принимает вид ангела света» (II Кор. XI, 14). Хотя ясновидящие, бывает, и не говорят ничего плохого, и кое-что угадывают из прошлого и из настоящего человека, и не пытаются греховно заглянуть в будущее (которое есть достояние Единого Господа Бога), — однако обращение с этими «ясновидящими» представляет, для всякого человека, большую опасность и несомненное духовное загрязнение, в самом уже факте обращения к ним и общения с ними, — вопреки воле Божьей.

Всякое общение с неблагодатным духом, всякое обращение к нему, есть уже смертельное осквернение для человека. Люди мира бывают столь неосторожны и столь неразумны, что, вопреки ясному велению Божию, стараются даже иногда самовольно подглядывать будущее, тем отталкивая от себя Благодать веры и ежемгновенной надежды на Бога.

20. ТЕМНИЧНЫЙ СТРАЖ (XVI, 22-34).

Целая Книга Жизни заключена в стихах 27-34. Любовь апостола к тюремщику своему, спасение его тела и души. Может быть, ради обращения его одного был апостол проведен чрез эти нелегкие узы... Как быстро откликнулась душа стража на искреннюю любовь апостола к нему. Любовь апостола — в крике отеческого страха из глубины темницы: «не делай себе никакого зла», и в горячности этого его крика. Апостол прозорливо в темноте возгласил к стражу своему, не видя его, но зная, что он уже извлек меч, чтобы умертвить себя. Эта любовь, забота и явная прозорливость узника потрясли тюремщика. Он «потребовал огня» и, вбежав в тюрьму, как ребенок «припал к Павлу и Силе». В «трепете», в священном и сладком ужасе.

Мысль о духовном спасении охватила его. Удивительно, как призывающая Благодать приготовила его

к принятию небесного огня веры. Землетрясение, колебание стен темницы, забота безвестных учеников о его спасении, их удивительное проникновение в его мысль и их совсем новая для него любовь, проповедь, увещание крещения...

Явление горячности в вере и любви дает осязательно-яркие плоды Духа; Дух сошел на стража тюремного; Дух вывел его из его внутренней душевной тюрьмы, тюрьмы одной плотской жизни и плотских помыслов. «И взяв их в тот час ночи, он», этот доселе грубый тюремщик, «омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его».

Радостная общая трапеза жизни... Сказано: «возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога». Радость чистая, небесная, о своем и близких своих вечном спасении; радость открывшейся ему Божьей и своей любви к Богу... Чувствуется даже некоторое «опьянение божественным» в событиях этой ночи. Всё в одну ночь произошло. Пример действия Благодати в простом сердце. Сейчас люди — особенно тюремщики наших дней — «изъедены рассудительностью, безличностью, отвлеченностью, рутиной «профессиональности»; в этом тонут личные черты всякого человека. Души сейчас в мире разложены; в них меньше цельности, простоты и детскости, чем в людях апостольского времени или средних веков. Мир тогда, может быть, был грубее, но душа человека была обнаженней и ясней в своих корнях.

Землетрясения в те годы больше обнажали в сознании человека близость ангельского мира. Души стояли ближе к своим «метафизическим корням». Облегчая веру во Христа человеческим душам, мир и сегодня потрясается великими и огненными катаклизмами. Трясение стен общечеловеческой темницы — мира — есть сотрудничество силы Божьей с душами человеческими, имеющими уже божественную любовь и посланными в мир на проповедь Истины... События

физические, исторические — лишь пролог к действию любви и апостольского служения.

Злоба, ненависть, открытое бесчеловечие, истязание одних людей другими, преследования, расовые, кастовые, национальные, партийные, лично-эгоистические, волны ненависти, недоверия и страха всё время колеблют стены мира — общей темницы людей. Это всё совершается ради облегчения духовного воскресения Господа Иисуса Христа в сердцах людей, не понимающих стражей этого мира.

Повторяются и в наши дни события, сопровождавшие распятие Христово, — землетрясение, отверзение гробов, разлитие Света Божественного в сердцах... «Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. VIII, 18).

Зло и суету «преодолеваем силою Возлюбившего нас». Апостол, по опыту своему, мог быть совершенно уверен, что никакая сила не может отлучить, ни его, ни другие души «от любви Божьей во Христе Иисусе Господе нашем». Более того, он хорошо знал, что всякая сила в мире, всякое событие, может, силой Христовой, привести человека к этой любви.

21. ГОРОДСКИЕ СЛУЖИТЕЛИ (XVI, 38)

На долю этих людей выпало только пересказать начальникам города слова ап. Павла; не благовествования, а требования гражданской и человеческой справедливости, в отношении его и Силы. Дело этих городских служителей, совсем незаметное, не открыло их личностей... Тут рядом совершалось обновление и «воскресение людей Духом Святым», но эти служители города остались в стороне от новой жизни. Они продолжали старую жизнь мира и откликались не на

духовные, а только на внешние слова апостолов. Как очень многие люди, — они безжизненно проходили около самой Благодати Воскресения, столь близкой к ним!

22. ИАСОН (XVII, 5)

Иасон был уважаемый в Фессалониках человек. Вместе с христианами, он пережил несколько неприятных минут; его тоже повлекли «неуверовавшие иудеи» и «негодные люди», взятые иудеями с площади. Обвинение (всё то же: «всесветные возмутители») обращено опять к апостолам. Но их не находят в доме знатного Иасона. Иасону приходится объясняться с маленькими пилатами Фессалоник. Толпа «неуверовавших иудеев» и «негодных людей», точь в точь, как пред Иерусалимским Пилатом, опять неистовствует, кричит... Дальний отплеск великой волны, поднявшейся «на Господа и на Христа Его»... Но тут не мученичество, не распятие, а досаждение и неприятность.

«Негодные люди» больше неприятностей, в данном случае, принесли самим себе, чем Иасону. Чтоб «возмущать город», надо было, очевидно иметь еще более злую душу... Правы те, которые жалеют не столько жертву, сколько палача; в духовном смысле палачи несчастнее своих жертв.

Около каждого человека и церковного дела в мире слышен всегда дьявольский ветер, поднимающий пыль вокруг и бросающий ее в глаза людям. Зло не в силах ничего само привнести, влить, дать, но хочет отнять от людей всё и испугать их на самом пороге добра, сделать их бессильными для блага... Но трезвые и мудрые христиане, как Иасон, один за другим, спокойно, распутывают все диавольские сети, узлы и колтуны, выходя из тупиков зла и выводя других.

23. «ГОРОДСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ» (XVII, 8-9)

«Городские начальники», обычно, нравственно-нейтральные люди, поддаются, конечно, добру, но и встревоживаются злом. Это «почва каменистая», на которой быстро всходят самые противоположные растения, одинаково быстро увядающие. Вообще, начальники власти гражданской живут не столько в нравственном порядке Истины и Добра, сколько в психологическом и юридическом порядке «мира сего». У них свой комплекс соображений и суждений рутинных, по которым они милуют или осуждают людей... В их психическом мире всё шатко. Легко их «встревожить», но не трудно и успокоить, «дать удостоверение»... «Удостоверяющий», впрочем, должен принадлежать к их миру, говорить на их языке... Общественная жизнь Иасона, вероятно, соприкасалась с ними, и оттого ему легко было успокоить их. «Городские начальники» — зыбкая почва всех времен и народов. С ними надо уметь говорить. Апостол Павел умел не только благовествовать им, но и говорить с ними, не затрагивая «жемчуга» духовной области (см. XVI, 37-39, 24).

24. ВЕРИЙСКИЕ БЛАГОМЫСЛЕННЫЕ

Трогательное сообщение о том, что, ввиду явной опасности в Солуни, «братия», христиане, «немедленно отправили Павла и Силу»... Апостол народов подчинился «братии» и был «отправлен» в Верию. Там было благомысленнее, тише, мудрее. Там без споров люди приняли свидетельство истины и только захотели для прочности веры сами удостовериться в текстах Писания, на которые ссылались апостолы. В результате беспристрастного разбора Писаний «многие» из верийских уверовали. Здесь уже и «почетные жен-

щины» себя проявляют с самой хорошей стороны. Не мало их и уверовало. Но вот диавол змеится по стопам апостолов. Солунские возмутители услышали, что апостолы проникают в Верию; Павла опять спасает «братия», отправляя в виде путника, «как будто идущего к морю»... Удивительна чуткость, разумность и любовь подлинных друзей апостолов. Сколько радости скрывается в этой заботе, для благовестника, и радости — не из-за облегчения его трудов, а из-за торжества христианской любви в друзьях его и чадах о Христе; той любви, которая была «проповедана» и насаждена им.

Верийская община выросла отчасти благодаря гонению на апостола в Солуни. «Любящим Бога всё содействует ко благу». Диавольский ветер только разносит искры огня Христова в мире; не в силах он потушить их. Лишь призрачные искры исчезают под этим ветром. Внимательность верийских людей к Истине и их ежедневные разборы Писания, с целью удостовериться в ней до конца — есть новое вкладывание трепещущих радостно перстов человеческих, в прободенные руки и ребра Спасителя Воскресшего...

25. «ВСТРЕЧАВШИЕ»

Апостол рассуждал «ежедневно на площади со встречавшимися» (XVII, 17). О чем? «Он благовествовал им Иисуса и воскресение» (ст 18). Промысл вел души человеческие чрез афинскую площадь, где стоял апостол и говорил о Боге Живом. Некоторые из эпикурейских и стоических философов спорили с ним и называли его за спиной суесловом. На площади речь ап. Павла обращалась ко всем. В результате этого апостольского — и Божьего Слова, — образовалась группа уверовавших. «Некоторые же мужи, приставши к нему, уверовали; между ними был Дионисий

Ареопагит и женщина именем Дамарь и другие с ними» (ст. 34).

Конечно, по каким-нибудь своим житейским надобностям, люди проходили чрез площадь, а, может быть, спешили некоторые на поклонение ложным богам. Апостол стоял на площади, как сеть... И таинственно совершалось улавливание душ.

«Один берется, другой оставляется» (Мф. XXIV, 40)...

Благодать встречается таинственно с душой человеческой, на всех путях и площадях мира. Иногда среди самых земных шумов и идей мира человек слышит кроткий голос Истины. Друг земной или небесный вкладывает ее в самое сердце. И истина вдруг кажется человеку бесконечно более дорогой и близкой, чем все зовы мира, сулящие счастье и победные клики земли.

Почему один откликается, «берется», а другой не отвечает голосу Истины и «оставляется» во лжи? Слово Божие объясняет эту тайну притчей о сеятеле и семени. Истина Божия стучится и она падает, как семя, во всякое человеческое сердце; в глубинах своего свободного бытия человек отталкивает или принимает Истину... Господь же, как солнце, светит всем... Если бы можно было духовными очами взглянуть на афинскую площадь, в то время, как там стоял апостол, можно было бы увидеть Солнце Христа, — ослепительно сияющее среди этой площади, и одних людей можно было видеть согревающимися и радостно озаряющимися этим солнцем, других — опаляемых его огнем и отбегающих от него; третьих — сокрытыми за холодными каменными стенами своей самости...

26. АПОЛЛОС, АКИЛА И ПРИСКИЛЛА (XVIII, 24-28)

Аполлос, зная только крещение Иоанново (такова была сила этого крещения) уже «говорил духом» и

«учил о Господе правильно». Дух Святой уже понуждал этого человека говорить другим языком, несмотря на еще несовершенное знание истины им самим. Истинное горение сердца больше знания человека. Дух Аполлоса был уже мудр, в горячности своей, а разум его еще отставал, и ряда сторон христианских учений не знал.

Акила и Прискилла, друзья ап. Павла, соремесленники его по деланию палаток, помогли Аполлосу, «приняли его» (и в дом, и в сердце свое): «точно объяснили ему путь Господень»... Не спорили с ним, не опровергали его, а только «точнее объяснили ему путь Господень»... Это самый верный метод привлечения добрых душ, еще не знающих полноты истины. Аполлос — пример горячности, в служении Богу, и смирения. Душа, движимая Духом Святым, так же легко учит, как и учится истине.

Акила и Прискилла во время делания палаток с ап. Павлом, научились от него глубине познания Истины. С кем ни соприкасается, братски, дружески, апостол народов, — всех он учит делать палатки Господу Воскресшему, Преображенному. Тогда, на горе Фаворской, еще не время было «делать кущи» (Мф. XVII, 4). Но теперь, после Воскресения, — всё дело апостольское уже в том, чтобы строить палатки Господу в душах. Всё в мире учило апостола Царству Божьему.

27. НЕКОТОРЫЕ УЧЕНИКИ (XIX, 1-8)

Были ученики, не знающие о Духе Святом. Но Дух Святой знал их и влек к новым откровениям.

Быстро, без сомнений слышат они истину и принимают Духа Истины, показывая тем, что Он в них был, хотя они и не знали этого. «Бог же творил немало чудес руками Павла». Главное чудо есть обра-

щение к Истине людей, ее не знающих, и обращение к большей Истине тех, которые познали ее еще несовершенно. Материал горючий Господом подготовлен. Надо только запалить. Это мог делать даже Аполлос, даже не зная всей истины, а только горя ею. Еще скорее зажигались души предуставленные (предуставившие себя, в своей свободе) чрез слово Апостола, к Истине. Но апостол не только учил и просвещал. Он и подавал Духа, возложением рук. Дух Святой, в глубочайшем — непостижимом смирении Своем, благоволит слушаться верных ему людей. Он подает Себя людям чрез таинства Церкви, чрез молитву и чрез руковозложение Своих слуг, очищая, освобождая и освящая людей, алчущих Его. Своими блаженными силами и неизреченными дуновениями Дух благопослушен людям верным Ему и благопослушным Ему...

Ошибочно говорить о «Третьем Завете», о новом историческом «Завете Духа». Дух Святой, Единый со Христом и Отцом, обильно, царственно и благопослушно действует в мире. Он уже входит в Завет с человеком, если находит в нем веру и любовь.

28. ИУСТ, КРИСП И ДРУГИЕ (XVIII, 7-11)

Радостна была жатва апостола в душах таких «чтущих Бога», как Иуст и начальник синагоги Крисп. Конечно (как в видении было ап. Павлу сказано), надо было «говорить и не умолкать». «Много у Меня людей в сем городе», — сказал Сам Господь апостолу... «У Меня»... Если бы только нам всем быть у Тебя, Господи, на счету Твоем... Апостолы только срывают гроздья, которые возрастил Дух Божий. «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились. Другие трудились, а вы вошли в труд их». На кресте (жизненном и надгробном) каждого проповедника Истины, могут быть надписаны эти слова.

29. СОСФЕН (XVIII, 17)

Фигура Сосфена, начальника синагоги, довольно жалкая. Противник апостола, он был в числе тех иудеев, которые «единодушно» (единодушие всякого зла — призрачно) напали на Павла и привели его пред судилище Проконсула Галлиона. Явно — оклеветали апостола. Но Галлион, более мудрый, чем Пилат, не хотел вмешиваться в религиозные дела иудеев и прогнал их с судилища.

Но почему все эллины схватили после этого Сосфена и стали его бить пред судилищем, это понять не легко. Очевидно, это была одна из бесовских выходок. Бесы имеют часто власть бить своих слуг... А Галлион «ни мало не беспокоился о том». Рывший яму другому, попал в нее сам. Христиане запомнили этот случай.

Жалкие люди, эти Сосфены, не любящие добра и неудачники во зле. В сущности, и все злые люди становятся похожи на Сосфена. Зло, творимое ими, находит их самих, рано или поздно. Напрасно люди недоумевают, если зло «поздно» находит их (не как Сосфена). Они и в удачах своих внешних несут в своей душе личинки зла, уже обращенного против них.

30. ВЛАСТЬ УЧЕНИКОВ (XIX, 30)

... «Павел хотел войти в народ; ученики не допустили его». Не первый раз мы видим это: ученики имеют власть над учителем. Это ученики, выучившиеся у своего учителя ученичеству Христову. Они повинуются духу Христову — в любви своей и заботе своей — и учитель их подчиняется им.

31. БЛЮСТИТЕЛЬ ПОРЯДКА (XIX, 35-40)

Высшее, что могла вырастить до-христианская культура, это блюстительство порядка, разумности естественных отношений, норм закона. Римское право — величайшее достижение древнего человека, не дошедшего до царства благодати; еще не знающего и Богооткровенного Закона. Оно целиком остается и в наши дни для людей, которые еще в младенчестве духовном и в одной только государственности пребывают; их усмиряет и направляет власть гражданских законов и естественных аргументов. Человечество, в государственности своей, живет в царстве незримой благодати Закона, пред дверями таинственного закона Благодати.

32. ТИРАНН (XIX, 9-10)

Благодать на этом человеке. В его училище ап. Павел проповедовал иудеям и грекам целых два года...

Чему бы ни учились ученики этого училища, они должны были за два великих года узнать христианство. Душевное знание уступает духовному. Тиранн уступает свое время и место ап. Павлу. Знание уступает ведению. Логика и психология — пневматологии.

33. СЫНОВЬЯ СКЕВЫ (XIX, 11-20)

Райская весть о Господе Иисусе связана с изгнанием злых сил. Изгнание их есть действие Благодати. Кто пытается без Благодати изгонять из мира зло и пользуется именем Иисусовым без Духа Иисусова, тот будет отдан во власть злых сил.

Добро и борьба со злом, без Благодати Христовой, есть ложь и заблуждение антихристово, слепота истории человечества.

34. ЮНОША ЕВТИХ

Этот юноша троадский примечателен тем, что уснул сидя на окне во время «продолжительной беседы» апостола; пошатнувшись, он упал сонный с третьего этажа... Очевидно беседа апостола Павла была слишком трудна для молодого Евтиха. Многие в наши дни тоже засыпают умом во время богослужения и чтения посланий апостольских. Это «естественно» для плотского человека. Всё же, даже Евтиху лучше было бы не засыпать в такое время. Падение его символично. Это предупреждение всем христианам, засыпающим во время слышания Слова Божия... «Трезвитесь, бодрствуйте потому, что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев ища кого поглотить» (I Петра V, 8). Особенно у святых мест и в святые часы (как в Гефсимании пред Голгофой), когда происходит прославление Господа, противник, диавол нагоняет на людей сон, расслабление, скуку. Еле горящий, тлеющий, потухает, связывается и отбрасывается от животворных слов молитвы.

35. СВИДЕТЕЛЬСТВО ДУХА (XX, 23)

Как это «Дух Святый по всем городам свидетельствует» апостолу об узах и скорбях? Конечно, — чрез людей, живущих в разных городах. Духовно-опытный человек слышит и узнает голос Духа в своем сердце, и в речи другого человека. «По одному слову можно узнать истинного подвижника», — говорили св. отцы. Не столько даже чрез содержание,

то есть рациональный смысл речи, как чрез ее дух, может быть узнаваема опытными людьми, как бессольная, так и благодатная душа. Несомненно, чрез глаза (и вообще черты лица) человеческие, проявляется духовное качество души. Слово тоже — выразительный проводник духа. Сквозь доброе, истинное и чистое Дух слышит райские звуки; и преисподний скрежет зла и нечистоты также слышен, хотя бы он и скрывался за внешней благовидностью слова.

Тонкий слух апостола ясно слышал духовные миры сквозь слова людей. В Филиппах из служанки он изгоняет демона, хотя этот дух ничего, кроме сущей правды, не сказал; но даже в самой правде обнаружилась пред апостолом его злая сущность. Примечательное пневматологическое явление. Познание этих явлений является потребностью самой необходимой современного человечества, обманывающегося так легко призраками добра и зла.

Дыхание Духа чутко слышит апостол Павел. Дух движет им и руководит. Без такого опытного слышания Духа нет истинного благовестничества Христова.

«Дух сказал мне, чтоб я шел с ними, ни мало не сомневаясь» (XI, 12). «Дух сказал Филиппу: пойди и пристань к сей колеснице» (VIII, 29). «Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их» (XIII, 2). «Это угодно Святому Духу и нам» (критерий Истины в Церкви во все века) (XV, 28)... «Прошедши через Фригию и Палатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедовать слово в Асии. Дошел до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их» (XVI, 6, 7)... и т. д.

Зная волю Господа Духа Святого более, чем материальную и психическую действительность этого

мира, апостол Павел, конечно, видел ее и внутри человека яснее самого человека.

Дух бесконечной Святыни Кротости и Смирения благоволит обитать в простых, себе славы не ищущих людях, алчущих славы Божьей. Не «заслугами», но своим духом, состоянием своего сердца привлекает человек Божьего Духа. И «не мерою» (Ин. III, 34) Бог дает Духа, то есть — Себя. Это есть обещанное Господом Иисусом Христом Его Царство — в меру наших сил — «пришедшее в силе».

36. СПОР С ДУХОМ

Одно из самых таинственных мест Писания — многократное свидетельство Духа Святого о том, чтобы апостол Павел не шел в Иерусалим... «Они (ученики) по внушению Духа говорили Павлу, чтобы не ходил в Иерусалим» (XXI, 4). Агав пророчествовал в Духе, предупреждая апостола об Иерусалиме. И спутники апостола и тамошние кесарийцы, в доме диакона Филиппа собранные, «просили, чтобы он не ходил в Иерусалим»... Но сыновнедерзновенный апостол, как древний патриарх Израиль, боролся с Богом — Духом Святым. И его ответ (XXI,13). «...Я не только хочу быть узником, но готов и умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса». Какое дерзновение великой сыновней свободы во Христе! Противоречить Духу, оставаясь в Духе же! Никакая действительно, ни «глубина ни высота» не может отлучить апостола от любви Божьей во Христе Иисусе. Далее этого не простирается уже ничто человеческое.

Как почтен Самим Богом соработник Его — верный и истинный.

У образа Божьего, у человека власть — не слушаться Самого Творца, и иногда — свято не слушаться Его, в опьянении любви к Нему... Только такое «неистовство жертвенности», безумие преданности Богу, могло и может зажечь мир огнем Христовым.

Мы знаем, Апостол иногда подчинялся ученикам. Здесь же Сам Господь уступает ему.

37. МНАСОН КИПРИЯНИН (XXI, 16)

В миссионерском деле Церкви очень ценно знать, во всех местах, «давних учеников», верных, испытанных людей, «у которых можно было бы жить». Повсюду есть такие верные Христовой Церкви души, служители Ей преданные. Надо миссионерам и другим служителям останавливаться у них. Их служение, как и христианки Лидии из Фиатир, есть — служить служителям Божьим. Это особый дар Духа.

38. ПОСЛУШАНИЕ ПРЕСВИТЕРАМ (XXI, 17-28)

Придя в Иерусалим и встретившись с пресвитерами тамошней общины, ап. Павел услышал от них совет: «сделай же, как мы скажем тебе». Апостолу посоветовали, исполнить, с 4-мя иудеями, обряд очищения в храме; в спасительность сего обряда не веровали ни пресвитеры-христиане, ни ап. Иаков, с ними бывший, ни сам ап. Павел. Они знали хорошо, что освящается человек не обрядом, но Духом Божьим. Однако, всё же они решили исполнить этот обряд «для народа», чтоб показать себя с лучшей стороны, пред многочисленными сторонниками обрядового закона. Здесь было нечто близкое к лицемерию. Но, так как действие было не важным обрядом обрезания, знаменующим ветхий Завет с Богом, то ап. Павел з д е с ь

согласился на компромисс и решил, в этот раз, несколько смягчить соблазн Креста Христова... Это было человеческим решением (не плохим, конечно, а нейтральным — нравственно), что выяснилось сейчас же, во время самого исполнения сего обряда. Страсти иудеев и их злоба против ап. Павла не только не были угашены подобным «жестом» апостола, сделанным в сторону иудеев, ради их немощи, но наоборот вспыхнули эти страсти с неожиданной яркостью. Благочестивая человеческая рассудительность не подействовала. Острота Креста выявилась с новой стороны... Началось новое великое гонение на Павла, чреватое большими последствиями для него, всяческими перипетиями, злобой гонителей, свидетельством Истины и страданием за нее.

Мы видим, как личность апостола, его свободная, человеческая (и потому не безошибочная) воля участвует всё время на путях благовествования. Господь Дух Святой не сделал из апостола безличного раба. Его личность участвует всё время в благовествовании, и своей великой жертвенностью, и своими немощами человеческими, чрез которые, по вере его и любви ко Господу Иисусу Христу, всегда переливалась сила Божия. Апостол был силен и в самой немощи своей...

39. ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИК КЛАВДИЙ ЛИСИЙ (XXI, 31)

В лице этого римского военачальника лучшая сторона Государства, как Божьего установления справедливости и законности, избавляет апостола из руки его избивающих. Воины Клавдия Лисия подоспели во-время. Павел освобожден от самосуда толпы, но тысяченачальник должен сковать его цепями, не зная, впрочем, кто он, думая, что он египтянин, недавно образовавший в пустыне большую шайку разбойников. «Множество народа» кричало «смерть ему»

(ст. 36)... «Мы для одних — запах смертоносный», — писал после апостол (II Кор. II, 16). Свет Христов и правда Христова, живущая в человечестве, разделяет мир высшим разделением. Дух Божий возбуждает в душах, в зависимости от их воленаправленности, различные чувства, и, как бы раскрывая сущность людей, принуждает их идти до конца во внешнем мире тем путем, которым уже идет их сердце. Дух максимализирует и выбрасывает во вне всё внутреннее, в чем свершается уже отчасти Божий Суд в мире. Последний же Суд есть выявление последнего слова в той нравственной фразе, которую человек уже произносит сейчас своим сердцем. Суд есть конечное утверждение «внутренней логики вещей». Суд есть осуществление высшей логики бытия... Предающий Христа не может не распять Его. Умывающий Ему ноги (хотя бы в лице меньших братьев-людей), не может не благовествовать Его правды, не предать ему до конца своей жизни.

Государство же в этом мире (как и вся душевно-телесная жизнь, с ее интересами и целями временными) нейтрализует, задерживает действие этого Суда. Если бы не было, со стороны внешнего мира, этой душевно-телесной нейтрализации духовных состояний человечества, вся бы жизнь загорелась и вспыхнула в мире двумя огнями: райским и геенским; и земная жизнь покаяния, исправления, в о з р а с т а н и я в правде и в ней спасения, — была бы невозможной... Клавдий Лисий — типичный представитель государства. Он «Божий слуга», начальник и «не напрасно меч носит» (Рим. XIII). Он сковал апостола, но не по пристрастию, а ища законности и правосудия. Здесь, конечно, вскрывается и вся духовная слабость, недостаточность «Божьих слуг» государства. В них нет высшей прозорливости. При всей их честности, они узки, слепы и глухи к реальности высшей, духовной жизни. Лисий наивно спрашивает горящего правдой Божьей апостола

из-за того только, что он отвечал ему по-гречески: ... «не ты ли тот египтянин, который пред сими днями проповедовал возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи разбойников»? Это повторение слов, говорящих о Самом Господе: «В нем Вельзевул»... Нечуткость к внутреннему облику человека. Мир слеп и глух, но он все-таки живет каким-то осколком зеркала, отражающего волю Божию. Клавдий Лисий — это видно — поставлен был, волей Промысла, как крепкая стена меж ап. Павлом и гонителями его. Смертоубийственная ярость иудеев иерусалимских пеной разбивалась у этой стены. Два круга сталкиваются тут над жизнью апостола: ревнители лжецерковного закона и ревнители закона государственного, «до-церковного». И тысяченачальник, чтоб нечто узнать у апостола («по какой причине так кричали против него») приказывает истязать апостола. Но Государство и тут его спасает: он защищен от истязания своим римским гражданством и римским законом. Ради этого одного, может быть, будет оправдана пред Богом вся римская Империя... Но «волны мира» не закончили своей борьбы. По сей день борются еще эти стихии над головой благовестников Евангелия. Религия мертвой традиции и народных древних обычаев не принимает, избивает истину Христову. Государство, законами своими, — как обручами сковавшее мир, отчасти защищает и спасает христиан в лоне своей законности, давая им некую свободу слова и действия; но этой же своей законностью, несовершенной, оно сковывает их, как — Лисий Павла, «двумя цепями» (ст. 33): в жизни личной и в жизни церковной.

40. ПЫЛЬ В ВОЗДУХЕ

В своей ярости, — отчасти, — уже бессильной — против апостолов и Христова учения, — иудеи, собрав-

шись толпой пред представителем Римского государства, не только кричали, но и «метали одежды и бросали пыль на воздух» (XXII, 23). Пыль эта — и подобная ей — до сих пор носится в воздухе этого мира... Если трудно бывает, иногда, дышать воздухом этого мира, всей его атмосферой, то лишь потому, что носится в воздухе пыль брошенная (и бросаемая всё время) противниками Божьей Истины. Труден воздух этого мира, пылен, для духа человеческого. Надо всё время подниматься, отделяться от земли, приближаться к небу, чтобы найти иной воздух, которым было бы легко дышать. Пыль в воздухе, о которой упоминают Деяния Апостолов, есть образ нарушенного Закона Божьего, символ всякого греха. Сама по себе пыль, прах, физическая земля — благословенна и призвана взращивать добрые плоды, на пользу людям. Но нечестиво брошенная в чистый, целительный для человека воздух, — эта пыль отнимает у воздуха благословение.

Одна только злая воля человека может свершить этот грех, — нарушая определенную для мира святую волю Божию.

Омрачается вся атмосфера жизни явлением греха.

В конвульсивном жесте людей, кричащих против Правды Христовой и бросающих в воздух прах земли, раскрывается вся философия земного противления Богу.

41. СУДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Опять лжецеркви судят Церковь Бога Живого.

Представитель языческого государства, тысяченачальник «повелел собраться первосвященникам и всему синедриону, и, выведши Павла, поставил его пред ними» (XXII, 30).

«Вот Я посылаю вас, как агнцев посреди волков» (Лк. X, 3)...

Агнец, горящий любовью ко Христу, — Павел, и «князья мира сего», пыль, забравшаяся в атмосферу этого мира и «мешающая дышать», не только человеку, но и Самому Творцу... Как не осудить строя и духа этого мира!?

Глашатаям нового мира предлежит быть связанным и мучимым этим миром... «В мире будете иметь скорбь» (Ин. XVI, 33). Скорбь христианина не только в физическом гонении и возбранении ему служить Истине; скорбь его и в самом длящемся в мире состоянии неполного еще Царства Божия. Скорбь его и за гибель самих врагов Истины, тоже званных к Богу. Скорбь за «хозяйничание» демонов среди Богом сотворенных человеческих душ.

Нужно мужество, чтоб встать во весь рост богопреданности над этой скорбью. Оттого и произнес Господь свое слово, говоря о скорбности истинного ученичества в мире: «Мужайтесь, ибо Я победил мир». Уже победил. Всё остальное мнимо; всё другое есть лишь краткая, совсем не затрагивающая глубины этой победы фантасмагория.

Оттого спокойно сердце христианина в мире.

42. ПЕРВОСВЯЩЕННИК АНАНИЯ (XXIII, 1-5)

Он приказал бить апостола по устам и тем ясно показал свою демоническую одержимость; демоны более всего ненавидят уста возвестителей Божьей истины.

Известно, еще из книги Бытия, что диаволу-змию дана власть только над пятою человека, Богу преданного. «Пята» же его есть весь плотской круг земной жизни. «Жало в плоть», которое мешало благовествованию апостола (II Кор. XII, 7), было для него

только *жалом в пяту*, по верному обетованию Божию, данному семени Жены во Христе.

И физический удар вождя лжецеркви по устам вождя Церкви есть лишь удар в жалкую, материальную «пяту»... Дух апостола остался неуязвим. Сказав *истину* Анании («Бог будет бить тебя» и «стена подбеленная», т. е. подкрашенная белым, якобы чистым), стена меж Богом и людьми, — апостол даже эту несомненную истину готов взять назад, ради другой: истины смягчения сердец человеческих и указания на необходимость подчинения всякому слову Божию (ст. 5).

Если людям обычно в мире приходится отказываться от добра ради зла, или от меньшего зла ради большего, или от большего ради меньшего, или, наконец, от зла ради добра, — то христианину приходится в мире отказываться только от меньшего добра ради добра большего. Христианин — слуга Божий, непрестанный свершитель всё большего и большего добра...

43. РАСПРЯ МЕЖДУ ВРАГАМИ ИСТИНЫ (XXIII, 6-10)

Мы видим здесь, как апостол «смешал языки народов». Как сам Творец разделил при построении богоборческой башни Вавилона солидарность грешного человечества, так и апостол, метким, целесообразным словом, сразу показал всю неосновательность и внутреннюю разделенность тех, кто солидарно противился Божьей истине... «Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями и собрание разделилось» (7).

Творческое, святое разделение людей! Разделение людей, имеющих нечистую связь между собою, — свято. Разделение разбойников есть ослабление зла. Такими святыми делениями людей пользуется Промысл

Божий для своих целей истинного их соединения. Пророк был послан тоже не только для «созидания», но и для «разрушения» (Иеремия).

Апостолы не созидатели только, но и великие разрушители мира, многих его противобожеских связей и единений, всей эгоцентрической его «любви», всех не истинных его «дружб».

Апостол — строитель тайн Божьих; он знает, когда надо разделить строителей башни богопротивления; ему (как и всякому христианину в мире) дана власть созидать и разрушать, рассекать и разделять всё, мешающее Божественному созиданию.

Этот маккиавельевский принцип «разделяй и властвуй» — есть демоническое подражание мечу евангельскому. Задача Промысла в мире — не допускать чрезмерного скопления и единения свободных воль человеческих, ко злу направленных; разрушать призрачные, неэкзистенциальные единства.

Зло в себе не способно объединить людей и народы...Оно выдумывает призраки добра и истины, чтобы вокруг них объединить человечество против Христовой Истины. И Благодать, как во время построения Вавилонской Башни, так и во все эпохи, разрушает ложные единства человеческие, доказывая их лживость и непрочность. Промысел разделяет людей, не чтобы «властвовать», как хотят цари и дельцы мира сего. Власть божественная утверждается в служении Христовом, исходит из Божьей любви, пленяющей человеческую свободу в Царство Божие... Власть же сего мира ищет господства, ради похоти властвования и своекорыстия.

Благодать Божия все время благодатно разделяет мир: «не мир принес Я на землю, но меч; ибо Я пришел разделить»... (Мф. X, 34, 35). Божественное разделение чудно; оно для всех нужно и живительно. Меч Истины рассекает даже человека, «до разделения души и духа, составов и мозгов» (большего

разделения нельзя себе представить), отделяя все гнилое, отсекая «дикое мясо» (самостное, не связанное с личностью в вечности) от подлинного тела духовного личности человеческой. Этот процес промыслительной хирургии проходит по всему миру, по всем социальным слоям и народам человечества. Но одновременно с этим «смешением языков» зла в отдельном человеке, так и во всем человечестве (в его эгоистической жизни), Благодать ткет истинные ткани жизни в самих личностях и в живом теле их вечного соединения друг с другом в Духе Святом... Таков смысл всего процесса истории, после отпадения человека от Бога и от собственной подлинной жизни.

Несомненно любя и самих своих гонителей фарисеев, и саддукеев, как своих (еще не нашедших истины) братьев, апостол смело бросил, в гнилой пруд мнимого единства, камень Божьей правды, который должен был произвести (и сразу же произвел) волнение в этом прокисшем болоте человеческого национального и личного эгоизма.

«Сыны противления» действовали еще только интуитивно, некиим сатанинским «нюхом зла», сверхрационально обнаруживая (удивительный это факт!) благоухание Истины в Апостоле. Идеологически книжники синедриона иерусалимского не были сильны против Истины. Они, как и многие современные враги христианства, не вникали и не желали вникать в сущность Божьего учения о Свете и инстинктивно-животно защищали свое маленькое, привычное, приспособленное ко тьме зрение, от ослепительно для них сияющего во тьме — и эту тьму судящего — Света.

Как дети, всегда переходящие с одного предмета на другой, или псы, оставляющие одну кость, чтоб заняться другой, брошенной им, эти слепые вожди слепых, тотчас же отвлеклись от самой темы своего суда над апостолом, и детски, животно, возбудились друг

против друга, в плоскости своих всегдашних несогласий.

Как на ладони, тут видна вся неосновательность, «дурная детскость» их критики и их преследований апостола. Новая сторона психологии «сынов века сего» открывается тут.

Апостол же, конечно, не только хотел произвести разделение в лагере своих духовно-младенствующих противников, не только — отвлечь их внимание от себя, но и педагогически дать им, хотя бы некоторым из них, тот понятный им краешек истины, за который могла бы ухватиться их незрелая совесть... Апостол хотел в чем то найти их единомыслие с Истиной.

Мы видим, как постоянно во всем апостол ищет и хочет видеть элемент добра и начало правды. Благочестие язычников афинских он видит в жертвеннике «неведомому Богу»; правду фарисеев — в их вере в воскресение. Постоянное его желание найти общую почву со всяким человеком (даже самым враждебным Истине), — быть всегда «эллином с эллинами», «иудеем с иудеями» — показывает глубину его самоотверженной любви к Истине и к человеку, независимо от того, обладает ли человек истиной, или отлучен от нее. Истина у апостола сочетается с истинным образом человека.

Глубину Божьей любви мы видим в делах и словах апостола, глубину любви его, умершей для «себя» и воскресшей в Боге. Лишь эта любовь имеет дар не мыслить зла и радоваться о Истине, даже о всех самых малых крупицах ее в человечестве.

44. НЕБЛАГОДАТНЫЕ ПОСТНИКИ

Чрез пост обостряется всякое духовное движение человека, — и доброе, и злое. Постом можно особенно себя приблизить к Богу и особенно отдалить себя

от Бога. Пример неблагодатного поста и темного самоотвержения являют те «более сорока» (XXIII, 13) иудеев, которые «заклялись» не есть и не пить, пока не убьют Павла (12). Желая острее поддержать в себе состояние злобы, они решились на такой пост. Во всяком случае они, эти иудеи, не были теплохладными, и если кто из них после обратился ко Христу, он, вероятно, стал горячим благовестником Истины.

Трагично в мире это возбуждение великих сил духа и энергий самоотвержения человеческого — на дела, не дающие вечной жизни человеку, но только ускоряющие его падение в бездну. Мир полон такого неблагодатного постничества, такой гибельной жертвенности, усиливающей суетную, злую активность духа. Всё это подтверждает лишь святой закон поста, данного для просветления, умягчения и возвышения человеческого сознания.

45. СЫН СЕСТРЫ

Этот неизвестный юноша стал промыслительно орудием избавления апостола Павла от нависшей над ним опасности. Узнав о заговоре против него, апостол не пренебрег мыслию обратиться к гражданским властям. При отвлеченной вере человек, может быть, решил бы ничего тут не делать, для своего лично телесного спасения, пассивно предавшись в волю Промысла. Но великий реалист духа, апостол Павел усмотрел, как мы имеем право предполагать, руку Промысла, именно в сообщении ему племяником известия о готовящемся на него нападении. И, как видим, принял все внешние меры, для предупреждения этого нападения (ст. 17, 18). «Сын сестры», как ангел Господень, оказался в числе светлых стражей, охранявших драгоценную для всего мира жизнь апостола.

46. ПРАВИТЕЛЬ ФЕЛИКС (XXIII, 33-35; XXIV, 22-26)

Язычник, тысяченачальник Клавдий Лисий, был также в числе светлых сил, которым был поручен беззащитный, в оковах, апостол. Поверив, добрым своим сердцем, племянику Павла, Лисий, под сильным конвоем, отправил апостола в Кесарию, при письме вполне благоприятного апостолу содержания. Не думал, конечно, Лисий, каково значение, для всего человечества, того, о ком благожелательно и снисходительно писал Феликсу. Какая тайна в том, что некие последние в мире должны после стать первыми, а первые последними. Несмотря на ясное об этом слово Откровения, ни «последние» не подозревают ожидающей их славы, ни «первые» не думают о возможном своем умалении пред этими «последними».

Вскоре в Кесарии появились и ожидаемые там жалобщики на апостола, Анания и другие старейшины, приведшие, конечно, целый легион бесов с собою... Агнец Христов — Павел был под стражей в Иродовой претории. На первом рассмотрении дела ничего не было решено, но «чрез несколько дней Феликс, пришедши с Друзиллою женой своею иудеянкой, призвал Павла и слушал его о вере во Христа Иисуса. И так как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя. При том же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним» (24-26).

Примечательно здесь сочетание некоего, несомненно религиозного, страха Феликса во время слов апостола о правде, воздержании и суде, с его явным желанием получить с апостола взятку. Этот тип религиозности человеческой не чужд и нашей эпохе; в делах, в жизни и психологии, — прочное служение своим эгоистическим интересам, а в глубине души,

где-то «трещинка в вечность», смутное, но уже святое беспокойство от соприкосновения с миром таинственным, с областью непостижимой, но, как-то реальной... «Может быть, реальной»... Непросветленная вера в иное могущественное бытие правды и суда, страх от начала осознания этого бытия и суда, и, в то же время, — хладная отдаленность разума, сердца и воли от Истины.

47. РИТОР ТЕРТУЛ

Тертул произносит обвинительную речь против апостола. Речь эта напоминает речи обычных наемников, говорящих не от сердца, а то, что надо тем, которые наняли их. Это был ходатай по делам, адвокат, без коего не обходились государственно-судебные дела и в апостольское время. Кратко, но обстоятельно выразил Тертул точку зрения первых преследователей христиан. Христианство им представлялось «назарейской ересью». Представители христианства — «язвой общества». Польстив Фесту и его государственной мудрости, апеллируя к нему, как к блюстителю мира, иудеи, чрез своего адвоката, приносят косвенную жалобу и на Клавдия Лисия, вырвавшего апостола Павла из рук их. Этим свидетельствуют они о несомненно благом намерении и поступке иерусалимского тысяченачальника, который стал, сам того не зная, архистратигом-ангелом, в отношении апостола.

Укоризны некоторых людей почетны. Укоризны Тертула, если и бессильны прибавить славы великому апостолу, то, несомненно, возвышают Клавдия Лисия, показывают его справедливую душу.

Созерцаешь это странное судилище: безвестного, бесцветного Феста, сидящего «на судейском месте», и кучку злых людей, желающих истребить сокровище всего человечества — апостола Павла, но связанных

страхом государственной законности; воочию видишь всё «действо мира сего»: зло и добро рядом растут, цветут и плодоносят на поле этой жизни. И не сразу, а постепенно выявляются (для благоговейно созерцающих жизнь) пути Живого Промысла и спасения людей.

Божественно, без нарушения нравственной, человеческой свободы, соединяются на этих путях, личные судьбы каждого человека, неповторимого во веки; сочетаются с делом спасения всего человечества.

Если Иуда, как говорит Священное Писание, удавился, чтобы «пойти в место свое», то ведь всякий человек ищет идти, и всегда идет только «в место свое», во всех своих делах жизни.

48. ЦАРЬ АГРИППА

«Агриппа сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя» (XXVI, 1). Тоже, как «Божий слуга» (Рим. XIII), Агриппа, властью, свыше данной ему, открывает уста, которые ненасытно будут слушать, в веках, миллиарды людей и всех народов. «За себя» ли говорит Апостол? Конечно, не за себя, а за Господа. Мы видим, как это «за себя» говорит Апостол! Если бы все люди так говорили за себя. Мы слышим горячую, дышащую теплом и живыми интонациями, речь любящего Бога человека... И вдруг прерывает ее апостол вопросом к Агриппе: «Веришь ли царь Агриппа, пророкам?» И добавляет сейчас же: «знаю, что веришь»... добавляет потому, что — «любовь всему верит, всего надеется». (I Кор. XIII)... Явно, что Апостол уже любит Агриппу во Христе, и хочет перелить в него свою радость, свою веру и знание Истины.

Но Агриппа закован в свою высоту, в свой государственный престиж. «Ты не много не убеждаешь ме-

ня сделаться христианином», — отвечает он Павлу. И ответное, последнее слово апостола пред судилищем, показывает, как за себя говорил апостол: «Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все слушающие меня сегодня, сделались такими, как я», и добавляет: «кроме сих уз». «Все слушающие меня сегодня... — Сколько таких оказалось, услышавших слова апостола во всех народах земли... Неисчислимое множество людей в истории сделалось именно такими, как апостол, в вере Христовой. Исполнилась молитва его, говорившего слова свои — не за себя, а за Христа.

А царь Агриппа? Услышал ли он что-нибудь? Мы не знаем. Одно несомненно, что сердце его и жены его Вероники в какой-то степени было смягчено. Если не ожесточается сердце, от святых слов, значит оно смягчается. Слово Святое никогда не производит нейтрального действия.

«Отшедши в сторону говорили (царь, правитель и Вероника) между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает.

И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить сего человека» (XXVI, 31-32).

Не было ли это слово Агриппы, в тот миг, на весах Божьих, равносильным исповеданием веры во Христа?

49. СОТНИК АВГУСТОВА ПОЛКА, ЮЛИЙ

Юлий был хранителем и водителем апостола на пути в Рим. Тоже орудие Промысла Божьего, он пытался, как и многие души в мире, помешать Промыслу на своем жизненном пути. Послушавшись апостола, он не подверг бы опасности всех плывших тогда на корабле. Но присутствие Павла спасло его и всех от потопления. Узник — опять — спас тюремщика. Ангел

ночью, явившись апостолу, сказал, что «Бог даровал тебе всех плывущих с тобою». Начальник стражи был второй раз свыше «дарован» апостолу.

Христианину «дарует» Бог всех людей, с ним встречающихся. Все, с кем мы проводим время, и встречаемся, кто нам поручается и кому мы поручаемся, все они «даруются» нам Богом, для служения им и спасения их... «Ничего не имеем, но всем обладаем».

Чем ближе к Богу человек, тем больше людей поручается, даруется ему. Апостолу дарован был весь Корабль, то есть все верующие Церкви... Не удивительно, что ему дарованы были и все плывшие с ним тогда на александрийском корабле 276 душ. Все они получили, по мере своей, «солинки» правды Божьей; и многие из них, может быть, оказались не только физически спасенными своею близостью к апостолу.

Человеколюбие сотника Юлия к Павлу (XXVII, 3) уже открывает смягченность его сердца в отношении апостола. Конечно, «кормчему и начальнику» малого корабля он еще доверял «более, нежели словам Павла» (ст. 11), знавшего тайны Небесного Кормчего жизни. Этого Кормчего Юлий не знал, и оттого много трудного пережил на своем пути.

Чрез сотника Юлия Рука Божия удержала взволнованных, во время крушения корабля, воинов от пролития крови, и апостола, и других узников. Час Божий еще не настал для них. Снова Юлий, «желавший спасти Павла», является его ангелом, помощником того Ангела Божьего (ст. 24), который ночью явился Павлу и сказал ему: «не бойся, Павел; тебе должно предстать пред Кесаря».

50. ЖИТЕЛИ ОСТРОВА

Мало интересно изыскивать, к какому племени принадлежали жители острова Мелита (Мальты), ког-

да кораблекрушение выбросило на этот остров ап. Павла и его спутников. Достойна примечания религиозность жителей этого острова. Она проявляется двояко: во-первых, эти «иноплеменники» (XXVIII, 2) «оказали немалое человеколюбие», по свидетельству Луки. «Они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас, всех путников, выброшенных на их берег».

У костра, во время происшествия с ядовитой змеей (ст. 3-6), выявилась другая сторона религиозности этих язычников. Увидав «висящую на руке» ап. Павла змею, они говорили друг другу: «верно этот человек убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить»... Какое ясное понятие о законе Божьего Правосудия. В своей детской вере в близость и реальность суда Божьего над человеком, во всех обстоятельствах его земной жизни, эти примитивные люди ближе к Богу, чем многие последователи современного отвлеченного христианства, отдаляющего силу Божию от земли на небо, оставляющего земле только законы природы или одинокую самость человека.

51. ПУБЛИЙ (XXVIII, 7-10)

Начальник острова Мальты принял потерпевших аварию «и три дня дружелюбно угощал», не подозревая, конечно, кто находится в числе безвестных и наименее почетных путешественников. Но некая часть апостольской силы приоткрылась ему вскоре, в исцелении его отца, страдавшего горячкой и болью в животе. «Павел вошел к нему, помолился, и, возложив на него руки свои, исцелил его». Как просто это исцеление: «пришел, увидел, победил», — величие простоты Юлия Цезаря. «Пришел, увидел, исцелил», и — никаких по этому поводу не сказал слов или фраз; сделал это

«по пути», смешавшись потом с толпою и, может быть, позабыв сделанное. Таков характер и стиль людей Нового мира, Нового Завета с Богом. Люди острова использовали, конечно, время пребывания у них этого страшного преступника и чудотворца, охраняемого от людей, заслоняемого от них стражей, но целящего их болезни и немощи. Все, имевшие болезни на острове и пришедшие к апостолу, исцелились за эти месяцы. Благодарность за это была оказана апостолу, и «почестями» и «нужным». Несомненно, в этом приношении принимал участие и благодарный душою Публий.

Исцеления эти свершались апостолом не только вещественно-бескорыстно, но и духовно бескорыстно. За благодать телесного исцеления апостол не требовал даже христианства от исцеленных. Он исцелял, независимо от своего благовествования, силой только одной сострадательной любви. И эта сила нечеловеческой истины, Божественной жизни так влекла людей, чрез Апостола, ко Христу. Сияющее «на злых и на добрых» солнце не могло не быть истинным солнцем.

52. ПУТЕОЛСКИЕ БРАТЬЯ

О них известно только то, что они упросили апостолов Павла и Луку — Самого Господа, бывшего в апостолах — пробыть у них семь дней. (XXVIII, 13-14). Эти путеолские братья прямо противоположны людям гадаринским, которые просили (Мф. VIII, 34) Господа отойти от их пределов.

Там и тут воля Божья становилась послушной воле человеческой. Господь любит волю человеческую, любит ее свободу, и исполняет то, что она хочет. Оттого и небо жизни, и бездна смерти, — так одинаково доступны человеческим сердцам.

53. ВОИН СТЕРЕГУЩИЙ (XXVIII, 16, 31-32)

«В Риме Павлу было позволено жить особо с воином, стерегущим его». Кем позволено? Какими-то безвестными чиновниками римских юридических инстанций, о которых в исторической памяти ничего не сохранилось. Чрез них прошла воля Божия о Павле и о Риме. «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходящих к нему, проповедуя царство Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно»... Сколько этот воин «стерегущий» должен был слышать благодатных, Духом движимых слов! Этот воин — избранник Промысла. Может быть, никто в мире более его не напитывался благовествованием апостольским.

Что сталось с этим воином? Как его человеческая воля ответила на все эти потоки благодати, лившиеся на него день и ночь из уст первоверховного апостола? Стал ли он сыном и благовестником Истины? Или небесная мудрость, несущая миру вечную жизнь, скользила по нем, не касаясь его существа. Какова была его душевная жизнь эти два года непрестанного пребывания с апостолом? Это сокрыто от нас. Но он не мешал апостолу. Апостол мог «невозбранно» проповедовать слово о Христе Господе. Этот воин, вероятно, сделался при нем почти домашним человеком. И, конечно, служил верной защитой апостола от новых посягательств на его жизнь со стороны каких-либо врагов истинной «надежды Израилевой». С основательностью можно это утверждать. Не римские власти, конечно, но небесные силы приставили этого воина-одиночку к апостолу мира, чтобы, после многих путешествий, пребывал теперь апостол на одном месте. Этот жалкий человеческий надзор, эта бессмысленная подсудность человеческим судам, помогли апостолу прибыть в Рим, задержаться в нем и утвердить Римскую церковь.

В сущности, апостол Павел в узах явился и первым архиереем Рима, исторически дающим образ истинного пастырствования, основанного не на внешнем престиже или государственном авторитете, но на правде Христовой и ее кротких страданиях в мире.

III.

СТРАНСТВИЯ

ПУТЬ НА СЕВЕР

I

Поезд-молния Берлин-Гамбург — два соединенных между собою вагона цилиндрической формы, — выйдя из предместий Берлина, начинает развивать скорость. 100... 120... 140... 150... Крупная стрелка вагонного циферблата, переходя эту цифру, застывает. В окне беспомощно мелькает летний немецкий пейзаж, благоустроенная многими трудами земля, небольшие домики, мгновенно вырастающие и мгновенно исчезающие городки, чистые платформы станций с мелькнувшими непрочтенными названиями. Солнечно и светло над землей. И она всё растворяется и растворяется в левой половине моего окна.

Несколько уединившись в сфере «незадерживающейся действительности», покинув прошлое, свободен от власти будущего, раскрываю свое маленькое евангелие... Не часто я его открываю среди своих ежедневных дел. Как остов жизни, оно сочетается с моими церковными службами и священническими молитвами, но в уединениях и среди всех дел я не часто раскрываю его. Не потому, чтобы не хотел его духовных сокровищ, но потому, что я хочу сочетать его со своею жизнью — не внешней памятью. Я хочу сочетать Слово с дыханием самой жизни. Не хочу «наизусть» знать евангельские выражения, но хочу напитывать сердце свое сокровенным смыслом Евангелия, и явные указания его претворять во все выражения своей жизни. По немощи своей, я как бы немно-

го боюсь слишком «знать» Евангелие... Хочу скорее не знать его, а уметь.

То, что мне уже открыто в нем, и через него в жизни, как своей, так и окружающих меня, я хотел бы исполнить. «В оборот пустить» то, что знаю. И — не слишком увеличивать талант духовных знаний своих, не слишком забегать знанием — перед жизнью, но жизнию делать знание истинным и на фундаменте одного истинного знания (умения) строить следующий его этаж. Боюсь, иначе, развалить свою жизненную постройку.

Вот отчего не всегда я считаю себя достаточно вправе раскрыть Евангелие. Многое, что я помню и «знаю» в нем, я еще не умею, не претворяю в жизнь мою, в жизнь других. И — боюсь проскользнуть по строкам Евангелия, как скольжу по строкам книг человеческих. Но когда раскрываю Евангелие, не «зачитываюсь» им, а словно только прикасаюсь к нему, как пчела к цветку: стараясь взять тонким жалом духовного разумения новую сладость его, питающую, укрепляющую и увеселяющую дух.

Еле уловимые шопоты Евангелия в сердце жизненнее самой жизни и потому всегда могут победить жизнь. Даже самая шумная жизнь всегда слабее их. Надо напитывать сердце Евангелием, но не перекармливать, не переобременять его. Переобременение всегда есть торжество отвлеченности.

И не раскрывая Евангелия, можно его — созерцать... Можно видеть, слышать отдельные строки его. Иногда одно лишь слово, или — один оттенок слова. Одним малейшим мерцанием евангельского света можно просветить хотя бы одну темную точку в своем сердце и приоткрыть дверь к новым словам, к содержанию их, еще ни разу не изнесенному в мир.

Кроме слов возможных в мире, но еще не сказанных, есть слова, которые никогда не будут ска-

заны на земле, которыми ничего нельзя выразить в мире этом, которыми не написано ничего и о которых ничего не написано. Эти слова порождаются от Евангелия, зажигаются от Христова Света и — горят в сердце, которое иногда само не знает, что в нем горят божественные слова, а иногда знает об этом, но — ничего не может об этом сказать. Здесь глубины жизни, начало созерцания.

До Гамбурга прочитываю главу 4-ую от Иоанна. Делаю несколько отметок около отдельных выражений, впервые остановивших мое внимание на данном их смысле. «Се творю всё новое»... Слово Божие обновляется в смысле своем, раскрывает всё новые свои глубины и скрытые в них сокровища для нашего духа.

После, в пути, остановлюсь на этих знаках...

II

Норвежский небольшой пароход "Kong Trygve" стоит немного потерянно у одной из бесчисленных пристаней. Пассажиров будет не много, больше — товаров. Проверяются паспорта, деньги и — мы отходим и идем долго устьем гавани, 4 часа. Потом, у широкого моря, сворачиваем направо в узкий канал. Им будем идти всю ночь, пока не выйдем к Килю, где будет остановка на рассвете. Тянутся берега по правую и левую сторону "Kong Trygve". Нам, восьмерым пассажирам третьего класса, накрывают уютный ужин в четырехместной каюте, где и моя койка. Трапезую с молодыми норвежцами. Милые люди и среди них два мальчика, — тихая семейная обстановка. Я сел на кончике стола с краю, чтобы не мешать их норвежской речи. Они говорят вполголоса, не желая обеспокоить меня. На востоке и юге обычно, в подобных случаях, шумят и кричат.

Благословенны эти народы, уже сколько веков не поднимавшие меча своего на пролитие крови человека ради своего хлеба или своей славы. Какой-то отпечаток особого мира лежит на всех этих норвежцах, голландцах, датчанах... Даруй им, Господь, не обнажить меча своего — до последнего Твоего Суда! Сохрани их в тишине Твоей.

Мысль останавливается на этом... Теперь принято бранить «пацифизм» и смеяться над его утопичностью. Для защиты его иногда бывает нужна бо́льшая воинственность, чем в аргументировке самой воинственности.

И вполне можно понять людей, отталкивающихся от пацифизма, — такого, каким он предносится в идеях современного нам альтруизма «защиты прав человека». Этот пацифизм, действительно, мало что стоит и является лишь ложным маневром для успокаивания обремененной совести человечества. Такой пацифизм совсем даже не пацифизм; и, может быть, главный его грех — давать милитарной логике слишком легкую и обоснованную над собой победу. Этот гуманистический пацифизм безверного мышления, и к миру материалистического отношения, совсем, в сущности, не мирствование... и никогда таковым не будет.

Крылов гениально выразил основы ложного пацифизма в истории двух друзей: Полкана и Барбоса. Буквально точная картина дипломатических дружб народов. Даже в пацифизме крыловских «друзей» больше искренней непосредственности, чем в чисто материалистической, заранее обдуманной механике дипломатических равновесий.

Хладность и математичность расчета, сопряженная с бесстыдной неправдой наиболее высоких представителей народов, — вот что создает «блуждание среди призрачного». Все знают, что «уста говорят ложь и язык произносит неправду» (Ис. 59, 3). И — однако — глаза, не моргая, смотрят прямо в другие —

столь же неморгающие — глаза. Человек скован математикой «князя мира сего», и политика мировая ничем не отличается от «политики» атомов, то сцепляющихся между собой, то разъединяющихся в страшном химическом оттолкновении... И лишь поняв эту страшную зависимость человека от низших стихий, начинаешь понимать, что значит «власть тьмы» и власть того «князя», который грядет и «во Мне не имеет ничего» (Ин. 14, 30).

Действительно, он и вся его стихия — и Христос Спаситель мира — два противоположных мира, таинственно ныне сопряженных в земном, испытательном для людей существовании.

«Пацифизм» вне-Божий есть не лучшая форма войны в мире. Нельзя не допустить, что настоящая война с ее траншеями и снарядами и штыками может быть более честным выражением жизни этого мира. Вот отчего война приемлется многими верующими и никто из святых «пацифистически» не отвергал ее. Сам Господь иной раз более благословлял этот узкий путь страданий от войны, и взаимное — вулканическое, почти бесстрастное — убиение людей, чем то состояние лицемерия и эгоизма, в котором заплесневело человечество. Буря оказывалась угоднее Богу, чем тина. И буря исчезнет лишь в метаистории, когда исчезнет и тина.

На двух больших темных крыльях летит человечество к своему концу: апокалиптическая буря (веяние которой во всех войнах) и апокалиптическая тина, страшная теплохладность и насекомообразность образа человеческого — весь эгоцентризм греха, ненависти, зависти, «мирной» корысти... «Пессимист» ли я? Это слово не подходит к тому, что я говорю. Я верую в силу Божию и знаю, что она победит всё. Но на путях ее побед столько же крови текущей, как и на путях рождения нового человека. В кро-

вях выходит человек в мир. В кровях и болях роженицы — мира ветхого рождается новый мир.

Биение сердца этого нового мира есть дыхание любви и правды Христовой, веяние чистоты мира, сохраняющего среди всей тревоги своей, благоухание Божественных перст...

На пароходе времени много... есть время дать мысли тихий ход. На пароходе ослабляется напряженность человеческая, люди «отчалили» от мира. Прошлое — за горизонтом, будущего еще нет, а настоящего на пароходе не бывает, для большинства, ибо нет забот. В них же человек слишком привык видеть всё свое настоящее.

Пассажиры ходят по пароходу маленькими стайками... Переходят от одного борта к другому, рассматривают новые берега. На лицах у всех тихое довольство. Ветер свежий, теплый, хороший. Не тревожащий глубин.

Утром проходим датские острова. За ночь выбрались в пролив и идем, вклиниваясь меж Данией и Швецией. Погода мягкая и тихая. Розоватая облачность почти не скрывает солнца. Я рад, что нет особенной «радио-активности»; очевидно на верхней рубке нас жалеют и почти совершенно скрывают от нас те мелодии, которые неслышно разносятся по миру. Изредка лишь из какой-нибудь, вероятно, столицы принесется песнь.

Чайки вьются за кормой. Замасленный кочегар появляется на корме, делает несколько вздохов чудного солнечного воздуха, и, словно в благодарность, бросает вверх несколько крошек хлеба — чайкам. На лице его мир, удовлетворение и такая прекрасная человеческая улыбка.

Замечаю, что на пароходе все довольны, все рады, и тому, что едут, и — что так тихо и чудно на море. Все этому рады, и еще чему-то в отдельности

рад каждый. Завязались новые знакомства. Говорят, улыбаются, и — рады беседе. Завтра — на всю жизнь расстанутся, а сегодня — как близкие. Связаны друг с другом общим «отрешением от мира», общей легкостью, простором и солнцем, связаны больше, чем думают; больше, чем хотят.

На верхней палубе поместился сорокалетний немец со своей крошкой-дочуркой. Матери с ними нет. Немец трогательно возится с девочкой... Меня девочка боится вначале, но потом понемногу привыкает к моему необычному виду. Мы с ней даже вступаем в философский разговор. Она удивлена моей чернотой и как-то недоверчиво относится к ней. И борода и «шапочка» и одежда — всё на мне черное; а сам я, как будто, не страшный. «И у тебя есть черное», — говорю я ей в ободрение. Она внимательно поглядывает на свои руки. «Нет, у тебя не ручки черные, — говорю я ей, — а ноги твои в черных сапожках». Но она упорно рассматривает свои руки и снова показывает их мне. "Deine Hände sind nicht schwarz, — говорю я ей, — sie sind nur schmutzig". Это последнее слово на нее производит впечатление. Потом она лепечет мне, что она живет внизу (пальчиком показывает на пол), а я живу наверху... (и она поднимает пальчик кверху, в небо). Я киваю ей и говорю, что, действительно, живу там, вверху. Духовные понятия недоступны малютке, но она очень верно угадывает желаемую мною действительность. После, когда я отхожу, я слышу, как она таинственно спрашивает, склонившись к отцу: «Не Бог ли он?». Отец многозначительно качает головой.

Около 3 часов дня оставляем направо последнюю полоску земли: Зеландию.

Вечером, выйдя на палубу, смотрел на затухание маяка. Всякий маяк имеет свою «индивидуальность»: меру затухания. Не совсем точно, значит, выражение,

что истина непрестанно и одинаково, «как маяк», светит человеку: земная реальность более точно отражает божественный закон, чем язык поэзии. Божественный свет не всегда одинаково светит нашему сердцу и разуму; бывают затухания и — бо́льшие возгорания этого света в нас, пред нами. Нашей свободе, как и кораблю, необходима лишь правильная ориентировка в пути, а не утешение светом... Когда придем в Гавань, тогда утешимся всеми огнями...

Возвратясь в каюту, где мирно сидели три моих спутника, люди под тридцать лет, и два, несомненно, с высшим образованием (один инженер), я начал разговаривать с одним, и, между прочим, спросил его, желая проверить свои вчерашние мысли: когда его страна — Норвегия — в последний раз вела войну? Мой вопрос застал норвежца врасплох, он подумал, наклонил голову, но, очевидно, ответ никак не приходил к нему. Он открыто и несколько виновато улыбнулся, и задал, по-норвежски, мой вопрос другому спутнику. Между ними несколько минут шел разговор: они выясняли, когда в последний раз их родина вела войну. Ответ мне был дан крайне неопределенный: повидимому наполеоновские коалиции как-то всё же задели Норвегию 120 лет тому назад, и она как-то объединилась с Данией против своей соседки — Швеции... Было что-то «аркадическое» в моих спутниках.

Около 12 часов ночи наш пароход прошел огни Фридрихсхавена — северные огни Дании. Завтра к полудню должны придти в Осло, в столицу самого мирного, кажется, народа.

III

В Осло дни протекли быстро. Остановка там не была бесплодной. Лишь два раза в год имеют возможность православные люди здесь видеть своего пасты-

ря, который всегда живет в Швеции, читая лекции в Упсальском университете. В последний раз он был к Страстной — Пасхальной Неделе. Службы у них происходят в лютеранской часовне, словно специально построенной для православных богослужений. Когда ставят иконостас, полное впечатление православного храма. Стены высокие, расписаны почти совсем православной живописью. На горнем месте фреска огромного распятия у подножия которого — Божия Матерь и Св. Иоанн с нимбами... Колония православных — человек около ста — естественно единится вокруг прихода.

Радушно был встречен; тепло проводили меня третьего дня вечером. Молитвы и Таинства непреодолимо сближают. Который раз я это чувствую! А здесь еще пришлось беседу духовную провести после всенощной. Говорил о первичных основах жизни духа: о вере, молитве, духовном знании, законах совершенства. Конечно, о Едином Источнике в с е г о: Господе Иисусе Христе, Спасителе не отвлеченном, не теоретическом, а — живом и очень близком... Были после беседы некоторые вопросы. Один человек, немолодой, видно, сердцем простой, стал говорить, что кто-то сильно его обидел, горько обманул, прямо-таки надругался над его человеческим лицом... После его почти исповеди личной, пред всею «церковью», один из членов совета церковного, после моего ответа, возмущенно выговорил этому человеку, что «личное» внес он в общее объективное... Мне показалась неверной такая ревность об «общем», что и высказал я ревнителю, разъяснив, что л и ч н ы й этот случай не «частный», и что мне очень ценна подобная откровенность и непосредственность, благодаря которой я смог более выпукло — «на примере» объяснить, из каких чувств — какой выход искать. В данном случае, обиженный и оскорбленный и униженный был глубоковерующим человеком, искренно, смиренно, обливаясь

слезами, приносившим на следующий день покаяние. Но в нем был еще вкоренен о ч е н ь о б щ и й г р е х христианского общества: недомысл о том, что заповеди Христовы нельзя исполнять н а п о л о в и н у. «Наполовину» этот человек был глубоким и смиренным христианином. Но, когда дело коснулось глубин души, явился остро ощущаемый злой личный враг — душа изнемогла. Изнемогла от обиды понесенной и — совсем, совсем невдомек ей, что нужно о б и д у - т о п р о с т и т ь, а врага-то полюбить, вечного спасения и блага — за зло — ему пожелать. А что без этого — и христианин — не христианин. До всего этого не дошла душа! А ведь просто. Слишком сильный заряд антихристианства вокруг человека. Это и есть «мир», который Господь велит «не любить», чтобы любить всякого человека в его сокровенной сущности. Но у «мира» — свои законы и «правила жизненной игры». Он — не прощает, он мстит, либо — хуже еще — затаит злобу в преисподних глубинах сердца.

Нередко мне приходится изумляться, как «сыны света» — христиане — исповедующие свою веру во многих случаях, убежденные и твердые «верующие», доходя до какой-то черты, неизменно срываются и в своих, опять-таки убежденных чувствах, бывают «врагами Богу». Они и не подозревают, что сразу, в пылу одного лишь неверного чувства уже сделались врагами — не «врагам» своим, а Богу.

Это можно назвать частичной о д е р ж и м о с т ь ю человека.

Как бы моряки расценили лодку, которая во всех местах была бы совершенно цела и лишь в одном месте была бы продырявлена... Вряд ли кто-нибудь на ней выехал бы даже в пруд. А уже в море бескрайнее никто бы из здравых рассудком на ней не пустился. А множество христиан — и православных —

показывая во всем послушание Богу, спотыкаются и падают, жестоко (и тем жестоко, что нечувствительно) расшибаясь о заповеди Нагорной Беседы. Даже почти только об одну: о любовь к врагам. Здесь неизменно прилетают черные птицы, и склевывают в душе христианина зерна жизни вечной, слова Спасителя. Словно заранее душа человека «решает не принимать» самых последних заповедей жизни вечной, оставаясь в каком-то эпикурейском или стоическом христианстве, в «христианстве Марка Аврелия»... Даже Лев Толстой в своем поверхностном морализме был радикальнее религиозного мещанства, берущего из Евангелия лишь то, что не противоречит общественным правилам, морально-обывательскому обиходу. Вот она — теплохладность, смешанная нередко с темными огнями страстей... Человек, «признавая» Господа Бога и Его Евангелие, но не следуя Им до конца, ты бываешь непоследователен.

Любовь к ненавидящим нас и молитва за обижающих нас — это основной «пробный камень» христианства.

Сейчас, в наши дни, множество русских людей открыто пребывают вне Церкви. С другой стороны, многие, кто не был в Церкви, вошли в Нее. Но не все, кто вошел, вошли истинно. Некоторые бессознательно вошли в силу одного своего протеста против безбожного коммунизма, поработившего родной народ. Для ряда верующих вера еще «доказуется от обратного», а не из прямого... Преп. Иоанн Лествичник — великий психолог жизни — говорит, что иной раз люди больные приходят в больницу по каким-либо посторонним причинам, но, привлеченные добрым отношением врача, остаются там и — получают исцеление. Подобны этим бывают, по мысли Лествичника, монахи, не по призванию пошедшие в монастырь, но будучи уже в монастыре узнавшие подлинное мона-

шество. Это может быть сказано и в отношении вообще Церкви. Уже несомненно благо, что люди подошли к Ней; хотя бы из внешних чувств своих, — по воспоминаниям ли детства, из сознания ли «патриотичности» веры православной, из отвращения ли к плоскому безбожию ярославских... Как бы то ни было, «грядущего»... даже не «ко Мне», а лишь «в Мою сторону» — «не изжену вон». Господь не изгонит этих верующих, но будет просвещать их, согревать, возводя от духовно-детского возраста к совершенству. И, если не воспротивится человек, Врач Небесный — в тьмы тем раз искуснейший всех врачей — возведет его к целостному здравию.

Но — нельзя закрывать глаза на присутствие в Церкви таких чад, кои не приемлют «твердую пищу» Духа, а нуждаются еще в молоке «душевности». Надо ревностно оберегать последние истины Царствия Божия от тех «опустошений», которые могут эти люди произвести в этих истинах — сами того не желая.

Печальнее, когда встречаешь священнослужителя, не устремленного к последней Правде Христовой.

Но как больно вообще встречать прекрасных по душе, алчущих Бога людей, горячо молящихся, тайно добро творящих, во всем мирных, добрых, светлых и — вдруг — загорающихся нечистым огнем страсти... Какая бы ни была страсть. Самая же страшная страсть, это — ненависть к личному или собирательному человеку.

Здесь начинает зиять страшное отверстие, чрез которое выгнанный злой дух вводит семерых, злейших себя...

За Литургией в Осло было много причастников. Двоих причащал на дому: восьмидесятилетнюю паралечную старушку и средних лет женщину, скорченную

ревматизмом. К вечеру один православный русский итальянец повез меня на своем автомобиле в окрестности, и на лесной горе, откуда видно всё Осло, мы пообедали с ним и его друзьями. После он свез меня в один дом, где собралось несколько человек и пришлось давать ответ одной взволнованной, мечущейся, ищущей истину и от истины еще отталкивающейся душе. Одна из присутствующих прекрасно говорила о необходимости своим опытом дознать приближение к истине чрез любовь ко всякому человеку (не только к святому). Чрез познание себя душа познает, — говорил я, — Бога, и чрез Бога опять познает себя, и опять глубже должна познавать себя, чтобы к Богу еще больше устремляться... Мятущаяся душа, как очень многие, — имела ряд совершенно наивных, неверных представлений (прямо-таки детских) о Библии, о Лице Господа Иисуса Христа и т. д. Эти, поверхностные, вероятно, незаметно где-либо подхваченные представления заваливали своим мусором, песком своим вход к вере. Человек — вполне интеллигентный, но — какая беспомощность в основных вопросах духа и религии!.. Часто, старое образование, катехизическое, на всю жизнь отравляло человеку путь к пониманию Откровения.

Мятущиеся души слишком склонны видеть «сучок в глазе брата». Их надо отвращать всемерно от этого занятия. Они в этом видят предлоги к неверию и серьезное обоснование возможности не верить. Хотя они хотят верить, но вцепляются во все подобные основания к неверию... «Нет истинно верующих, живущих по вере!» «Такая-то церковная дама любит осуждать ближних; такая-то — это иногда делает, это совершает... Где же вера ее? А я не верую, а вот имею понятие о добре и стараюсь то-то и то-то делать доброго... Для чего же вера? Что она мне еще даст?»... Таковы вопросы не встающие, а крутящиеся в душе «мятущегося» человека, стыдливо ищущего, и

в то же время вызывающе отталкивающего веру. Не надо укорять этих людей... Они почти все болезненно чутки и к своей неправде. Надо тихо и кротко — с добром — открыть несовершенство их критериев добра, устремить их вон из «буржуазности духовной» к горячности духа, вывести из атмосферы «Марии Ивановны» и «Екатерины Петровны», в чем-то и как-то прегрешающих, несмотря на эн-ное количество свечей, ими поставленных. Надо дохнуть на человека иным воздухом, заставить его — невольно — вдохнуть и убедиться, что он сладок. А потом, сама душа, алчущая мира, будет сначала неуверенно, а потом всё более и более горячо вдыхать воздух Сладкого Небесного Царствия, воздух, который убьет всех микробов и, вкусивши которого, душа уже сама будет отвращаться от миазмической атмосферы своих же собственных, прошлых, душных размышлений...

Из Осло поездом до Тронхейма. Ночь. Поезд, извивающийся среди скал, укачивает: впечатление морского путешествия. Утром на вокзале встречают меня русские молодожены. Помогают мне найти порт и в порту стоящий небольшой пароход, на котором должен я свершить почти пятидневное путешествие на крайний север.

IV

13 августа. Около 7 часов утра проходили 66½° северной широты. Полярный круг...

Идем уже почти сутки. Вчера утром "Polarys" вышел из Тронхейма. Погода благоприятствует. Хотя облачно, но чувствуется, что солнце близко: оно проливается сквозь рыхлые, чуть сыроватые, нависшие по краям горизонта облака. Идем островами, заливами, проливами: фиордами. Почти непрерывной цепью тя-

нутся аскетические скалы, разных форм и величин. Море — веками — глубоко, глубоко размыло каменную землю севера. Словно почувствовало, что мало нужна она бедному человеку. Берега, быстро проходящие, отшлифованы волною. Изредка мы пристаем к какому-либо мало обитаемому острову, берем почту и быстро снимаемся, звоня с капитанского мостика сигнальными звонками. За сутки я уже привык к пустынным островам фиордического океана. Иногда они напоминают видения Данта. Если бы высветлить их и сверху пролить палящее солнце, эти скалы были бы похожи на скалы Южной Македонии и Эллады. Но свет и небо, а также особая гранитная порода дают миру новый тип красоты мира Божьего в этой северной пустыне. Не солнце выжгло ее, но «роса очи ее выела», — тихие туманы и бурные штормы. Холодной лаской волна приласкала и омертвила любовью своей.

Почти нет растительности на этих берегах. Мы иногда совсем близко подходим к ним и идем около редкого кустарника, тощих трав и карликовых деревцев. Лишь в рыбачьих поселках, бедных, но чистых — своей холодной чистотой севера, можно встретить — да и то редко — несколько плохо выросших деревьев да две-три грядки (вероятно, из привезенной земли), на которых, не знаю, что успевает вырасти в короткое северное лето.

Но, словно желая вознаградить человека за малое тепло кратких месяцев, небо посылает на землю свет, свет, какого нет на юге: светлые ночи. Пушкин в Петербурге, во время белых ночей, писал и читал «без лампады». Здесь ночи более чем белые, они — светлые, дневные. В столице Норвегии еще «белая» ночь. Здесь мы приближаемся к назаходимому свету. И невольно вспоминаются удивительные слова церковной песни:

Вскую мя отринул еси
От лица Твоего, Свете Незаходимый.

Эту песнь могут петь, особенно вживаясь в нее, люди крайнего севера. Длинная, бессолнечная, темная ночь. И за то — длящийся целую летнюю пятидесятницу — «вечный день» с незаходимым солнцем.

Образ Солнца Правды — Христа сияет здесь на Севере солнце полунощное.

Без 10 минут 12 часов ночи. А солнце еще не зашло. Оно светлит вершины скал, и они лиловеют на светлом небе. Светло, как ясным днем, клонящимся к вечеру. Солнце приблизилось к закату, но — не ушло, а лишь ослабели его лучи, сделавшись еще более прекрасными и — уже доступными для взора... А в долинах и ущельях синеет воздух; а вода отсвечивает и белеет. Пустынные высокие скалы сменяются холмами островов. Пассажиры притихли, созерцают почти благоговейно свет полунощный, ночь, обратившуюся в вечер — утро. И вспоминаются великие слова Библии: «и был вечер, и было утро — день един».

Англичане едущие — в восторге. Они впились в солнце, сияющее теперь уже из-за дальнего и невысокого хребта гор... Еще утром мы с одним из них говорили о том, что мы, люди — «атомы», при всем величии Творца в природе. Теперь он меня ловит на палубе и шепчет: «мы — атомы!» Я понимаю... Опять поворачивает пароход, и с новой стороны прозрачно светло лиловеют новые цепи гор, и снег, лежащий в их впадинах и щелях — всё в той же прозрачной нежнейшей лиловости.

«У американцев нет такой чувствительности к красоте», — говорит англичанин. Он шокирован исчезновением с палубы американок, ушедших спать.

Мы — на 68½ градусе, в фиордах. Заканчиваю писать это в 20 минут первого ночи, 14 июля.

Иоанн. Гл. 4. ст. 10: «Если бы ты знала дар Божий»...

Стоит пред Спасителем Богом-Воплощенным женщина-человек и видит лишь «человеческое», осязательное. Господь не пришел нарушить это «осязательное», но — исполнить его, в высшем опыте жизни человеческой. Женщина-самарянка у колодца — человек, не младенец. Человек знает, что такое вода мира, знает уже дар Божий, хотя и не возносит еще дар этот к рукам Божьим. «Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь?» Это еще человеческое: «Иаков дал»... Надо, чтобы человечество эту «иаковлю» воду вознесло к Богу, но для этого надо постичь глубину истины: эта «иаковлева» вода — не главная вода человека. Да и она не от Иакова, а дар Божий. Но есть другая, чистейшая, высочайшая вода заповедей Христовых, утоляющая пересохшую гортань человека в мире. Сухо в мире, материально, «пустынно» для духа, душно душе чистой. И вот ей дается укрепляющая и освежающая вода заповедей, руководств к жизни настоящей. Это — великий дар Божий! Если бы все люди знали этот дар, невидимую росу жизни, уже сошедшую на человечество. Но не все люди ее видят. Если бы увидели, как освежилась бы жизнь их. Мало кто видит и знает этот дар. Это — «вода» — для верующего — делается источником воды (ст. 14) не только текущей в вечность, но воспринимается как источник всех временных вод на земле, всех ценностей этого мира. Чрез это последнее духовное постижение основы жизни востекает человек к миру духов и научается возносить к Богу все свои земные ценности... «Твоя от Твоих Тебе приносяще!»...

День 14-го июля (3-й — плавания) — самый солнечный... Недаром солнце светило в полночь. Под-

ходим к маленьким островкам и мысам, на краткое время останавливаемся и легко отваливаем. Скоро будет главный город норвежского севера: Тромзэ. Здесь лесистее островные холмы, и на скалах больше снегу. Чайки почти не охотятся за пароходом, а стайками плавают у берегов.

Неожиданно подошли и остановились около «цветущего» острова. Не знаю, чем объяснить его густую растительность: березки и еще какая-то порода. В зелени на холмах утопали домики. В солнце островок пустынный кажется райским по тишине своей. Нет пения птиц, нет цветов, нет людей; только солнце и тихая, особенно радостная зелень... А рядом лежащие острова снова бесплодны и безлесны. Скалы выше. Вершины их в морских расплывчатых облаках.

В Тромзэ посетил одного русского эмигранта, живущего там, женатого на норвежке. Он мне рассказал о русских на Шпицбергене.

15 июля полунощное солнце стояло над морем. К часу ночи, озаряемый его словно остановившимися, слепящими и чуть греющими лучами, я сошел в каюту.

Утром пробудился недалеко от Nordcap'a. Под скалой вились тучи чаек. Словно рой мошек, поднимаясь, опускаясь и переливаясь в воздухе.

У самого Нордкапа стало качать. Посвежело море, заиграли барашки. Окаймленный свинцовым кольцом дальней облачности, слева открылся Северный Ледовитый океан — глухие глубины, черносиние волны.

Северная точка Европы. Не чрез эту ли скалу идет в Европу холод, охватывающий народы? После двух остановок погода тише, барашки кажется исчезают...

Стихи 16 и 17.

16: «Иисус говорит ей: пойди, позови м у ж а т в о е г о».

17: «... Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа».

Испытание правды. Не простой человек была женщина, около которой остановился Господь. Церковь ее называет Фотинией (Светланой) и причисляет к святым.

Какое удивительно-святое дело выпало этой женщине: исправить «ошибку» самого Воплощенного Творца! Господь испытывает внутренне человека, просвечивает насквозь не только всеведением Своим, но и утаиванием всеведения, ради обнаружения сокровенного содержания человеческого сердца...

Светлана — светло выдержала испытание. Омылась тем словом, которое ей сказал Господь, о воде, текущей в жизнь вечную. В правде своей испила этой воды.

Последние сутки в Ледовитом океане качало. Ветер был, по мнению познакомившегося со мною немецкого коммерсанта, бывшего военного моряка, баллов на 6. Это, конечно, не шторм, но — было свежо. Ветер дул «русский», по мнению того же немца — Норд-Нордост, с Новой Земли. К вечеру мы вошли в полосу темных облаков, нависших над океаном. «Это очень похоже на то, что идет с русской стороны», — добродушно шутил немец, указывая на темную нависшую массу, надвигавшуюся на нас и на солнце. По западно-европейским морским наблюдениям, должен был быть шторм. Но в Северном Ледовитом океане иная природа. Качка почти не усилилась. После острова Vardö, где у меня была встреча с одной русской душой, мы повернули круто на юг, и стало несколько тише... В узкую бухту Киркенеса вошли совсем тихо на рассвете непрекращавшегося дня.

40 верст — автомобилем, по исключительно бедной лесной малосильной природе крайнего севера с

его почти карликовыми, скрюченными березками, и — переезжаю на моторной лодке маленькое серебрящееся озеро. Svanek — граница Норвегии и Финляндии. На берегу маленького поселка запросто спрашивает на русском языке молодой человек в летней рубашке: есть ли у меня паспорт? Отвечаю, что имеется. Он просит его показать, берет с собой, говоря, что принесет в гостиничку, куда советует направиться ожидать автобуса на Печенгу. Через полчаса звонок в гостиничку по телефону, вызывает меня и спрашивает, какой я, собственно, подданный... Отвечаю, как могу, на этот в высшей степени затруднительный вопрос. Наконец, он понимает, и любезно приносит мне паспорт. Можно ехать на Печенгу.

V

Печенгский монастырь основан преп. Трифоном Печенгским, апостолом и просветителем крайнего русского севера, страны лопарей, полукочующего народа Кольского полуострова. У Печенгской губы Северо-Ледовитого океана в самой западной части Кольского полуострова — Мурманского края — преп. Трифон поселился и своими молитвами, трудами и терпением, по милости Божией, основал благовестническую обитель, заложив, как некогда преп. Сергий Радонежский, малую деревянную церковку во Имя Святой Живоначальной Троицы. Благовестником Единого Бога, во Св. Троице славимого, и явился преп. Трифон среди лопарей, народа тихого, мягкого, чрезвычайно бедного, живущего на крайнем севере по сию пору. Рыболовство и оленеводство — единственный промысел бедных лопарей. Их тихий нрав оказался доброй почвой для семян Слова Божия. Оставлены были шаманы и волхвы, народ воспринял семя духовной культуры Христовой Церкви. Преп. Трифон весь предался

своему делу, ездил к Царю Иоанну Васильевичу и добился от него помощи лопарям, которая была дарована в особой грамоте.

Не только духовно, но и вещественно служил преп. Трифон лопарям. Отклонив от себя игуменство в основанной им обители, поручив это специально монастырское дело другому — первому игумену Печенгской обители, преп. Трифон отдает себя всего своим детям во Христе — лопарям. Высокого роста, немного согбенный и мало имеющий волос на голове, кроткий лицом и душой, преп. Трифон в чем-то напоминает старца средней Руси, преп. Серафима. Сам он, хотя и происходил из средне-русских мест, но явился и до сих пор пребывает старцем крайнего русского севера наряду с преподобными Зосимой, Савватием и Германом Соловецкими чудотворцами, Сергием и Германом Валаамскими и Арсением Коневским.

Вскоре после кончины преп. Трифона, обитель его подверглась разрушению от шведских воинов, иноки ее были умерщвлены. Мощи двоих из них, мученически тогда убиенных в церкви, во время богослужения, покоятся рядом со св. мощами преп. Трифона... Обитель была сожжена и разорена.

Восстановил ее соловецкий монах Ионафан, ставший и ее первым архимандритом. В 1890 году он прибыл по послушанию с несколькими соловецкими братиями, и — началось восстановление древней обители. Была построена церковь, в основание которой легла древняя церковка, ныне составляющая главный алтарь.

Архимандрит Ионафан много потрудился для восстановления благовестнического монастыря. Нелегок был труд современных нам просветителей крайнего севера. Но они вновь зажгли лампаду преподобного Трифона, во славу Святой и Живоначальной Троицы.

Вместе с монашествующими поселился на Печенге удивительный человек, во многом, если не во всем, напоминающий С. В. Рачинского: Дмитрий Алексеевич

Проташинский. Обеспеченный помещик юга России, Бессарабской губернии, имеющий двойное высшее образование, он, после очень краткого периода семейной жизни, уходит на крайний Север, в подвижническую обстановку, и посвящает себя до конца своих дней педагогической работе в монастырской школе, открытой для местного населения. Идейно служа миссионерским целям обители, Проташинский умирает на своем посту, имея 50 лет от роду. Его духовный друг и сотрудник (так же, как он, оставшийся мирянином при монастыре), Дмитрий Андреевич Онуфриев, живет в обители по сию пору. Кроме занятий в монастырской канцелярии, он — свидетель и очевидец всей полувековой монастырской истории, доводит хронику ее до наших дней.

Все случающееся и сколько-нибудь имеющее отношение к обители старец Дмитрий Андреевич бережно записывает на листы пожелтевешей бумаги дореволюционного русского образца. Не мало накопилось у него различной ценности материала.

. . . .

Самая северная в мире православная обитель... Долгая зима и непроглядная «вечная» ночь зимою над Печенгой. Некоторые, даже привычные монахи в это время больны бессонницей и сердцебиениями. В монастыре мне показывали несколько грядок картофеля; не всегда он вызревает на Печенге. Лук вызревает лишь в стеблях, а кроме этого вызревает трава тимофеевка. Более нет ничего на Печенге. В лесах необъятных водится лакомое блюдо монахов, лопарей и медведей: морошка, да немного синики. Полевые недолгие летние цветочки здесь особенно трогательны и и прекрасны. Трава же это — хлеб здешнего края. Траву прямо-таки не косят, а жнут под самый корень особыми маленькими полукосами-полусерпа-

ми. Травой живут, как лесом. Траву продают, она идет скоту. Оленей больше нет в монастыре, а их было при Ионафане 1.000 голов. «Нет смысла их держать. За год на 1.000 — 200 оленей волки поедают зимою», — говорит настоятель Обители кроткий иеромонах Паисий, показывая мне все свое хозяйство. 4-5 лошадей справляют монастырскую тягу, можно обойтись без оленей, даже зимой. «А разве нельзя устеречь от волков-то?» — спрашиваю я. «Да как устережешь, — отвечает он, разбредутся по лесу, зима, метет метель, вот волки и дерут».

Братия на Печенге небольшая; немногим более 20 монахов. Почти нет молодых. Старые монахи — из северных наших губерний: Олонецкой, Вологодской (Во́логодские, как про себя говорят), Архангельской... Родной север их приучил к суровому, чужому северу Печенги, которая должна была им стать последней их земной родиной. Они бодры духом, эти старцы. Те, что помалодушнее (а, может быть, и болезненнее) ушли раньше, переселившись «южнее» на Соловки и на «южный» Валаам. Те, что на Соловки перешли, где они теперь? Оставшиеся на Печенге теплят лампаду православного севера, озаряя великую северную ночь незримым сиянием, более прекрасным, чем северное. А для нас — православных, рассеянных по всему свету, радость и утешение знать, что тундры Ледовитого океана оглашаются и в наше время православными молитвами...

В пятницу, после вечерней службы, мы с настоятелем углубились в лес, туда, где возвышается Спасительная гора. На ней спасался преп. Трифон не только от страстей своих, но и от злых людей, главным образом колдунов местных, справедливо видевших в преп. Трифоне великую для своей веры опасность. Со Спасительной горы, на вершине которой водружен Крест, видны три страны: Норвегия, Финляндия и Рос-

сия. 20-30 верстная полоса пустынных, без единого селения, лесов отделяет монастырь от мурманских тундр.

Полярный лес удивляет своей тишиной. Совсем нет обычного во всех лесах пения или хотя бы чириканья птиц. Но птицы есть. Они только в это время (конец июля) сидят в гнездах, высиживая птенцов... Дни были исключительно великолепны. Словно вознаграждал Господь северный мир за долгую беспросветную зиму. Незаходящее солнце днем и ночью сияло среди ясного, чистого голубого неба. Ясные, тонкие облачка оплывали горизонт. Вообще, меня поразил воздух, удивила его «видимость» — ясность, прозрачность. Это третье, что удивило меня после великой тишины безветренных лесов и вечно сияющего солнца. Ночь ото дня отличалась лишь — довольно сильным — падением температуры. О. Паисий опасался, как бы мороз не прохватил его цветущий картофель. Днем в тени тоже была ощутительна прохлада, хотя солнце грело по-летнему.

В лесу мы набрели на заводь, которую можно было совсем справедливо назвать «тихой». Она была совсем, совершенно, до конца тиха. На берегу оказалась приваленной маленькая лодочка. Мы сели в нее и оттолкнулись... Какая тишина! Только маленькие мошки, да несколько комариков, и то не писком, а только одним видом своего мелькания нарушали эту тишину. Мы плыли, изредка всплескивая веслами. На повороте поднялись две крупные дикие утки, кряквы. Уточка, похожая на нашего средне-русского чирка, совсем близко от нас уплывала вперед. «Хитрая, хитрая, — сказал о. Паисий, — она нас отводит от своих птенцов». Маленькая уточка сделала несколько взмахов над заводью и сейчас же села. «Хитрая», — повторил о. Паисий.

Вернулись мы солнечной ночью.

Лето, 1937.

НАД АМЕРИКОЙ

Из каюты капитана передают: «Август 23. Время: 9.30 пополудни. Высота: 8.000 футов. Скорость 225 миль в час. Направление: Юго-Юго-Восток»... Самолет пролетел уже Голландскую Гвиану и летит над Французской. Смертоносные берега ее покрыты тьмой. Луна ударяет в левое крыло самолета, но не может пробиться до земли, свет ее застывает где-то за пушистыми облаками, плывущими внизу...

В 2 часа дня поднялись мы с аэродрома Майкетии, приморского обрывистого берега близ столицы Венецуэлы. Через два часа обошли уже дельту Ориноко, к которой некогда подплывал Колумб, и, пролетев над ключевым английским островом Тринидад, свернули на юг. Курс взят на Белэм, атлантический порт у самой Амазонки и экватора.

Венецуэла уже далеко, бодрая, уже сильно взбудораженная цивилизацией, но еще детски-провинциальная страна. Есть старчески-провинциальные (Малая Азия), и есть детски-провинциальные страны, — Южная Америка, — простой быт, без древних памятников, исторических традиций и отягощенности мировыми проблемами. Есть тут какая-то свежесть, утерянная старым континентом; но подбирается сюда уже и финансовое опьянение, и техническая экзальтация Соединенных Штатов.

Из Нью-Йорка я вылетел около полуночи. Сделав круг над огнями города и его предместий, самолет пошел над ночным океаном, и ранним утром, когда засветлело в окнах, открылось зрелище невиданное, — как некий чудодейственный лес, стояли над безбрежным облачным океаном огромные недвижные стволы облаков... Словно я умер и очутился среди этого Дантова видения. Краски небесного леса все время менялись... Это был рассвет, но не на земле, а в какой-то невиданной еще области.

Потом всё исчезло. Зелено-синее море открылось и мы пролетели Порто-Рико; показывались еще какие-то острова, и опять было чистое море, Около 10 часов утра самолет опустился среди легких прибрежных возвышенностей. Это был Кюрассо, голландский остров нефтяной промышленности. Отсюда уже было воздушной рукой подать до венецуэльских берегов.

В Венецуэле я пробыл несколько дней. Ее столицу, Каракас, справедливее было бы назвать «Боливаром». Имя этого генерала, основателя венецуэльской государственности, лежит на всем. Всё — в память Боливара, начиная с денежной единицы. Чистая, спокойная зелень гор окружает столицу Венецуэлы. Дорога от аэродрома и берега моря, около тридцати километров, идет среди гор из красноватой земли, ровных кустарников и небольших деревьев. Поднимаясь на высоту девятисот метров (вновь знакомый счет на «метры» и «километры»), путешественники входят в умеренный и очень приятный климат. В Каракасе вечная весна, не жаркое лето, незаметно прерываемое быстро находящими с гор и проходящими легкими тропическими грозами. Это десятая параллель. Кажется, только после трех лет жизни там русские начинают различать зиму и лето, по чуть раньше начинающимся зимою сумеркам.

Венецуэла понравилась мне своей какой-то естественной слаженностью и легкой, южной, но уже и американской озабоченностью. Все там движется, строит и строится. Каракас пенится этим строительством и движением. Множество автомобилей напоминает Калифорнию. Нефть — кровь Венецуэлы. Русские устроены хорошо. В сущности они там, как в земном раю; только жалуются, что прикреплены к этой райской точке, окружены чертой города и окрестности им недоступны для прогулок, из-за змей и скорпионов, а выезд на пляжи океана ввергает в непереносимо-тропический климат. Наши эмигранты уже покупают

себе участки и дома на окраинах Каракаса. Выросли две церкви на противоположных окраинах, одна при поселке района Катии, другая в районе Дос Лос Каминос. Настоятель этой последней, почтенный протоиерей И. Б., приглашает посетить их храм, жертвенно и трогательно сооруженный, около банановых пальм.

Дорога к экватору величава и спокойна. Пред сумерками самолет стало качать; мы вошли в сильную облачность, и не очень уютно стала поблескивать молния по сторонам. Но скоро мы выбились из этих грозовых туманностей. Поздним экваториальным вечером самолет снизился у Белэма... Когда распахнулась дверь самолета, и пассажиры, с некоторым, кажется, пиэтетом, стали выходить для прогулки на экваторе, неопытный в делах экваториальных, я ожидал находящей на меня волны нестерпимого нью-йоркского июльского воздуха, но почувствовал приятный холодноватый (экваториальный, очевидно, тоже) ветерок.

Поднялись мы с экватора в грозу. Она бушевала и полыхала, казалось, где-то совсем близко. Огромные молнии ходили все время по небу. Среди этого небесного пожара мы поднялись и пошли в озаряемую молниями небесную бездну. Но капитан знал пути неба. Гроза осталась в стороне, мы спокойно летели ночью над непроходимыми и неисследованными человеком местами нашей планеты, и солнечным, сияющим утром уже были в Рио-де-Жанейро... Мой калифорнийский прихожанин, русский американец, пригласил меня в свой дом — у самого берега океана. Окно моей комнаты выходило на солнечную набережную Капокаваны; пенящимся полумесяцем расстилался пляж Рио. Этот город, несомненно, один из самых красивых в Южной Америке. Вечером пришел местный настоятель, и мы проговорили с ним целый вечер. На следующий день он показал мне свою древнюю, русского стиля, светлую церковку Св. Мученицы Зинаиды, построенную русским вдовцом инженером, в память своей

скончавшейся в Рио жены. Вечер мы провели у одного русского бразилианца, местного общественного деятеля и старожила. Он интересно рассказывал о русской эмиграции в Бразилии. В общем, там все устраиваются, но с земледелием в этой стране не все русские справляются. Общественная жизнь русских слаба и провинциальна. Бразилия же страна больших возможностей: она неуклонно развивается, не без помощи Соединенных Штатов. Некоторая косность в характере этих тропических португальцев преодолевается северной техникой и еще одним, подходящим и для экваториальных стран средством Севера.

Легким светлым утром я улетел из Рио. Несший меня в Бразильскую столицу самолет шел над ярко белевшей внизу тонкой чертой океанского прибоя, над береговыми скалами и островами. Потом он свернул через горы вглубь континента и через полчаса оказался в предместьях большого города с хаотически разбросанными на красной земле строениями провинциального стиля... За сутки пребывания в Сан Пауло я успел посетить православный кафедральный храм и Преосв. Архиепископа Бразильского Феодосия, любезно принявшего меня в своем загородном доме.

В половине четвертого утра в моей комнате зазвонил телефон. Оказывается, из провинции только что приехали ко мне в гостиницу, всей семьей, с детьми, давнишние мои прихожане по Сербии, по Белой Церкви. Местный священник, к которому они направились, привез их ко мне в этот предутренний час, зная, что утром я покидаю Сан Пауло... Мне нравится эта европейская манера обращения к пастырям во всякое время. Мы беседуем до рассвета с этой хорошей русской семьей. П., инженер-геолог, работает на сланцевых разработках... Воспитание детей в православной вере — главная проблема этой семьи и подобных ей в Южной Америке, духа не угасивших.

Небольшой самолет несет меня дальше, вглубь континента, на Парагвай. Мы летим не спеша, снижаемся на маленьких аэродромах, прогуливаемся около станционных домиков, потом снова наполняем собою свой почтовый дилижанс и, сильно напылив, без труда отрываемся от облаков красноватой земли, чтобы подняться в светло-молочную мглу воздуха, пронизанную легким сиянием. С каждой остановкой открывается жизнь, невероятно далекая от всех событий мира, и от своей же бразильской жизни других широт.

Самолет летит над далекими от всего мира углами земли, словно впервые связывая их. Люди влекут себя к всечеловеческому единению. Они хотят устроиться «непременно всемирно»... Это еще в прошлом веке начал видеть Достоевский. Никакая материальность и территориальная малость не удовлетворяет человека. Печать вечности и причастности к духовному миру, не преображаясь, не осуществляясь в истинной духовной жизни, претворяется в ничтожную, но увлекающую людей, эмоцию титанизма и вавилонического, технического столпотворения. Крестный ход драгоценного человеческого духа в г л у б ь и в в ы с ь, заменяется легкими «политическими» ходами — «направо» и «налево».

История связана с поврежденностью человеческой, с г р е х о м, с невозможностью преодолеть смерть, самый дух смерти, средствами естественными. Объединяясь цивилизационно все более и более в одно целое, человечество не несет с е б е и в с е б е все более подлинных ценностей и мотивировок своего бытия. Лишь отдельные души, с живыми неповторимыми их единениями среди народов, возвышают сердца к последним ценностям и истинам... «Устраиваясь всемирно», человечество не выходит из своих партикуляризмов. И эта провинциальная, во всех своих вы-

ражениях, мнимо-объединяющая людей жизнь, стремится уже к своему «мировому», последнему эону.

Ограниченная и не способная к истинной великости, она хочет себя утвердить во всемирности и безмерности. Но никакая всемирность идей провинциальных и ограниченных не может насытить человеческое сердце. Человек остается, и после всех экспериментов, все снова и снова в бедственной неудовлетворенности.

Ход в дурную бесконечность только чувственных переживаний и поверхностных психических возбуждений не имеет другого конца, как только себя всё время утверждающую самость и смерть; веяние ее все время проносится над народами. Не преображенное и не ищущее своего спасения в Духе Божьем, человечество объединяется не апостольскими огненными языками Пятидесятницы, но своими холодными и злыми языками. Народы и люди заговаривают друг друга. Они обливают себя потоками смутных и мутных — слов. Чрез эти слова ничего и никого не видно. Государства и отдельные люди прикрывают общими компромиссными, могущими якобы всех удовлетворить словами свое внутреннее разделение и обособление. Трагична эта обособленность людей (нередко даже в одной семье), обществ, партий, рас, государств, различных религий, и даже церквей христианских... Всё словно алчет нового человеческого единения. И оно всё время осуществляется, но всё по той же линии «наименьшего сопротивления», всё в прежней своей плоскости: техники и договоров. Без выявления, в себе и в другом, подлинного образа Сына Божьего. Человечество заговаривает свое разделение; оно обвязывает себя серпантином хартий и соглашений, сокрывая свою разобщенность; но скрепы эти никого, ни от чего не удерживают, разрываясь от малейших движений и даже шевелений человечества.

А потребность общего единения всё возрастает

среди народов... Хотя бы в идее этого единения (даже не в нем самом) люди хотели бы соединиться и спастись от близящейся к ним последней катастрофы. Она предвещается начинающейся в людях мировой метафизической скукой и тоской. Это есть то, — «уныние народов и недоумение» (Лук. XXV, 25), о котором говорит Евангелие. Вместе с животным страхом и стимулами материального, экономического прогресса, жажда ничтожного самопрославления на краткий земной миг движет миллионами людей в разных странах и народах, одинаково-эгоистически устремленными и к своим мирным договорам, и к своим войнам...

Наиболее разделяющие человечество эгоцентрические стимулы парадоксально ведут ко всё большему единению. Оно не экзистенциально, это единение, но кажется людям необходимым и выгодным для всех, для материальных целей каждого. И то, что должно быть результатом огненного очищения и крестного, героического возвышения в духе силою высшей любви, крепостью вечной правды, то совершается вопреки любви против этой правды. Здесь тупик «цивилизации». Вместо нового, безржавчинного человечества, нашедшего общее в Божественном и единое в истинном и праведном, создается неотвратимой силой многих непросветленных усилий человечества, агрегат, новое поверхностное соединение, новая фикция якобы уже добытого благополучия; рождается социальный коллектив неприкаянных обрывков бытия, некий «юнион» человечества, построяемый не на истине, не на бескорыстной любви, а на «интересах»... Выявляется мучительная связанность людей друг с другом без антропологически-истинного и метафизически-верного их соединения.

Бедное человечество, оно в себе носит и всё время умножает возможности своего распада. И, мы ви-

дим, войны, одна другой суровее, разрушительнее, — рождаются в пустотах духа, не заполненного истинным бытием... Курица-человечество всё время сносит огненные и стальные яйца, совершенно независимо от своей воли.

Всё в мире друг ко другу неистинно приблизилось и всё более приближается, желая свиться в один неистинный клубок не-единой внутренней жизни. Люди, страны и атомы уже материально стали рядом друг с другом. Исчезают спасительные средостения пространства и материи. Рост же духа человеческого не поспевает за географическим, социальным и физическим сближением стран, людей, народов и атомов.*)

Мир стал уже одной страной, становится одним городом и хочет стать одной Башней. Дух предчувствует еще более острое разъединение человечества от этого не-экзистенциального единения, приближения друг ко другу не Духом Божьим... Личность будет угашаться в новых и разных образах мирового коллектива и возбуждаться всё к новым взрывам ее убийственного автономизма. Но последняя свобода человека остается нерушимой. Всё более легким будет, для имеющих глаза, чтобы видеть, познание близости и спасающей милости Вечного Бытия...

Тропическая равнина. Пальмовые рощи, озера, заливные луга. Самолет мягко сталкивается с землей и останавливается у одинокого стоящего в поле зда-

---

*) Эту очень значительную религиозную и философскую тему поставила на своем ежегодном форуме в октябре 1951 г. одна из лучших газет Соединенных Штатов. Видные общественные деятели страны выступили на этом форуме. Но, из всех выступивших, один только президент Йельского университета Гризвольд чуть приблизился к этой теме, — отнюдь не социальной, а философоской и метафизической.

ния. До Ассунсиона еще двадцать километров. Меня везут к столице Парагвая русские «первого призыва», — около четверти века проживающие в Парагвае. Прочно, хорошо, не теряя себя, они вошли в местную жизнь и в ее государственность. Остаются, однако, очень мудро, в стороне от местных южно-американских темпераментных политических разномыслий. Русские Парагвая не пострадали ни от одной из десятка случившихся там за эту четверть века революций. В стране не прекращается очень романтическая и одновременно весьма прозаическая борьба «белой» и «алой» розы; две партии неизменно, и не очень парламентарно, борются из поколения в поколение, друг с другом, завещая и сынам и сынам своих сынов эту борьбу с ее (в общем, не очень кровавым) политическим взаимо-истреблением. Партия «синих» и «красных» («колорадо») доселе ведут эту борьбу... Сейчас у власти партия «красных»... «Красные» эти ничего, конечно, не имеют общего с известными всем «красными» (существование СССР, до сих пор, в Парагвае не признано). Русские эмигранты свыклись с этой хорошей, провинциальной, гостеприимной, воинственной и одновременно мирной страной.

На главной площади Ассунсиона воздвигнут, лет двадцать тому назад, памятник. На очень важном постаменте стоит старый, маленький, выцветший, словно съежившийся, образца 1917 года, танк. Это — памятник победы Парагвая над Боливией (победы, явившейся не без участия нескольких русских белых офицеров в штабе и на передовых позициях). Боливия, оказывается, имела тогда целых два таких танка; один и был захвачен парагвайцами; это, повидимому, решило исход войны. Танк помещен в назидание потомству на площади пред дворцом правительства, с совершенно изумительной надписью. Она гласит:

«Это — памятник уже прошедшего тяжкого недоразумения между двумя

братскими народами. Он свидетельствует о непоколебимом желании этих народов хранить мир и достоинство друг друга».*)

Если бы на площадях мировых столиц, и особенно европейских, стояли подобные памятники! Это великолепное христианское великодушие народов к своим врагам (и, главное, соседям) сделало бы, в конце концов, психологически невозможной войну между ними... Мир погибает от недостатка этого священного безумия. Право, есть что-то очень ценное и нужное миру в этом единственном повидимому в стране, выцветшем, стареньком танке, стоящем на величественном пьедестале, в подтверждение живого и доныне христианского великодушия в человечестве.

Парагвайцы и русские живут в домах старинного провинциального типа, спят в комнатах с высокими потолками, под кисейными мустикерами. Улицы Ассунсиона вымощены огромным булыжником — приятно было пройтись по настоящей мостовой, среди которой встречаются почти миргородские лужи. Жители парагвайской столицы мало торопятся жить и чувствовать не спешат. Классическая «маньяна» («завтра») — радость и бич испанских стран, — веет и над этим уголком бывшей испанской империи. На службу там тоже ходят, насколько я понял, от 8 или 9 до 11-ти утра. После полуденного обеда полагается всем «сьеста»: отдых... Русские легко вошли в этот уклад, погружающий человека в самые недра южноамериканской патриархальности.

Кладбище русское в Ассунсионе прекрасно. Под сенью каких-то ветвистых деревьев покоятся православные кресты и надгробные плиты над могилами русских людей, пришедших в этот дальний угол мира, сложивших свои кости в Парагвае. На каменных плитах еще не стерлись чины: поручики, полковники,

*) Привожу по памяти.

статские советники, генералы, вдовы поручиков, генералов и статских советников. Есть и молодые, изъятые из этого мира «ожиданий и надежд земных». Скромные полевые цветочки растут на кладбище. Молитвенно поминаю этих братьев и сестер во Христе, земные тела которых, после земных радостей, страданий и странствий, положены в этом последнем земном саду.

Большой гидроплан, с двухэтажными каютами для пассажиров, стоит среди широкой реки Параны. Он слегка покачивается. На раннем холодноватом небе собирается дождь. Сквозь иллюминатор мне видны плоские берега, несложные очертания Ассунсиона. Мотор начинает глухо работать, гидроплан трогается, скользит по реке, всё с большими брызгами. Целые, наконец, каскады от него летят. И — быстро отрывается вода от нас...

Через пять часов мы повисаем над коричневыми сотами Буэнос-Айреса.

На стене моей комнаты большая черная рама, в ней 70 выцветших фотографий: 46-ой курс СПБ Духовной Академии (1884-88). В самом большом овале, спокойное, умное лицо молодого епископа; это ректор Академии, будущий Митрополит Петербургский, Преосвященный Антоний (Вадковский). В верхнем ряду портретов юноша в сюртуке и отложном воротнике, волосы чуть всклокочены спереди, добрые глаза смотрят вверх... Это Василий Белавин, — Патриарх всея Руси Тихон. В четвертом ряду — молодой человек с круглой бородкой, в очках; это К. Г. Изразцов, хозяин дома, где я живу.

Шестьдесят лет тому назад, молодым священником, он вступил на аргентинскую землю и — вот остался, с обрученным ему Приходом, на всю жизнь.

Ему теперь 86 лет. Полупарализованный и слепой, он еще бодр и сочетает в себе крепость воли русского тверяка с обхождением члена императорской дипломатической миссии в Южной Америке.

Аргентинская епархия, находящаяся в административном ведении протопресвитера К. Изразцова, состоит из нескольких приходов. Храм о. Константина в Буэнос-Айрес, на Calle Brasil, один из лучших, по своему внутреннему убранству, храмов Зарубежья. Майоликовый иконостас его сооружен Тенишевским училищем в Миргороде. Воплощенную в глине, в самой русской земле, православную красоту, по кусочкам привезли в Аргентину и сложили в этот удивительный иконостас. О. Константин неоднократно ездил до революции в Россию, собирая на построение первого православного храма Южной Америки. Рассказывая об этом, вспоминает он беседу с Государем в Царском Селе, интерес Государя к Аргентине и Аргентинской Церкви, его великодушную жертву, и — совсем простые расспросы молодого священника о его семье, оставшейся за океаном... Всем пятерым сыновьям о. Константина было обеспечено воспитание в Училище правоведения... Вспоминая эту встречу с милостивым Императором, старец-протопресвитер плачет.

Его рассказы о начале Православия в Аргентине интересны. В то далекое время русских людей в стране еще не было. Кто из России хотел эмигрировать в Аргентину? Община о. Константина состояла из арабов, греков, сербов и болгар. Русская Церковь была, в буквальном смысле, матерью всех православных народов на новом континенте. Теперь греки и арабы имеют свои храмы. А в историческом храме о. Константина сбираются русские всех эмиграционных эпох, сербы и болгары. Панихиды и венчания нередко совершаются на испанском языке, таком же общем для всех православных Аргентины, каким является английский язык для православных Северной Америки.

Что можно рассказать о русских в Аргентине? Они работают и трудятся, и, мне кажется, мало входят в местную жизнь. Закон всех колоний оправдывается и тут: чем больше колония, тем разнообразнее ее разномыслия и ярче у людей осознание своей правоты и неправоты своего ближнего. Но есть и в русской Аргентине люди, глядящие в глубину, видящие в ближнем своего брата и немеркнущую святыню Церкви за ветвистыми деревьями церковных недоразумений... Есть не забывшие, за всеми этими «ветвями», своей бедной души и души другого человека.

После месяца пребывания в Аргентине, служения там и общения со многими — начинаю свой обратный путь... Над плодородными прериями и зелеными пастбищами страны северный корабль меня уносит в новое небо, и, через два-три часа, у самых отрогов Анд, открывается один из больших городов Аргентины Мендоза. За нею сразу пустыня и скалистые, синие и снежные горы... Всем дают кислородные маски. Ощущается подъем. Мы летим над снегами и выветренными скалами, почти касаясь их... Стюард ходит не без нервности меж кресел и указывает всем на вершину справа; мы находимся чуть ниже ее гребня. Это самая высокая точка Южно-американского континента, гора Аконкагуа, 23.000 футов высоты; мы зашли сюда, несомненно, чтобы доставить удовольствие туристически настроенным пассажирам, потому что сейчас же после этого делаем крутой вираж налево и быстро идем на снижение... Через полчаса мы уже на аэродроме Сантьяго — Чили. За барьером таможни вижу настоятеля местной русской ново-эмигрантской церкви, о. В. У., с сыном и церковным сотрудником. Они везут меня в город — чистый, живой, европейского стиля; климат его умеренный, воздух бодрящий, сухой; высота 800 метров.

Два дня проходят в общении с православными Сантьяго, в осмотре двух церквей и русского дома,

где единится новая эмиграция; и я опять лечу, уже над береговой линией Пасифика, вдоль мягких светло-коричневых складок Анд. Солнечный голубой океан сияет слева.

Остановка в Антофагасте. Темные пески Сьерры Морены, крайний пункт Чили. Поздними сумерками мы подлетаем к столице Перу, Лиме, и скользим в тумане, совсем низко над ее улицами, давая световые сигналы с концов крыльев самолета.

Утром — воскресный день — меня привозят в устроенную недавно, заботами нескольких семейств, маленькую православную церковь. Ее настоятель иеромонах, страдавший в России за веру, встречает меня добрым словом. Говорю, после молитвы, краткое, странническое приветствие людям...

Около Лимы, в пустыне, лежит древний город. Мне хотят его показать. Мы едем туда и молчаливо ходим по этим пыльным — какой-то нездешней пылью — улицам мертвого города; верхняя площадь его была одновременно и храмом; каждое утро и вечер весь город собирался на эту площадь и поклонялся Единому Богу, в символе Его творческого Света... У песчаных берегов гнездятся острова, полные птиц, несущих стране ее богатство.

Перу — страна Южной Америки, имеющая древнюю историю. В этнографическом музее Лимы можно видеть следы ее значительной, потонувшей в веках цивилизации. Древние народы Перу (как показывают экспонаты музея) обладали медицинскими знаниями, необходимыми даже для трепанации черепа... Мне рассказывают о полете через Кордильеры, в столицу древних, исчезнувших народов. В окруженной блистающими снегами долине лежит Кузко, Город Мудрецов, созданный народами, уступившими свое место средневековым инкам — царству коммунистов и этатистов. Идеи коммунизма не новы для Перу. Их там

испробовали в средние века, и это было деградацией древней культуры.

Циклопические постройки Кузко, созданные древнейшими народами Кордильер, лежат на высоте 2 тысяч метров. В изумительной долине, среди гор, течет река. Город сохранился лучше многих европейских, последней войной разбитых городов. В Городе Мудрецов люди молились Богу Единому. «Красоту тех мест не опишешь», — говорят русские путешественники. И когда они, после нелегких переходов средь пропастей, сошли в тишину этой долины, им показалось, что они вошли в иноческую молитвенную тишину Валаама.

Есть в Перу одно животное, лама, горный небольшой верблюд, почти козочка. На больших высотах можно пользоваться для передвижений только ламой; лама хорошая работница, но она не имеет сил жить среди некоторых людей, — она не выносит насилия. Если грубо с ней обратиться и ударить ее, — слезы начинают катиться из ее прекрасных глаз, лама плачет, трудно сказать о ком: о себе, или о человеке; если же ее еще раз ударить, она ложится и умирает... Мне так рассказывали в Перу.

Звезды кажутся у экватора ближе к человеку. Недаром над южным полушарием — тончайшее сияние Южного Креста. Сияние звезд освобождает человека для новой таинственной близости ко всем вещам...

Люди стали смотреть на звезды как-то странно, — математически, астрономически. «От звезды X свет идет 100.000 световых лет»... «От галаксии Y свет идет миллионы световых лет»... Эти цифры не вмещаются в сознание. Пред ними гаснет всякое человеческое представление, хладеет разум и мертвеет чувство. Астрономическое знание всё более приближается к абсолютному нулю холода межзвездных пространств.

Древний эллин, смотря на звезды ясной аттической ночью, дрожал от религиозного благоговения. Он не смел ничего совершить пред этими звездами, чего бы не мог совершить в храме. Человечество забыло свой древний трепет пред звездами. Оно перестало видеть, что престол храма есть Престол, а не знание о досках, гвоздях и материи... Сколько потрачено дерева, камня и извести на храм, где люди причащаются Божественных Тайн, и какая длина и ширина стен, вводящих человека в Вечную Жизнь, — разве это имеет отношение к реальности Высшего Бытия?

Для некоторых историков, может быть, интересно знать, сколько чернил потратил Данте на «Божественную комедию», и какова химическая формула этих чернил. Но — что общего между этим точным научным знанием и — самим Данте и его «Божественной комедией»? Если человек будет всё более уходить в сомнительную глубину подобного знания, то, вероятно, богословы скоро начнут интересоваться (и уже интересуются отчасти) не служением Благодати и Истине, а установлением «точного количества» шагов апостола Павла, или Петра, между Антиохией и Иерусалимом...

Непостижимо и дивно величие вселенной! Наполнена она огнем и жизнью, и духом некоей божественной меры. Всё соединено в ней в живое единство. Звездный мир пылает, если еще не огнем, то уже дымом близости Творца. И оттого трепещет живая душа, смотря на звезды. Человек — менее, чем пылинка, пред этими облаками безмерных сверх-пространств... Земля — тоже пылинка среди звезд; и сами звезды — пылинки...

А весь космос, не пылинка ли и он? Я хотел сказать «потерянная», — но нет, не потерянная, но берегомая и хранимая в воле и разуме Единого Триипостасного Божества... «Се на дланях

Моих написах тя и предо Мною еси присно» (Ис. 49, 16).

Земля и человек поистине средоточие космоса и центр творения. «Центром» человек и его земля являются не по теории наивного средневекового геоцентризма, а по той высшей истине, по которой «центром» Вифлеема оказались ясли; а «центром» древней Иудеи стал Вифлеем; а весь Иудейский народ, в минуту Боговоплощения, обратился в центр человечества... Не во дворце римского или иного какого-либо правителя нашел Себе приют вочеловечившийся, открывшийся творению Творец, а на соломе Вифлеема.

Войдем в область новых, духовно-аксиологических отношений, в сферу новой психологии и логики. Странно будет нам лишь в начале... Но мы увидим, что малое может быть более значительным, чем великое. Небольшой драгоценный камень в горе может быть драгоценнее и «больше» всей горы! «Первое» может легко оказаться (и это утверждает категорически Евангелие) последним, и «последнее» — первым. Если рассуждать евангельски, и, одновременно чисто-эмпирически научно, то обнаружится, что центр бытия — не в пространственно-великих феноменах и явлениях мира, а в духовных его корнях, свершениях и целях. В «Яслях», если хотите. Там, где начинает выявлять Себя Логос мира, там всё способно быть центром... Тут новое измерение! Торжество принципа пневматологической равночестности пространственно-малого и великого в творении... «Могущий вместить, да вместит».

Невозможно рассматривать мир, как область одной только физической протяженности и меры. Бытие есть феномен духа, прежде всего; оно измеряется не только геометрией и математикой, но и оценкой истины, — духовным измерением чистоты, интегральности Бытия и его интенсивности. Евангелие открывает человечеству эту Тайну и эту меру.

Современная наука ее подтверждает, своими открытиями.

Человечество потерялось во «внешней», астрономической тьме и в пустынях солнц. Оно распыляется в интеллектуальных, бесконечных (по-дурному) отвлеченностях; некоторые философы это называют «объективизацией». Люди выпали из Рая целостной внутренней своей жизни и ее духовных постижений; они очутились во тьме внешних фактов, явлений, отношений и оценок.

«В Отчий Дом», «внутрь», к себе, сначала верою, а потом любовию надо вернуться человеку. Рай мира не на звезде «Альфа», а в «Альфе и Омеге», «Звезде Утренней», — Христе. Не на перифериях космоса, как бы ни поражали и ни блистали они своими тысячами тысяч солнц, а внутри самой жизни, в святыне Логоса и Духа. Для чего же спорить о том, «где центр мироздания»? Это во дни гуманизма наивные богословы спорили, с такими же наивными астрономами, на эту тему, сражаясь в сфере дурной бесконечности физического пространства и абстракций. А споры в этой области завершаются тольчо тоской и скрежетом зубов. История это показывает. И о прямой связи «внешней тьмы» со «скрежетом зубов» человечества ясно говорит Евангелие.

Ценность земли не в том, что она «самая большая» или «самая совершенная» земля мироздания. Ценность ее в том, что на ней, малой, как Вифлеем, и убогой, как ясли, и, вероятно, самой грешной частице творения, наиболее, повидимому, оскорбившей Бога, воплотился Бог Милосердия и Любви. В безднах своей свободы земля может быть наиболее отрицала своего Творца; и потому на ней вочеловечился Творец, выйдя навстречу смертной убогости нашего человечества, отринувшего свою свободу в Боге. Божественному Духу Любви было свойственно «оставить» 99 мириадов сияющих творений и придти к этому потух-

шему и жалкому; и народ, который, может быть, наиболее боролся с ослепляющей правдой Неба, первым получил благодать Небесной Милости. И земля стала сотериологическим «Центром творения», пред которым склонили свои лица серафимы и херувимы.

Человек не только может, он должен — и религиозно, и чисто-научно — считать себя средоточием. Физическое пространство открывается от человека не только вверх (в «бесконечно-большое»), но и вниз (в «бесконечно-малое»). Ускользающий всё время от к нему стремящегося человека подобно-звездный мир малого представляет собою такое же великое «нижнее» небо мироздания, как и «верхнее» — звездное — небо.

Звезда Антарес, в созвездии Скорпиона, в 36 миллионов (!) раз больше нашего солнца, которое в 1.290.000 раз больше земли... И ведь это одна только звезда... А ядро атома водорода, протон, имеет диаметр, равный, приблизительно, одной миллион-миллионной 1/1.000.000.000.000 миллиметра!.. Здесь открывается такая же бытийственная бездна, как и в величайших континиумах вселенной... Люди, поистине, стоят среди двух бездн, верхней и нижней. В этом «центре» удерживается человек — безмерной Божьей любовью и властью. И зреет для вечности.

Эмпирическая наука, погружаясь в тайны всё сокрывающейся от нее материи, находит ту же самую истину, о которой простым и ясным языком, уже тысячелетия, говорит Библейское откровение, обращаясь и к самому простому, и к самому умудренному сознанию человека.

И что представляет собою огромная песчаная Сахара перед одним человеком, остановившимся среди ее песков для молитвы к Творцу?! Сахара «больше» человека, но молящийся среди нее человек бес-

конечно больше Сахары. И все эти бесчисленные звезды, млечные пути и атомы, это, может быть, лишь один песок торжественной пустыни мира, окружающей человека... И, может быть, эти миры только призваны, своим величием, тишиной и тайной, учить осквернившего себя и волею ослепшего, но и божественно-свободного человека тому, что он есть сын Божий... Учить смирению и благоговению пред Творцом. И если все эти звездные и атомные миры, океаны и пустыни могут научить хотя бы одного человека истине Божьего Бытия, — их существование оправдано и благословенно.

Самый великий мир сокрыт не в движении невидимых и только постигаемых континиумов и не в ужасающей энергии атомов (и ни в каких вообще феноменах материи), а во глубине Истины Господней. «Истина Господня пребывает вовек»... И самым великим предназначением всех мировых солнц и протонов остается — привести к Небесному Отцу хотя бы одного человека. Может быть, всё человечество!.. «Небеса поведают славу Божию, творение рук Его возвещает твердь». (Псал. XVIII, 2).

На рассвете, чуть холодном и облачном, самолет поднялся с аэродрома Лимы и взял курс на Эквадор. Днем были две пересадки. Вечером я сошел на землю столицы Колумбии.

В горных экваториальных странах белые люди могут жить только на высотах. Лучшая экваториальная высота: 1.500 метров, — ровный, умеренно-тропический климат. Столица Колумбии, Богота, лежит на высоте 2.700 метров; это вторая по высоте столица мира (после La Paz — Боливии). Сначала сердцу трудно целые дни быть на такой высоте, но потом оно привыкает.

Русская колония Колумбии, кажется, самая небольшая и самая сплоченная в Южной Америке. К моему приезду в Боготе был устроен храм (из гаража); все православные приняли в этом участие и украсили храм своими семейными святынями... И несколько дней я молился с этими хорошими русскими колумбийцами, совершал Литургию, приобщал людей Св. Тайн. Исторически я оказался, повидимому, первым — от сотворения мира — православным пастырем, ступившим в столицу Колумбии. Пробыв неделю в Боготе, я посетил Меделин, второй по величине город страны, и прожил там два дня гостем русского колумбийца, одного из четырех первых русских пионеров в этой стране, поселившихся в ней в начале 20-х годов. Он возил меня по окрестностям, рассказывал о Колумбии, им исхоженной и излетанной, показывал кофейные деревья, сахарные плантации; в сарае примитивного сахарного заводика меня угостили только что вываренным из твердого тростника горячим и бурым месивом; грязноватое и тяжелое, оно, пожалуй, так же некрасиво, как и современное человечество, еще не вошедшее в полную истину своего бытия...

Колумбия вся летает... От ослов и горных троп она сразу перешла к аэроплану.

Путь мой теперь из Меделина — к Панамскому каналу.

Расстилается внизу сперва гористая, а потом только зеленая бархатная земля. Это леса, глухие джунгли. Иногда сверкают озера. Жилищ не видно. Пред самым океаном идут заливы и острова.

С аэродрома Панамы — довольно продолжительное путешествие в самую столицу. Льет тропический, тяжелый и теплый дождь. Останавливаюсь в столичном секторе Зоны канала. Там, в большой и белой гостинице, построенной на системе южных сквозня-

ков и северного благоустройства, собратья мои по американскому Северу едят, полуритуально и полулекарственно, свою благодарственную индюшку. Это — день Благодарения. Самый честный день секуляризированного человечества.

Утром лечу дальше, в самую малую республику Средней Америки, — Сан-Сальвадор; там будет моя последняя пастырская остановка.

Четырехмоторный самолет пан-американской линии вздымается к низким облакам, выходит из них и летит, словно медленно оглядываясь, над величественным и солнцем озаренным входом в Панамский канал.

Коста Рика, Никарагуа... Местность, испещренная вулканами. Пролетаем низко над одним; с его краев сползает красная, огненная лава...

Малые республики Центральной Америки похожи друг на друга; в них что-то есть игрушечное. Но романтизм олигархии повидимому там настоящий. В Гондурасе административные нравы отстают на два или три столетия. Это не мешает поверхностному американизму, вывозимому из Соединенных Штатов, наводнять эти страны, соединяя воедино разные черты и стили Америки.

С краткими остановками в Гватемале, Мексике и на Кубе я пролетел последнюю часть своего пути, и в конце ноября сошел на землю Соединенных Штатов Америки, еще больше почувствовав ее той землей, куда можно всегда придти.

Образы могучего и беспомощного Континента стоят пред моими глазами. Заметки мои отрывочны, описание впечатлений не полно, может быть, оттого, что я не так уже молод, чтобы в образах этого мира находить неиссякаемое разнообразие.

НАД АЗИЕЙ

I

Никогда я не думал, что в моей жизни будет день... которого не будет. Однако это случилось в полночь над Великим океаном, над его облаками, под его звездами. Произошло это между Гаваями и островом Уэйк... Погасло воскресенье, 5-е июля, и начался вторник, 7-е июля.

Заря в этот день занималась очень медленно над Великим океаном. Мы всё уходили от нее в ночь, со скоростью почти 400 миль в час, но уйти не смогли на своем страто-самолете «Боинг» Пан-американской линии, называвшемся «Сувереном небесной тверди». Заря всё же имела над нами перевес и, медленно краснея, нагоняла нас над океаном, и, наконец, облила нас солнцем на маленьком острове. Мы стояли на земле час, грелись и охлаждались. «Суверен небесной тверди» подкреплял себя и нас, своих гостей, почти подданных. Остров Уэйк совсем небольшой. Он словно специально поднялся из океана, чтобы служить двум континентам...

Между Уэйком и Японией нас немного покачало; здесь всегда качает, говорят, потому что тут встречается воздух холодный с воздухом теплым (не от тех ли же причин качает и в Корее?)... Сильная облачность проводила нас до Японии, и первое, что мы увидели в этой стране, это Фузияма. Над дальним краем облачного океана стояла эта гора, похожая на египетскую пирамиду.

Подлетая к Токио, мы стали с трудом выбиваться из облаков и довольно долго летели над пространствами маленьких домов этой, самой раскинутой, кажется, в мире столицы.

Только успел я выйти на землю Азии, как подошли ко мне около самолета два офицера американ-

ской армии, — старший, полковник, представился как главный священник американских войск на Дальнем Востоке. Другой был майором. Полковник сказал мне, что генерал Кларк получил уведомление о моем прилете в Японию, от Митрополита Леонтия, и мне будет оказано всяческое содействие на моем пути в Корею. Майор очень любезно взял мой ручной багаж и помог мне быстро пройти все таможенные формальности. В самом здании аэропорта я увидел Преосвященного архиепископа Вениамина, окруженного священниками-японцами и несколькими русскими местными церковными деятелями. Нас повезли, с владыкой Вениамином, к центру города, где возвышается (видный издалека) православный собор Токио.

Под колокольный звон вошли мы в церковную ограду... Там, по обеим сторонам дороги к храму, стоял народ... Встреча священников была в притворе собора. Затем начался благодарственный молебен; служили японцы-священники, пел по-славянски и по-японски хор, почти весь состоящий из японцев, под управлением русского регента. Я сказал слово собравшемуся народу о целях своего приезда, о переменах в управлении их Церкви, и передал им приветствие и благословение Первосвятителя Америки и Собора ее архиереев. Слово мое было переведено сейчас же, одним из диаконов, на японский язык, и все подошли ко кресту... После в церковном доме состоялась братская трапеза, устроенная сестричеством собора. Там я ближе познакомился с пастырями и деятелями церковного Токио. Владыка Вениамин показал мне все прособорные строения: дом, школу и небольшую «зимнюю» деревянную церковь, перевезенную в Токио с того острова, где ее построили своими руками русские пленные в 1904-5 году. В этом храме, чрез несколько дней, откроется Собор Японской Церкви. Делегаты нескольких десятков приходов должны прибыть со всех концов страны...

Первое общее впечатление мое от японской столицы: город полон движения, кипит народом и никаких следов войны. Но христианство Японии это, конечно (как и всюду, во всех народах), «малое стадо», которому сказано: «не бойся». И православные японцы тоже не боятся быть представителями втройне «не-национальной» веры — вышедшей из недр белой расы, пришедшей из Палестины и проповеданной русскими проповедниками. Как-то особенно отрадно было почувствовать этот духовный подвиг японцев-христиан. Это уже Восток не Ксеркса, а Христа. Таким Востоком призвана быть и вся Россия... Эти скромные японские православные люди легко по-детски преодолели самую жестокую тяготу земли, особенно сильную в их стране. Над своей бессмертной душой, которая «дороже всего мира», они поставили только Сына Человеческого и Сына Божия.

Две вещи более всего произвели на меня впечатление за эти первые дни в Японии: класс евангельской катехизации взрослых японцев православным диаконом-японцем, и — огромная каменная крещальная купель в крещальной часовне, рядом с притвором Токийского собора.

Если русские миссионеры-апостолы прошлого века были для Японии примером христианской всечеловечности, умеющей забывать всякую самость (в том числе и национальную), то теперь эти скромные православные японцы могут быть, и для русских, и для греков и для римлян, примером человечества, возвысившегося к небу над своей землей, плотью и кровью. А в наш век обостренных шовинизмов, — что иное может спасти мир, как не эта правда и вера, для которой нет ни эллина, ни иудея, но «вся̀ческая и во всем Христос».

II

Японская Православная Церковь основана апостолом Японии, Преосвященным Архиепископом Никола-

ем (Косаткиным) 92 года тому назад. Молодым человеком, окончившим русскую Духовную Академию, он прибыл в Японию и посвятил японскому народу всю свою жизнь.

Апостольскому призванию Архиепископа Николая предшествует следующий факт. В конце 17-го и начале 18-го века жил один русский путешественник и мореплаватель Василий Головнин. Во время одного из двух своих кругосветных путешествий проплывал он мимо северного японского острова. На его корабле почти не оставалось питьевой воды. И вот Головнин, с несколькими своими соплавателями, на шлюпке идет искать воду к этому острову... А незадолго пред тем на этот именно остров напали пираты, после чего японцы прислали войсковую часть для охраны острова. Василий Головнин с его людьми был схвачен, и так как ни он не понимал речи японцев, ни они его речи, то он со спутниками своими оказался в заключении. Каким-то путем он смог выбраться ночью из того дома, куда его поместили (в Японии дома строят обычно из легкого материала), и бежал куда глаза глядят, но далее берега, конечно, убежать не мог и приютился в какой-то рыбачьей деревне, в семье одного японца-рыбака.

Потом, конечно, его поймали, и он в общем пробыл в японском плену 2 года. Только привезенный в Токио, он смог объясниться, при помощи какого-то голландского матроса, с японцами, и те, наконец, поняли, кто он и откуда он. Отпущенный в Россию, он написал свою книгу воспоминаний. На эту как раз книгу напал студент Духовной Академии Косаткин, будущий просветитель Японии.

Когда он ее читал, его поразило то место, где Головнин рассказывает, как милосердна к нему, беглецу, была семья японского рыбака на острове Хокайдо, как приютили и накормили его, безвестного иностран-

ца. Головнину запомнилась жалость к нему со стороны этих людей и особенно девочки, дочери рыбака... Прочтя эту страницу воспоминаний Головнина, студент Косаткин ощутил душевное волнение: если люди в этом народе, не зная Христа, так близки ко Христову духу, то — как драгоценна будет проповедь о Христе среди этого народа. Он, Косаткин, уже слышал, в этой настойчивой мысли своей зов Божий, и принял решение посвятить свою жизнь благовестию Евангелия среди японцев.

Молодым иеромонахом приехал он в Японию, и прежде всего погрузился в изучение страны, ее нелегкого языка и письма...

Эту историю мне рассказал, со слов самого Владыки Николая, его ученик, ныне 82-х летний старец протоиерей Виссарион Таканази, настоятель православного японского храма в Киото. Сам он, юношей, был обращен в веру Христову Владыкой Николаем. С ревностью молодой русский иеромонах-миссионер стал изучать японский язык. Отец Виссарион Таканази говорит, что его учили 4 учителя. Когда один из них изнемогал от утомления, начинал учить другой.

И архиепископ Николай овладел японским языком так, как не все японцы владели им. Уважение к нему японцев, к концу его жизни, было исключительным. На заре его проповеди о Христе в этой стране ему пришлось однако столкнуться с терниями, неизбежными в этом мире для благовестника Божьей правды. Успехом своей проповеди он навлек на себя гнев жрецов и самураев.

Один из этих неистовых язычников Собэ ворвался к нему однажды в келью с обнаженной саблей, чтобы его убить. Но то, что затем произошло в скромном жилище православного миссионера, осталось надолго в памяти японцев. Кротость и доброта иеромонаха Николая по отношению к дышащему убийством самураю сделали то, что самурай этот, пораженный ка-

ким-то внутренним постижением истины, опустил оружие, а потом и совсем откинул его.

Дух Христов пленил этого искреннего человека, который, как некогда Савл, увидев свет высшего добра, прозрел сердцем и стал не только христианином, но и активнейшим членом миссии Японии, помощником отца Николая, благовестником и пастырем. Этот факт совершенно видимого действия Благодати Божьей сильно укрепил и ободрил молодую японскую Церковь, ее членов, шедших в своей вере против тысячелетних языческих традиций своей страны, традиций, связывающих людей остро-националистическим ее духом, религиозным культом императора и его предков.

Религия Христова и к Японии шла, как и к другим странам, «от иностранцев». Это одно уже рождало ей преграды, особенно в Японии, которая почти до начала, даже середины второй половины прошлого века жила в исключительной изоляции. Справедливо сказать, что, в обращении японцев в христианство, открывалась и свидетельствовалась вся вышеестественность, всемирность Христовой истины, столь заметно переводившей человека от временного и ограниченного к вечному и общечеловеческому. Вопреки законам материализма и условиям своего бытия, человек преображал свое с о з н а н и е.

После кончины архиепископа Николая в Японии осталось 40.000 православных японцев, около двухсот приходов и общин, молившихся на своем родном языке. Слово Божие и богослужебные книги были переведены на японский язык и изданы. И этот собор Воскресения, который сейчас известен каждому жителю Токио, остался после владыки Николая памятником силы Божьей, действующей в немощи человеческой, — той немощи, которая себя отдает силе и любви Божьей.

Улица, на которую выходит собор, называется Улицей Николая. Любому шоферу Токио скажите, что вам надо на «Никорай До» (японцам трудно произносить «л», и они обычно произносят «р»), — и он вас сейчас же отвезет на этот холм, где стоит огромный византийский собор, — несколько каменных зданий и «зимняя», деревянная, русского стиля, церковь. Ее построили в начале века пленные русские солдаты и офицеры, на южном японском острове, и она была после перенесена в токийскую церковную ограду.

III

12-го июля в токийском соборе служило три епископа и 19 священнослужителей: пятнадцать священников и четыре диакона. Большой хор японцев пел литургию по-японски, славянски и гречески. После заамвонной молитвы я сказал слово, которое было переведено на японский язык одним из священников.

От имени Собора Архиереев Русско-Американской Церкви я вручил грамоту Церкви Японской, в лице председателя ее Консистории, прот. Иакова Ямагучи и кафедрального протоиерея Самуила Узава. Грамота была на двух языках: японском и русском.

Всего на 70 лет Американская Православная Церковь старше своей сестры, Церкви Японской, вышедшей тоже из русской миссии, но, в силу всех сложных обстоятельств нашего времени, она призвана, временно, заменить ей мать.

Японская Церковь не утратила своего чисто-миссионерского характера, как отчасти уже утратила этот свой прежний аляскинский характер Американская Церковь, сделавшись Поместной Церковью Америки.

В Японии непрестанно прилагаются к Церкви язычники (главным образом, из молодых шинтоистов и буд-

дистов), принимая крещение после оглашения и прослушания катехизаторского курса. Проповедь ведется японцами катехизаторами по всей стране. Катехизаторы — обычно, диаконы или миряне — обучают японцев Евангелию, основным истинам веры и жизни.

Мне довелось присутствовать на таком «первохристианском» оглашении... Я бы хотел, чтобы слушатели всех наших религиозных лекций и бесед в Америке, с таким же вниманием и сосредоточением слушали Слово Божие, как эти молодые японцы, приникающие всей глубиной своей к Источнику «воды текущей в жизнь вечную»... Японцы — прекрасные ученики. Быстрота возникновения у них — единственной пока в Азии — европейской цивилизации указывает на это. Может быть, никакой другой народ не умеет так, как японцы, слушаться, и как-то утробно понимать самый смысл иерархии. В силу этого доброе начальствование для японцев настоящий клад, а плохое — разорение и несчастие гораздо большее и быстрейшее, чем для французов, англичан или американцев.

Японская государственная душа сейчас, конечно, в недоумении, отчасти опустошена. Вернее, она еще не может опомниться. Культ императора, еще совсем недавно имевший, как в древних империях, все черты культа религиозного, теперь, в правление генерала Макартура, прекратился. Конечно, не Макартур его формально прекратил, но сам император, вскоре после окончания войны, по совету генерала, осуществляя общий план демократизации страны, лично, императорским своим голосом, провозгласил по радио на всю Японию, что нет оснований его считать за существо божественное... Так начался новый, доселе невиданный и еще не испытанный за 2500 лет существования династии, исторический период Японии. Страна сейчас проходит чрез вторую свою великую ломку. Первая началась 80 лет тому назад, когда было введено в стране западное просвещение.

О первых годах японской демократии в стране рассказывают многое... После объявления новой конституции одна девушка-японка, не поладив со своими ближайшими — слишком авторитарными — родственниками, покончила жизнь самоубийством, оставив записку: «Я умираю для того, чтобы жила демократия»... Такая целостность души несколько напоминает Россию... Вообще, надо сказать, Азия «пахнет Россией» больше, чем какой-либо другой континент. И неудачи европейцев и американцев в Азии объясняются не марксизмом, который не может иметь никакого влияния на народы Азии, не коммунизмом, которого никто в глаза не видал, и даже не бедностью азиатских стран (Америка более всех могла бы им помочь), а недостатком «мировой отзывчивости» в психике американцев. Закрыта еще их душа от других народов. И слишком они переносят свою Оклахому во все места мира, слишком связаны еще своим специфическим стилем и великодержавной провинциальностью своих европейских отцов.

Не будучи гениями в области познания психологии других народов, американцы все же поступили гениально, оставив японцам их императора Хирохито, несмотря на все протесты ближайшего к Японии ее северо-западного соседа. На некоторое время, правда, был поставлен над японцами некий более высокий император. И престиж Макартура до сих пор в Японии велик. Теперь этого более сильного императора больше нет, и Хирохито остался единственным, что, конечно, является для Японии наиболее приятной формой правления. Но тень власти некоего высшего гражданского порядка осталась, и в образе новой конституции, и еще в некоторых других образах.

В Японии, как во всякой побежденной стране, есть множество намечающихся идей и неясных желаний. Пребывание императора на месте (как царицы на улье) предохранило страну от потерянности и анархии. Ложно-божественное сияние императора спра-

ведливо померкло и теперь ничто не препятствует японцам веровать в истину Сына Божия и Сына Человеческого, молиться Небесному Отцу всех народов и людей.

Главное, что хотелось бы подчеркнуть, это раскрепощение японского сознания от языческого мифа. Процесс такого раскрепощения углубляется. Страна освобождается — для новой веры... Будущее покажет, если эта вера будет верой в Единого Истинного Бога и Им искупленного, исцеляемого от зла человека.

Поражение Японии, крушение ее военно-политических мечтаний и чингисхановских планов, — стало для нее, как и для некоторых европейских стран, Божьим плугом. Плуг этот прошел по Японии. И не для того, конечно, чтобы на ней снова процвел запаханный военным поражением сорняк... Деятели истинного духа призваны вложить в жертвенный, серьезный, трудолюбивый, терпеливый и ангельски-послушный народ Японии не замутненное никакими человеческими расчетами Слово Господне.

В понедельник, 13 июля, в малом зимнем храме Токио открылся Собор Японской Православной Церкви. После благодарственного молебна его открыл покидающий страну Архиепископ Вениамин. Сказав свое прощальное слово, он передал мне председательствование. Я выразил, от имени Церкви, напутствие отъезжающему из Японии святителю, более 6-ти лет потрудившемуся на японской земле, и объявил Собору о возведении на Токийскую и Японскую кафедру Преосвященного Иринея, предложив ему занять председательское место. Члены Собора, стоя, единодушно приветствовали и отъезжающего, и нового архипастыря Японии.

IV.

Путешествие мое в Корею началось, в сущности, уже за несколько дней до отлета туда. Это я почувствовал, когда в штабе ген. Кларка, главный священник в штабе Командующего войсками Дальнего Востока, полковник Вильсон, стал говорить в моем присутствии по радио телефону с Сеулом, и дал инструкцию о встрече моей там 15-го июля. После этого он сказал мне о необходимости надеть военную форму. Было неизбежным для меня подчинение этому общему правилу. В тот же день нас принял начальник штаба военных сил Дальнего Востока бригадный генерал Зиберт.

Отвечая на вопрос корреспондента военной газеты в штабе, о целях моего путешествия в Корею, я сказал, что направляюсь туда для того, чтоб передать благословение воинам, находящимся в Американской армии и в частях Объединенных Наций, а также имею задачу посетить Корейскую нашу Православную миссию, сильно пострадавшую во время войны, особенно — при нашествии северо-корейцев на Сеул.

В понедельник 13-го июля два священника штаба, подполковник Морс и подполковник Андерсон, возили меня полдня по учреждениям Токио, для выправления нужных документов, прививок, а также для получения военной формы... Вспомнилось мне, во время примерки этой зеленой одежды, как я ее, впервые, надел ровно 35 лет тому назад... Это было начало лета 1918 года, в Ростове на Дону. Если бы кто-нибудь тогда сказал мне, что через 35 лет я, будучи епископом Церкви и американцем, и находясь в Токио (совершенно фантастические тогда домыслы) надену эту же защитную форму, на том же самом фронте, — я бы счел такого человека лишенным всяких признаков умственного равновесия... Как жизнь человеческая возвышается не только над рационализмом, но и над умеренной фантазией.

В большом здании санитарной части армии мне делают сразу 4 прививки и устанавливается тип моей крови, ради переливания, в случае ранения. Спрашивают, кому дать знать, «в случае чего» (называю имя Митрополита Леонтия). В регистрационном отделе штаба мне дают два экземпляра небольшой, в целулоиде, военной карточки удостоверения личности, с фотографией. Очевидно предполагая мой вопрос, отчего мне дается два экземпляра, молодой офицер сочувственно улыбается: «Это в случае, если попадете к неприятелю, — один экземпляр вы дадите ему»... Не думаю, чтобы в моем случае можно было бы осуществить подобную «китайскую церемонию». Но на карточке сказано, без обиняков: неприятель обязан будет содержать меня соответственно моему чину — бригадного генерала U. S. Army; а на другой стороне удостоверения, под орлом, держащим в лапах своих молнию, было напечатано: SHAHOVSKOY. Rt. Rev. JOHN Bishop of Russian Orthodox Greek Catholic Church of America...

Русское имя как-то оказалось вплетенным в корейскую эпопею — не только с одной северной стороны.

Итак, всё условлено. Завтра в среду, 15-го, в 4 часа утра, за мной должен заехать один из этих подполковников-священников и отвезти меня на аэродром.



15 июля

В 4 часа утра прибывает ко мне в гостиницу подполковник Андерсон. В военном моем мешке и в кожаной сумке лежит всё, что будет нужно в Корее. Одетый в американскую военную форму, выхожу я со священником Андерсоном к ожидающему нас автомобилю. Едем быстро на военный аэродром Течикава. Утро необычайное по легкости и свету. Запевают, свистят птицы. Рассвет легкий, радостный. Выехав

из огромного, еще не проснувшегося, пустого города, мы пересекаем его зеленые предместья.

На аэродроме стоит целая серия глобмастеров, транспортов С-124, самых больших самолетов авиации. Один из них скоро отлетит в Корею. Священник Андерсон выполняет все формальности. Я стою тут же, как Садко, попавший на дно к морскому царю... Чувствую себя погруженным в некий новый мир, воочию вижу всю огромность и слаженность американской организации, — всё предусмотрено, всё точно, быстро и по-военному осуществляется, — нет специальной военной подчеркнутости, — словно военизирована, мобилизована обычная стандартная американская жизнь. Формальности на военном аэродроме при отлете из Японии в Корею похожи на формальности гражданских авиационных линий Америки. Взвешивается багаж (его не должно быть более 65 ф.), предъявляется штабная путевка, и покупается желающими (на особые деньги оккупационных войск) право на получение пакета с завтраком во время полета. Пьем чай в специальной армейской кафетерии. В зале ожидания сидят военные разных чинов и рангов; они смешаны тут, как братья и товарищи.

На аэродроме есть, впрочем, и специальная комната для высших чинов. Туда меня ведет, после чая, Андерсон, вероятно, чтобы я не забыл своего чина. Путевка моя, на которой поставлены три магические буквы: V.I.P.*) будет вызывать не раз, во время моего путешествия, самое разительное действие со стороны всех, кто будет взглядывать на эти буквы. Должен сказать, что благодаря такому отношению со стороны генерала Кларка и его штаба, мое путешествие в Корею прошло «в большом стиле».

На автомобиле, в который я садился, появлялась генеральская звезда и я мог, за 4 дня моего странствия

---

*) Very Important Person.

по Корее, увидеть всё, что я, ни при каких иных обстоятельствах, увидеть бы не мог. Ангелами-хранителями моими всегда были военные священники. По фронту я ездил с тремя священниками: штаба Сеульской Главной Квартиры, дивизионного и полкового. Кажется, впервые в истории Америки и ее армии представителю Православной Церкви было оказано подобное внимание.

Громкоговоритель вызывает отлетающих. Не спеша, большой группой, мы подходим к гиганту С-124. Он стоит, раскрыв свой огромный зев, в который мог бы войти танк. Священник Андерсон доводит меня до самолета. Ждем там несколько минут. Один из членов команды с бумагами в руках вызывает меня по имени и вводит меня в самолет, ведет по этому, буквально, сараю и предлагает занять место сзади, где нет этажей, а лишь по стенам внизу идут сидения спиной к борту. Самолет быстро наполняется военными (он вмещает 280 человек). Среди этого летающего караван-сарая грудой лежат мешки и высятся ящики с лекарствами. На некоторых надпись: человеческая кровь. Во всяких видах, она наполняет самолет...

Поднимаемся над Японией. Тяжелый глобмастер, гудя и трясясь, летит над ее заливами, берегами, зелеными островами; мы пересекаем перешеек и видим Корею, — она такая же гористая и зеленая, как и Япония; также обильно политая летними дождями. Но над ней еще больше облаков... Через три часа Глобмастер снижается в Тейгу. Остановки здесь полагается 40 минут. Но облака тяжелы, небо неспокойно, идет дождь, — нас предупреждают, что отлет может задержаться. Мы ожидаем в бараке терминала час, два. Рядом бомбоубежище без крыши, только лежат мешки с песком, и покрыта камуфляжной зеленой сеткой батарея зениток. Это глубокий тыл. Сюда уже теперь не залетают вражеские бомбовозы и редко тут появляются его турбинные самолеты.

Громкоговоритель объявляет, что полет С-124 на Сеул отменяется, — не благоприятна погода, а кстати и красные начали большое наступление. Есть возможность ехать на Сеул чрез горы ночным поездом. За мной на терминал приезжает автомобиль главного военного священника Тейгу и отвозит меня в город. Впервые вижу Корею вблизи: соломенные крыши; более узкие, чем в Японии, щелки человеческих глаз; широкополые, соломенные, с высоким верхом шляпы, — свой дух, свой стиль и у этой страны... Видно, что всё живет и дышит вокруг армии и армией... Это впечатление не оставило меня и в Сеуле.

Армия всех народов — великое несчастие Кореи, но и большое ее благо, ее прямо-таки спасение, не только в плане военно-политическом, но и экономическом. Это один из парадоксов Корейской войны. Грандиозная ее машина кормит корейцев. Им не надо никуда вывозить свои несложные продукты — все страны покупают эти продукты в Корее и делятся всеми своими избытками... Закон равновесия, царящий в мире, подтверждается и тут. «Где умножается грех, там и преизобилует благодать» (облегчающая борьбу человека с грехом). Всё население Кореи питается армией. Корея мировой пенсионер.

Сижу у главного военного священника Тейгу — полковника Эльстен. Его помощник, майор Вильсон, исполняющий обязанности священника и при лагере военнопленных северо-корейцев, телефонирует в Сеул, что я туда прибуду на следующий день утром — по железной дороге. Полковник Эльстен везет меня на обед в офицерское собрание. Среди офицеров, с которыми я там знакомлюсь, один полковник является военным корреспондентом сан-францисской газеты «Бюллетен Колл». Он только что вернулся из Панмунджома. Знает наш собор в Сан-Франциско.

Эльстен предлагает мне использовать время до отхода поезда, — поехать с ним на концерт только что

приехавшего в Тейгу хора студентов богословов-пресвитерианцев Принстонского университета, под управлением композитора Давида Джонса. Едем на концерт. Пресвитерианская миссия, по численности и давности, стоит на первом месте среди христианских миссий Кореи. Огромная полузала, полуцерковь вмещает от 2 до 3000 человек. Корейцы сидят на полу, на соломенных цыновках, сняв сапоги. Снятые сапоги размещаются пред входом в храм, в некоей специальной сапожной передней, напоминающей поле автомобилей около американского завода. Нас проводят к боковой скамейке впереди, и мне приходится снять свои военные, тяжелые сапоги из уважения к месту и обычаю. Их берет и куда-то прячет какой-то кореец.

Концерт начинается. Студенты поют хорошо; в программе есть и русская духовная музыка (вещи Чеснокова и Шведова). Между номерами происходят короткие выступления миссионерского характера: один из юношей несколько монотонным голосом (вероятно, повторяя уже не раз высказанную историю) говорит, как он обратился к вере в Бога и Христа Спасителя. Кореец, тоже студент и певец, переводит. Сидящие на полу корейцы внимательно слушают. Их видно это интересует. Внимание у корейцев я заметил большое и к пению и к миссионерским сообщениям, которые, впрочем, не всегда носили приличествующий церкви характер, но «на американский манер» пересыпались подчас детскими остротами, возбуждая в людях смех, и конечно, рассредоточивая их. Не всё, что допустимо в залах, допустимо в храмах. Особенно в храмах обращаемых ко Господу народов Азии.

Перед окончанием концерта директор хора Джонс неожиданно попросил нас, с полковником Эльстеном подняться на эстраду и представил корейцам. Он попросил меня благословить собрание, произнеся слова благословения по-русски и по-английски... И вот, в глубине Кореи, с эстрады миссионерского хра-

ма, стоя в военной форме, без сапог, пред тремя тысячами христиан-корейцев, я благословил их православным архиерейским благословением. Произнесенные по-славянски и по-английски, священные слова были сейчас же сказаны и по-корейски... Ситуация, конечно, была самая необычная, — как бы предельное преодоление всех форм и стилей мира... Но не должна ли всякая религиозная форма выдерживать такой экзамен полного отречения от самой себя, — во имя Христовой истины и Христова духа?

По окончании собрания нашлись мои сапоги, и мы поехали с Эльстеном на вокзал. Он взял мою путевку и выправил мне военный билет на спальное место в офицерском вагоне, и я возлег на нижней койке, довольно-таки утомленный, после своего первого корейского дня.

Поезд шел не быстро. Была возможность партизанских диверсий. В Сеул мы прибыли дождливым утром. На вокзале встретил меня военный священник штаба американских войск в Сеуле, майор Джонс, и с этого часа стал моим Виргилием и главным ангелом. Мы поехали в дом для гостей американского командования. Одноэтажный, расположенный в саду, он был, несомненно, предназначен для гостей, которым трудно расстаться со своими вашингтонскими удобствами. Большая комфортабельная спальня, душ и гостиная в моем распоряжении. О близости фронта напоминает лишь стража, обходящая сад, часовые у ворот, вышка с зениткой, и бомбоубежище в саду.

Выпив чаю, едем с визитом к коменданту города — американцу, и после в управление священников Армии, где главный священник фронта подробно знакомит меня с постановкой дела военных священников в армии Объединенных Наций. Узнаю я, что даже при абиссинской части есть свой священник, — конечно и у французов, бельгийцев, канадцев и других народов, пославших свои отряды в Корею, есть военные пасты-

ри. Не мало приходится им трудиться, укреплять дух воинов... Как я узнал в Корее, самые острые раны американскому солдату наносят из Америки. Долгое отсутствие мужа, даже защищающего отечество, там нередко служит предлогом для ухода от него жены. Не все американки терпеливы: не все понимают смысл брака, и верят в его таинство. И, получив такое ранящее, убивающее письмо, к кому может пойти на фронте солдат? От кого он может получить помощь? Лишь пастырь-друг может укрепить его душевные силы.

Едем с Джонсом в лагерь за реку Хан, где находится авиационная часть греческого батальона. Греческий священник, архимандрит Андрей, накануне встречал меня на аэродроме, когда мой самолет задержался в Тейгу. Теперь он тут. Знакомлюсь с ним и с другими греками. Оказывается, он член известного в Греции братства «Зои» и вполне представляет дух этого подлинного апостольского братства. Он в военной форме греческого капитана, — длинные волосы его подколоты сзади по греческому обычаю; черная борода, круглое, доброе лицо. Переводчиком является симпатичный молоденький американец-грек, духовный сын о. Финфиниса, нашего греческого соседа по Сан-Франциско... Около барака собирается команда православных греков. Мы молимся с ними, говорю им несколько слов, по-английски, которые переводятся по-гречески, и раздаю им крестики в благословение. Едем в военный госпиталь, имеющий вид лагеря. Обходим палаты. Благословляю там одного нашего православного американца. На следующий день, 17-го, предполагается отлет на фронт.

V.

Сегодняшний день, кажется, самый заполненный в моем путешествии. В 7 часов утра за мной заехал мой добрый Виргилий, майор Джонс, и мы прибыли около

восьми на ближайший аэродром Сеула. Через несколько минут нас пригласили занять места в двух миниатюрных самолетах, каждый лишь для одного пассажира. Прикрепили меня к первому из них ремнями. Джонса к другому. Спереди сели молодые офицеры-пилоты в затемненных очках. Мы выкатились на этих своих стрекозах к старту и почти без разбега — так мне показалось — поднялись в воздух, и буквально, как стрекозы, понеслись над Сеулом, потом над его зелеными предместьями, далее над хребтами ближайших зеленых гор, долинами, речушками, легкими облаками, проскальзывали меж горами... День выдался чудесный.

Я лечу впереди, Джонс чуть сзади, справа; чрез несколько времени оглядываюсь и вижу его слева, немного ниже. Пилот посматривает на небо, — нет ли гостей... Летим очень хорошо, самолет почти не чувствуется, — такой он маленький, со всех сторон остекленный. Просто словно по воздуху мы летим на своих крыльях. Через полчаса, два крутых поворота, и мы идем вниз, быстро садимся и рулим по небольшой дорожке к бараку, рядом с которым стоит примитивная деревянная вышка. От Сеула ближайшая передовая линия фронта отстоит на 26 миль, это максимум 10 минут полета; а мы летели целых тридцать, сделали не менее 80-ти миль; значит мы прилетели к центральному участку фронта.

Нас встретил священник бригады. Через несколько минут приехал священник дивизии. С ним и Джонсом, вчетвером, при шофере, милом рослом солдате калифорнийце-пасадинце, (он очень был доволен, узнав, что я бывал в Пасадине, и стал показывать мне карточку своей семьи) мы отправляемся все в одном джипе к линии греков. Греки только что приняли на себя удар красных китайцев, устояли, потеряли 6 человек убитыми, 19 человек ранеными. "The Greeks did a big job", — говорит о них мой шофер-пасадинец. Рядом с ним мне ехать удобно, но трое моих

спутников еле помещаются сзади на небольшом сиденьи джипа. Майор Джонс несколько полноват и бледен; он в зеленой кепке, как и я; два других, — крепкие и загорелые, в шлемах. Мы едем по извилистой и пыльной горной дороге. Это фронт. Ни одного человека из местного населения тут нет.

Подъезжаем к линии греков. Под горой, в зеленой лощинке, стоят их палатки. Проезжаем чуть дальше и видим большой деревянный Крест, поставленный архим. Андреем, рядом со своей палаткой, имеющей вид афонской пустынножительской колибки... Вскоре приходит под командой адъютанта батальона воинская часть греков и становится пред крестом. Поверх своего военного одеяния я надеваю рясу, епитрахиль, поручи, малый омофор, и обращаюсь к солдатам со словом по-французски. Один из офицеров переводит мое слово на греческий язык. Молодой грек-американец, прихожанин о. Финфиниса из Сан-Франциско, переводит моим друзьям-священникам с греческого на английский.

Я призываю Божию крепость и милость на этих сынов православной Церкви, стоящих предо мной, и совершаю о них — и о всем мире — моление. Они пели по-гречески; я благословил каждого и каждому дал крестик и иконку Божьей Матери; они их приняли с благоговением.

После молебна воинская часть ушла, а офицеры остались на этом зеленом холмике под сенью большого креста. Мы сели на ящиках у сколоченного из таких же ящиков стола, и нам из палаток принесли чай, показавшийся особенно вкусным. Пили мы чай под пушечную канонаду; греки говорили, как пострадала их страна от коммунистов, пытавшихся ее захватить (у одного из сидевших офицеров были зверски убиты родители)... Рассказали греки и о своих потерях на корейском фронте — десятки убитых и много раненых...

Отец Андрей был вызван в Пусан для погребения только что убитых воинов.

Теплая, хорошая была встреча с греками. Узнав, что, может быть, я заеду в Грецию на обратном пути, некоторые дали свои адреса, прося навестить их близких, рассказать то, что я видел... Я им сказал, что расскажу о встрече с ними их Первосвятителю Элладскому, Архиепископу Афинскому Спиридону. (И это я смог исполнить в Афинах. Архиепископ Спиридон принял меня на своей даче под Афинами и с огромным интересом выслушал мой рассказ о Корее и о своих чадах духовных — греках).

От греков джип наш поехал по линии фронта. Это была область знаменитого «треугольника», где особенно сильны были все время бои. Местность, в дикой своей красоте, была как на ладони. Мне показывали вершины известных по сводкам гор: Finger Ridge и другие. Мы были меж Chorwon'ом и Piyjohgang'ом. Вдали мрачно возвышалась огромная гора Papasan. В облаках пыли, по дорогам и понтонным мостам, все время шли части, катились танки, джипы, вели свои земляные работы южнокорейцы. То там, то здесь открывались секторы разных народов Объединенных Наций, участвующих в войне... Впечатление — огромной организации и накопленной силы. Ехать надо, держа расстояние не менее 200 ярдов, между машинами. Надпись у дороги предупредительно о том гласит: «Дорога этого района под наблюдением врага».

Мы заезжаем в полевой лазарет. Туда всё время привозят только что раненых людей, здесь им быстро делаются операции, вливается кровь. При нас привезли партию солдат с залитой кровью одеждой. Здесь, когда можно, вступают в дело геликоптеры. Среди свеже привезеных раненых оказался православный грек, раненый в ногу. Я поясняю ему, двумя-тремя греческими словами — кто я такой, и обняв его, даю ему крестик. Он детски, радостно улыбается... В этом ла-

зарете мы завтракаем, тут же, где-то около операционной.

Сестра, которую я только что видел, чрез дверь, в операционной, входит в комнату с повязанным ртом и, на ходу, сняв повязку, садится у стола. Лицо усталое и самозабвенное... А в палатках этого полевого лазарета, словно распятые на крестах, часто совершенно обнаженные, лежат, с искаженными страданием лицами юноши, белые, желтые, черные. Некоторые — без памяти, другие тяжело дышат... Те, кто в сознании, силятся не кричать... Я подхожу к некоторым, глажу им головы, говорю: "God bless you" (Благослови вас Бог). Один крепкий, большой, лежит с только что отхваченной по колено ногой. Этот спокойнее других. Глажу и его и говорю ему: «Теперь вы поедете домой!» Силится улыбнуться глазами, подтверждая эту мысль... Для таких уже закончена война... Много страданий пришлось увидеть за этот день... Священник лазарета отпирает замок у входа в небольшую палатку, и молча предлагает мне сделать глубокий грудной вздох. Вхожу за ним в палатку, — там, покрытые с головой шинелями, лежат два тела. Священник приподнимает шинели. Лежат юноши солдаты — кореец и американец. У корейца следы только что сделанной трепанации. На выбритом, почти белом восковом черепе кровь. Два солдата: белый и желтый, но белизна и желтизна теперь смешались в один бледный, уже не человеческий цвет...

А вокруг палаток солнце, голубое небо, удивительная красота гор. Горы зеленые, пустынные, без жителей, только с воинами, притаившимися в их недрах... Над одной из вершин поднимается темный фонтан земли...

Под вечер, с фронтового аэродрома, простившись с милыми спутниками-священниками, полковым и дивизионным, мы с майором Джонсом улетаем уже на одном аэропланчике, немного большем, чем те, на ко-

торых мы прилетели. Впереди сидит пилот с помощником, далее мы с Джонсом, а сзади нас офицер с планкой на груди: Honour Gard (почетная охрана).

Снова под нами бегут горы и долины. Но лишь около Сеула земля открывает свое человеческое дыхание: соломенные крыши корейских домов с вьющимся над ними дымком.

VI.

Вечером того же дня было служение в храме православной нашей Сеульской Миссии... Имею только время принять душ (кажется, со времен России еще не был так засыпан дорожной пылью), и еду, с неизменным Виргилием — Джонсом, в Миссию. Там постепенно собираются корейцы... Приходят дети; один молодой кореец-солдат в форме объясняет мне, что он "new believer" — новообращенный, крещенный о. Андреем. Является русский американец, солдат из бывших Ди Пи, живший в Лос Анжелосе. Приходят молодые и пожилые корейцы. Всего собирается человек 40. Мы надеваем рясы, облачаемся и служим акафист пославянски и по-гречески... Молимся за корейский народ и за все народы мира, — и за это малое стадо православное, чудом сохранившееся среди полуразрушенного города, его полуразбитой миссии... Говорю им слово, которое переводит на корейский язык пожилой кореец, староста, бывший переводчик русской дипломатической миссии в Сеуле. Он прилично владеет русским языком. Говорю я на тему: «Не бойся малое стадо, ибо Отец благоволил дать тебе Царство». Раздаю корейцами крестики, иконки, и приглашаю придти завтра, для получения подарков. А на следующее утро раздаю им пакеты КЭР, приобретенные накануне в Сеульском отделении этой организации.

Сеул город необыкновенный. В 26-ти милях от него фронт, а он, 700.000-й город живет своей, не думающей о завтрашнем дне, жизнью. Как «птицы небесные», нечувствительны к завтрашнему своему дню корейцы. О спасении их зато печется Сингман Ри и Объединенные Нации благожелательствуют им. 4000 приютов известны священнику Джонсу в Сеуле... «Есть еще тысячи три», — говорит Джонс и предлагает посетить хоть один. Но меня задерживает в миссии собрание прихожан-корейцев. У нас с ними идет совещание о посвящении постоянного пастыря-корейца для них. Есть у них даже два кандидата, — одного помоложе можно было бы посвятить в диаконы... Просят корейцы и материальной помощи от Православной Церкви в Америке... Надеюсь я, что помогут им православные люди Америки, утешат хоть малым чем этих верных детей Корейской Православной Церкви, пастырь которых мученически исчез на севере. Миссия Сеульская почти разрушена и число членов уменьшилось более, чем в 10 раз... Америка Православная может помочь этим корейцам. И это надо сделать.

Глубоко признателен я моим спутникам-священникам, как и всему командованию армией за их удивительную организацию и их высокое американское сотрудничество. Где и что только нужно было, они быстро все делали, исполняли — послушные воле земной власти, но еще более, конечно, воле Того, Кто заповедал идти с человеком два поприща, если он попросит тебя пройти с ним одно.

Огромный самолет С-124 вновь открывает свой зев, но принимает он уже не розовых воинов Америки, а загорелых, темных воинов Кореи. Среди них и я, тоже потемневший за эти 4 дня. Мы летим час чрез горы Кореи. Следующий час плывем над морем. Потом начинаются острова, голубые заливы Японии и облака, все темнеющие облака... Небо над Японией свинцово. Тяжело дыша, пробивается гигант-самолет сквозь воз-

душные реки, извергающие свои смертоносные для страны потоки (около тысячи утонувших от наводнения людей было в этот день в Японии). Уже в темноте субботней мы останавливаемся, среди огней военного аэродрома Течикава. От самолета меня везут на автомобиле к зданию аэропорта. Там меня встречает подполковник и передает желтый конверт. Вскрываю его: там белый конверт, со штампом главнокомандующего, и — сердечное, личное письмо генерала Марка Кларка, выражающего, в конце, желание встретиться со мной в Токио.

В Токио я посетил американского посла Аллисона.

23-го июля я был принят Главнокомандующим. Большое светлое здание его Главной Квартиры стоит среди большого сада, на холме, как бы отделенное от города, и этим холмом и этим садом. Здесь была раньше японская военная академия. Элегантные американские солдаты в касках и разных нашивках стоят у всех внешних входов. Внутри здания — присущая американским учреждениям большого стиля особого рода простота и деловитость. Поднимаемся по большой лестнице мимо двух витрин с выставленными в них всеми орденами Соединенных Штатов и, вероятно, также других стран. Сопровождает меня главный священник военных сил Дальнего Востока, полковник Вилсон, заехавший за мной в гостиницу.

Ждем минут 10 в приемной; за это время Вилсон знакомит меня с приходящими адъютантами и работниками канцелярии Главнокомандующего. Приходит познакомиться единственная женщина, работающая в личном секретариате ген. Кларка. Она, оказывается, хорошо знает наш Свято-Троицкий собор в Сан-Франциско, была там ночью на Пасху с одной своей знакомой, православной болгаркой.

Адъютант просит нас к Главнокомандующему. Проходим его личную канцелярию и входим в большой, светлый, очень хорошо обставленный кабинет. Навстре-

чу идет высокий генерал с орлиной головой, загоревший. Я помню его с 1951 года, когда встретил его впервые на трибуне Union Square в Сан-Франциско. Мы тогда познакомились. Помню, как по небу Сан-Франциско, над трибуной этой, пролетели тогда военные самолеты в форме креста, приветствуя всеамериканский съезд пастырей армии... За это время солнце Кореи успело дать ген. Кларку хороший загар. Радушно он просит меня сесть в кресло около его письменного стола, и минут 10-12 мы беседуем. Я рассказываю о своем путешествии на фронт и благодарю его за все оказанное мне с его стороны внимание и содействие, а в моем лице и всем православным русским американцам, представителем коих и Православной Церкви Америки я являюсь тут, на Дальнем Востоке.

Генерал Кларк, видимо, доволен этим сообщением. Он далее говорит: «Перемирие будет сейчас подписано, но войска свои мы сохраним в Корее... В это время особенно будет нужна армии духовная помощь ее пастырей».

Я прошу генерала принять на память православный молитвослов, с параллельным текстом на английском языке, изданный для православных солдат американской армии и молодежи... Мы прощаемся. «Господь да поможет Вам», говорю я генералу, и он отвечает мне, пожимая мою руку: «Господь да благословит Вас».

IV.

ВРЕМЯ ВЕРЫ

Вера есть некий новый воздух, чрез который видны по-новому (и все по-новому видятся) предметы мира.

*

Вера есть «уверенность в невидимом», и «осуществление ожидаемого» (Евр. XI, I). Она достовернее всякой реальности этого мира.

*

Вера есть не только убеждение, но и состояние; не только состояние, но и восхождение «от славы в славу» (II Кор. III, 18).

*

Вера есть добрая действительность, а неверие — дурной сон. Сон бывает обычно лишь отражением старой несуществующей действительности; и в неверии, как в дурном сне, душа мучается прошедшим («до-Христовым») безблагодатным состоянием человечества.

*

Человек призван к надежде на Бога и к вере за все творение. Он не оправдал веры и надежды мира. Он перестал быть верой и надеждой всего творения. Стенание твари есть одна только боль от потери надежды на человека и веры в него, потеря своего пути к Богу чрез него.

*

Неверием жить нельзя, как нельзя жить только настоящим на этой земле. И потому неверия, в сущности, нет. Есть только вера, и есть лжеверие.

*

«Человек ходит подобно призраку» (Пс. 38, 7). Прошедшего уже нет, будущего еще нет, а настоящее — где оно? Реальна только вера в истинную жизнь. «Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. XXVIII, 20).

*

Надо окружать себя доверием к Богу; связывать себя зовами Его и блаженствами.

*

Естество не поспевает за верой. Это страдание, и веры, и естества.

*

Удивительна покорность всякого, даже неверующего, человека Богу, в проявлениях физической жизни, — в дыхании, сердца биении, работе всех органов. Человек может учиться этой покорности у своей плоти, если не слышит ангелов.

*

Каждый новый год и день — самые ответственные и благодатные.

*

Каждая секунда времени приобретает особое значение по мере приближения к финишу.

*

Драгоценность времени видна уже в смерти новорожденных. Даже самое краткое прикосновение человека к времени земному открывает вечность...

*

То, что мы принадлежим не ко времени, а к вечности, это ясно видно из того, как изменяется, расширяется или суживается наше сознание времени. Время иногда «летит», как Ангел, по небу; иногда, как демон, падает в бездну; или оно ползет, как расслабленный, или лежит у купели Силоамской не видя ни Господа, ни даже человека, который ввел бы его в Жизнь.

*

Во времени земном есть особая благодать... Оно может быть землей и небом; и зерном земным, и цветком райским. Оно может плодоносить и быть плодом. Прошедшее, оно может воскреснуть; будучи настоящим, сотворить прошлое; оставаясь будущим, сделаться настоящей ценностью и святыней... Дивно время Богом данное человеку на земле, и всегда могущее быть Богу отданным!

*

Где Я, там и слуга Мой будет» (Иоанн XII, 26). Даруй, Господи, быть мне всегда там, где Ты. В этом — все земное и все небесное. Это «где», есть самое святое место бытия. Оно есть все то, где я следую Тебе, страдаю за Твою правду, откуда хочу быть — и бываю — слугой Твоим.

*

Если человек ищет волю Божию прежде своей, то Господь исполняет даже самые неосознанные, и даже будущие его желания.

*

Человечество Иисусово — это Дом, в котором всех встречает Бог.

*

Хлеб и вино евхаристичны. И все делается евхаристичным, чем и за что человек благодарит Бога. Мир должен стать Чашей благодарения.

*

Многие сейчас молятся... Господи, даруй им молитву совершенную!.. Многие Тебя просят, — исполни их прошение... Многие сейчас насыщаются Твоей пищей, благослови ее... Многие сочетаются в эту минуту браком, — Господи, благослови эти супружества! Многие умирают сейчас, — да будут их последние минуты во благодати Твоей... Многие Тебя ищут, — откройся им! Многие сейчас грешат, — прости их, обрати к Свету. Многие стоят на пороге греха, не допусти их до него! Служащих Тебе укрепи на путях Твоей правды. Прими покаяние кающихся. Многие еще Тебя не знают, — даруй этой молитве быть верою за них... Слава, держава и благодарение Твоей Правде. Аминь.

Великий Четверг. 1945.

*

Если человек, сквозь тишину смолкнувшей речи, так много способен сказать, сколь более — Господь... Господь всегда говорит; даже, когда не слышат Его люди. Пусть не смущаются перестáвшие слышать Господа, пусть говорят с Богом.

*

«Время — деньги», это от лукавого. Время есть начало святой вечности, сокровище неоценимое. Во всех земных делах и в самом времени открывается безграничный простор, обращенный к небу... Мгновение во благодати дороже тысячелетий. Люди все богачи, даже если им осталось земного времени только для одного покаянного вздоха.

*

Во всяком обижаемом, если он не обижается, и не хочет обидеть, есть неотмирное величие; отсвет Христовых страданий.

*

Если бы человек не был так мелко недоволен жизнью, если бы он был глубоко ею недоволен, — как тогда он был бы доволен ею!

Лишь глубокое, метафизическое недовольство этой жизнью может дать человеку душевный мир. Человек — сын великой Любви, и ничто малое ему не свойственно.

*

Беда наша не в том, что мы критикуем все, а в том, что мы критикуем мелко и, в сущности, только мелочи; мы отталкиваемся от порослей зла, а не от его корней. Это мелкое недовольство жизнию, вереница ничтожных протестов и обид на жизнь, сетований на людей, друг на друга, есть плесень человечества. Эта плесень уничтожается только великой неудовлетворенностью, дочерью великой любви, ослепительного видения истины.

*

Научные открытия и все возрастающая техника не открывают царственности человека. Наоборот, они обнаруживают все больше убожество того, кто нуждается в стольких материальных протезах.

*

Печаль одиночества связана с несоответствием человека Господу Иисусу Христу. Чувство «одиночества» есть знак несоединенности со Христом и томления по этой соединенности... Тут сокровеннейший источник жажды людей, так часто ими неверно и гибельно удовлетворяемой — лишь в области телесной и психической...

*

Люди очень нужны друг другу, и очень друг другу приедаются. Нужны они друг другу общностью природы своей, которая есть любовь, и различием даров своих, призванных ко взаимному восполнению... Нужны люди друг другу, но приедаются бесконечной своей суетой и облеканием в торжественность суеты своей...

*

Жизнь в этом мире — плавание по морю. Интерес к этому миру — глотание соленой воды.

*

Земля затеряна в вихревом пространстве отторгнувшегося от Бога, «умершего» времени... Космическая «затерянность» земли есть откровение о ее падении, символ ее временной утерянности для Царства Божия. История человеческих взаимоотношений также может потеряться и теряется в вихрях мертвого пространства и времени... Мир скитается на далеких путях ми-

роздания, как Блудный Сын. И, как этот сын, ест пищу ниже-человеческую.

*

И когда я отхожу от Тебя, Господи, лицо мое обращено к Тебе...

*

В непрестанно совершающемся и никак не могущем в этом мире совершиться, натуральном, весеннем, «воскресении», нет ни для кого спасения. Нет спасения человеку, ни в теории дурной бесконечности перевоплощений, во времени и пространстве разлагающегося космоса, ни в аксиомах науки, ни в «точных» математических истинах, ни в научных физических законах. Нет спасения человеку и в ново-законническом, отвлеченно-богословском поглядении на Благодать, без истинного причастия к Ней... «Камо пойду от Тебя Господи и от Лица Твоего камо бежу»?..

*

В лучших книгах мира истина шепчет и ползет. В Евангелии она летит и поет.

*

Наши человеческие слова так часто бывают теми «7-ю тощими коровами», которые даже проглатывая «7 коров тучных» (слова Божии) от этого не тучнеют, но остаются такими же тощими человеческими словами. Знание о истине это не то, что знание истины. Кроме содержания есть дух слова. Лишь Духом водимые (Рим. VIII, 14) открывают вечно новое в истине.

*

Кто доверяет человечности, в которую во-

плотился Бог, на том ложится печать безыскусственности, простоты.

*

Царство Божие совершается в духе, открывает себя в оценках, отношениях и критериях.

*

Беспечность и многопопечительность, — два крыла, на которых летит удаляющееся от Бога человечество.

*

Защищая правду, не дай мне никогда, Господи, присваивать ее. Даруй защищать, не как свою и не как отвлеченную правду, а как — Твою.

*

Когда удается сделать что-либо доброе, остается сознание, что ты был только развязан от каких-то оков смертности, самости, и тебе дана была свобода — единственная — сотворить Божье дело: именно это, пред тобой возникшее, тебе посланное, неповторимое... Господь запретил ветрам тебе мешать. Он приготовил тебе эту сладкую пищу, чтобы ты, приняв ее, «укрепился» (Деян. IX, 19).

*

Священник окружен тайнами. Как осторожно надо ступать священнику. Тайна рождения, брака, посвящения себя Богу, тайна восстания, прощения, Богоприобщения, Богоблагодарения... Как чутко надо священнику жить...

*

Не могущие ничего принести Богу, могут всегда принести Ему золото своей покаянности, ладан молитвы, смирну своей нищеты.

*

О важном рассуждаем мы пусто, а о пустом — важно.

*

Хорошо ни о чем не думать, чего нельзя было бы сказать; ничего не говорить, чего нельзя было бы оставить навсегда в душе другого человека.

*

Мытарь в нас глубок; но фарисей и в этом хочет утешить нас.

*

Чрез свои сны человек может убедиться, какая пустота и никчемность живет в его душе. Этою же суетностью (иногда и большей) заполняется явь людей... Люди не подозревают всей безблагодатности многих своих желаний, настроений, проектов и мыслительных комбинаций.

*

Война — «потолок человеческой культуры». Ударившись о него, люди ходят, некоторое время, склонив голову. Потом опять поднимают ее...

*

Только грех плоти именуется, в собственном смысле, падением, потому, вероятно, что в этом грехе против чистоты плоти, есть глубина неприятия истины Боговоплощения.

*

«И он обещал и искал удобного времени, чтобы предать Его им не при народе» (Лк. XX, XXII, 6). Совершающий тайный грех, предает Иисуса «не при народе».

*

Царство Божие «усилием берется». Надо «зарабатывать» высшую жизнь, или — нищенствовать, стоять на зное и холоде этого мира, протягивая руку к небу...

*

Если среди только «собранных во Имя Его» Господь обещал быть, как же близок Он к *соединенным в делах Его* на земле.

*

Мы только подбегаем к Господу... *Надо ходить с Ним.*

*

Различие между *плотью, душой и духом* ясно можно видеть в старости и при некоторых кончинах праведных людей. Психически силы человека притупляются, тело отмирает, а — дух бодрствует. Душа связывается, тело разлагается, а дух возвышается, торжествует и блаженствует...

Доказательство *личного* бессмертия в Боге.

*

В торговле есть своя метафизика. Нет, кажется, большего удовольствия человеку, как продавать, покупать. Ему кажется, что он расширяет, увеличивает себя, в этих куплях и продажах. Кажется ему, что по-

купая, он нечто прибавляет к себе и приобретает власть над новой частью мира, столь непокорного ему. Такова «метафизика» покупки. А при продаже человеку кажется, что он меняет менее для себя ценное на более ценное, то есть осуществляет (в наиболее легком плане, материальном) духовную цель своего бытия.

Но вся торговля земли есть только образ жизни духовной. Проходящие ценности мира даны для «покупки» жизни вечной — умножения небесной любви.

*

Целый мир не-осуждения —на выбор;
Я не имею права осуждать;
Я не должен осуждать;
Я не привык осуждать;
Я боюсь осуждать;
Я не хочу осуждать;
Я не могу осуждать;
Я не люблю осуждать...

*

Есть люди — клинья, и есть люди — звенья.

*

Почему Церковь не освящает театра? Она признает актеров и зрителей, как людей, только в их раздельности. Ведь настоящая их человечность проявляется только тогда.

*

Математическое и физическое открытие значительности бесконечно малых миров, есть откровение

о реальности и значительности в мире и малейшего человеческого добра; и малейшего зла.

*

Искусственно измененное подкрашенное лицо, теряет тонкие черты неповторяемой личности человека. Лишаясь своей небесной неповторимости, лицо становится коллективным, стандартным.

*

Молитва за ушедших с этой земли, очищает и сердце самого молящегося от всех ненужных осадков, в отношении этих усопших. Молитва за живущих на земле может быть и корыстна, и своевольна. Молитва за усопших такой не бывает; она всегда источает небесную очищенную любовь, истинный воздух вечности.

*

Чрез молитву мы соединяемся с другим человеком все по-новому, и все по-лучшему... Молитва очищает бывшие, настоящие и будущие отношения.

*

В противовес бывающей в мире неистинной близости, надо иногда осуществлять неистинную отдаленность.

*

Когда воля человека очистится от зла, тогда все становится даром «сходящим Свыше». Все делается тогда исполнением желания самого человека. Это и есть «Царство Божие пришедшее в силе»... Тут уже нет ничего «малого», все огромно, безгранично... С этого пира апостол говорил свои бо-

гочеловеческие слова: «ничего не имеем, но всем обладаем»...

*

Ценность предмета зависит не только от него самого, но и от того, кто этот предмет дает, или имеет. Ничтожное становится драгоценным, только оттого, что его имеет или дает какой-нибудь большой, известный всем человек... Это и закон религиозной аксиологии. До бесконечности возрастает ценность всего, что исходит, созерцается исходящим от Источника всех сокровищ. И самое малое Божие бесконечно выше самых великих человеческих ценностей... Принимать все, как от Бога, — это значит обладать несметными сокровищами.

*

Покаяние есть оттеснение себя к блаженной вечности. Освобождение своего настоящего, прошедшего и будущего от всего небожественного.

*

Забвение есть такой же дар Божий, как и память. Мы бы сошли с ума, если б все помнили или все забыли.

*

И на свою надежду тоже нельзя иметь надежды. Только — на великую Божию милость.

*

Как ответственно всякое желание. Господь исполняет и тайные наши желания.

*

Осуждение человека не всегда бывает от неприязни. Иногда, от излишней осторожности, боящегося разочарования, немужественного сердца; или от избытка своего (когда-то, где-то не оправдавшегося) доверия к другому человеку...

Мало в мире простого, евангельского подхода людей друг ко другу, — без подозрительности и без идеализации, без требований предъявляемых, без «счета» за любовь.

*

Грязь грязнит, но, сама по себе, она есть не замарываемая чистота. Всё чисто, что из земли, и что земля. Откуда же «грязь»?.. Она есть оценка духа, усвояемая не природе, а отношению. Нарушение определенного соотношения вещей и ценностей и есть нечистота. Грязь на земле — чистота, грязь на лице — нечистота... «Нечистый дух», это дух с нарушенным строем, с неверно утверждаемыми жизненными отношениями.

*

Материализм ошибается не в признании значения материального мира, а в непризнании духовных законов, управляющих материальным миром. Самое понятие «закона» есть понятие не о материальной, а о духовной реальности. Искание закономерности есть уже духовное искание, как и стремление к справедливости, освобождению других «от эксплоатации»... Всякое движение человечности духовно. Человеку некуда уйти от духа.

*

Сладость греха проходит; яд же греха глубоко входит в духовный и физический организм человека.

Боль от преодоления греховной сладости проходит, а благословение этого преодоления остается на вечность.

*

Люди строят памятники праведникам, которых избивают. Мертвые праведники возвышают всех чтущих их, и ничего от них не требуют. А живя среди людей, они мучают многих своими словами и поступками, показывают всех в невыгодном свете. Рядом с праведниками все кажутся неправедными. Не желая себя таковыми осознавать, люди восстают против живых праведников, изгоняют их и побивают камнями. Убитые же, безмолвные, бездеятельные праведники не мешают. Оттого им так легко строить памятники, украшать их гробницы и канонизировать их.

*

Есть «люди-государства», и есть «люди-церкви». Психология их различна и не одинаково их отношение к окружающему... В одних цветут государственные добродетели: долг, честь, сознание своего достоинства, стремление к славе земной, чувство законности, понимание своих обязанностей, защита своих прав. Эти люди-государства укоренены в родовых отношениях и национальных связях... У людей-церквей преобладает чувство милосердия и сострадания над правом и законностью; правда их в служении другим и незамечания в себе ничего доброго. Им ясна вселенскость человека. Мир страдает от недостатка людей-церквей.

*

В приходе веры заметен лишь итог, а не процесс. Так земледелец, по удивительному слову Евангелия, «и спит и встает ночью и днем; и, как семя всходит и

растет, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе» (Марк IV, 27, 28).

*

На молитве слушает нас Господь и отвечает нам. Иногда слушает, но не отвечает. Бывает, что слушает и хочет слушать (когда в истине молимся Ему), а в иное время слушает, но не хочет слушать (не угоден Ему дух нашего моления). Трепетно, прозрачно, должно быть предстояние Богу. Никогда не бывает, чтобы совсем нас не слушал Господь.

*

Человеческое слово крикливо; Слово Божье молчаливо. Иногда хочется, чтобы и в храмах ничего не говорили.

*

Безвидно сияет Господь. Мы плохо видим мир от этого сияния.

*

Исчезают праздники христианские. Праздничность и будничность остаются лишь, как различного характера, возбуждение людей.

*

Пришло время увидеть во всяком дне — праздник Истины Господней; в каждом празднике усмотреть время особенного служения. Господь — Вечный наш Праздник, непрестанное наше служение...

*

Канонизация святых, в сущности, есть признание человека нормальным. Если вы не причислены к сумасшедшему дому (к миру неверных и быстро протекающих ценностей), значит вы, до известной степени, «канонизированы», с точки зрения психиатрического канона. В Церкви, где реальность мира до предела обострена, человек признается нормальным, только если он праведен. Психология мира обратила святых, очищенных, в своей человечности людей, — в людей исключительных. Но «исключительны» только грешники, предпочитающие порабощающий и мучающий их грех, — божественной свободе от зла. Даже если бы только такими людьми была наполнена земля, они все-таки были бы «исключительны».

*

Есть две божественные «внесправедливости», иногда кажущиеся людям несправедливостью: страдания в мире праведников и Божия милость ко грешникам.

*

Стремление к деньгам есть стремление к магическому, внешнему овладению вещами и людьми... «Все куплю, — сказало злато». Мечта алхимиков о превращении всякой материи в злато осуществляется и осуществлялась уже в их дни, хотя они этого не понимали. Есть что-то алхимическое во всякой продаже и во всякой покупке. Легкий и быстрый создатель всего внешнего и медиатор — деньги; это легкий превратитель «всего» — во «все», быстрый, почти сказочный осуществитель человеческой воли... Вот отчего кланяются мамоне богатства. Надежда на мамону, а не на Бога, есть как бы «нормальная атмосфера» этого мира, личных, общественных и государственных расчетов. Удивительно ли, что сгорают эти расчеты...

Машины есть продолжение, бесконечное расширение горения плоти. Плоть движется внутренним горением. Но ее горение не соединенное с горением духа в Боге, есть «тьма внешняя и скрежет зубов». Этим скрежетом наполнен мир.

*

Из многих тонн угля добывается грамм радия. Из многих книг, газет, слов, речей, проповедей, добывается малый отблеск истины.

*

Огонь, который низвел на землю Сын Божий, и о возгорении которого Он так томился, есть вышеестественная жизнь в человеке. Все живущее и томящееся томится по этому огню. Не доверяющие Слову Христову, бросаются, как бесноватые, «в огонь и в воду» (Мр. IX, 22)...

*

Вера, это, когда человек не отождествляет себя ни с чем добрым и светлым, но хочет жить и живет в добре и свете. Вера, есть то, что живет Богом а не собой.

*

Вера не есть лишь ожидание; это есть уже сама Реальность... «Верою» люди «побеждали царства», (Евр. XI, 33) то есть реальности этого мира, и «прогоняли полки чужих», несвойственные подлинному человечеству эмоции, мысли, инстинкты...

*

Прохождение земли и всех звезд по величайшим

пустотам есть урок того, что все ценности видимого мира «висят в пустоте». Урок донельзя наглядный.

*

Люди, в сущности, делают все безвозмездно... «Мзда» их слишком ничтожна, чтобы «оплатить» человека. Одно движение человеческой руки, один взгляд человеческий, — дороже всякой материальной ценности, которая может быть взята этой рукой, или усмотрена этим глазом...

*

«...Один у вас Наставник Христос» (Мф. XXIII, 10). В этом вся сила обещания вести каждого человека на его путях. Какая нежность в этом слове. Мгновенное разрушение всей паутины диавольских внушений об «одинокости» человека в мире...

*

После того, как Мария (душа) отирает волосами ноги Иисуса, дом (жизнь) наполняется благоуханием от мира. (Ин. XII, 3).

*

Целая программа истинного пастырствования исходит из уст лжепастырства (Мф. XXII, 16):

1. «Ты справедлив,

2. и истинно пути Божию учишь

3. и не заботишься об угождении кому-либо, (ибо) —

4. не смотришь ни на какое лицо».

*

Совершеннейшее доказательство Божьего Бытия,

в том, что мы Его не видим глазами, обращающимися в пыль.

*

«Нуждается» ли Господь в человеке? «Нуждается» не для Себя, а для человека... В этом высшая любовь — нуждаться не для себя.

*

Совершенно новое понятие пространства: «где Я, там и слуга Мой будет» (Ин. XII, 26). Это пространство особое, новое. Слугам одним оно ведомо; от других скрыто.

*

Господи, прости нас за то, что мы радуемся о Тебе больше, чем страдаем за Тебя...

*

В зрении, в слышании, в омовении, в памяти и забвении, в принятии пищи, в непрестанном стремлении ко всему ценному, нужному, необходимому — во всем, — человек обнаруживает свою нищету, свою нужду в восполнении... И путь человеческого единения с Богом есть прежде всего вхождение в дух нищеты.

*

Всё мироздание стоит ради целомудрия... Всё дышит и живет ради целомудрия. Всё зачинается и растет ради целомудрия. Всё размножается и наполняет землю ради целомудрия. Всё болеет и беднеет ради целомудрия. Всё страдает, стареет и умирает ради целомудрия, наивысшего осуществления его.

*

Мера мудрости человека определяется и мерой его евангельской ненависти к себе.

*

Молитва по книге («не своя») изображает удаленность человека от Бога. Молитва без книги («своими словами») есть образ близости человека к Отцу. Тот и другой образ молитвы правдив для падшего человека.

*

Духи злые жестоко расправляются со своими союзниками. Будучи мстительными, и не имея возможности мстить своим врагам, Божьим людям, они всегда мстят своим друзьям... Допускается это обнаружение зла в мире, чтобы оттолкнулся от него человек. Неверующий в Бога, не верит и в совершеннейшее лукавство, в самоубийственность зла.

*

Рушатся на наших глазах здания и царства, «расчитанные на тысячелетия»... Всё молниеноснее совершаются в мире Божьи Суды. «Ибо время близко» (Откр. I).

*

Слабости тоже надо учиться. Слабость есть знание и мудрость. «Университетом слабости» можно назвать человеческое тело, его утомляемость, его сон, его болезни, страхи, непрестанное умирание... Человеку — предлежит обучиться слабости своей человеческой. А потом — придет вера, ее жажда...

*

В земной жизни есть особое блаженство: радость о Господе, среди твоей и общей тленности, болезнен-

ности и смертности... Люди возвышены этим над ангелами.

*

Одним волоском, помыслом, как паутина тонким, от человека может заволокнуться всё небо.

*

Не откровений надо искать, а верности. В откровениях Господь служит человеку, а в верности человек служит своему Господу.

*

Во всякую погоду люди творят свои дела... В сущности, люди всегда «верят» в хорошую погоду, «в солнце», живут его светом и теплом, даже, когда льет дождь, бушует ветер. Все «живут солнцем». Неверие злу, вера в добро легко осуществляются в мире материальных явлений. Колумбы и Магелланы мира знают, что за всеми бурями есть тишина, за всякой тьмой свет, за туманами — ясность и за колеблющимися неверными стихиями — твердая почва, на которой можно строить жизнь.

Но в области духа человеческого это неверие в злое, неприятное и временное, бывает для человека труднее, хотя над духовными облаками и туманами, сияет гораздо более яркое и никогда не заходимое Солнце, Христос... Для чего же указывать на туман, на падающий «с неба» холод и горе?.. Для чего говорить: «если бы существовало Солнце, как могло бы это все быть?»... В теперешнем состоянии (великой неверности человека Истине) естественно быть внизу, и болезням, и холоду, и бурям...

*

Небо и земля учат человека чистоте. В каждой чистой рубашке, в каждом новом предмете, убранной комнате, есть поучение... И — странно: все люди (кроме дефективных) любят чистоту, всем приятно одевать чистое, жить в чистом. Но не у всех это переходит в сферу духа. Православие есть именно это.

*

В не предании себя Господу Иисусу Христу — начало предания Его врагам.

*

Неверующие люди не могут опровергнуть веры, а верующие могут, — не живя по своей вере.

*

Как белого ягненка, я закалываю Тебе, Господи, каждый мой день. Твоя это жертва, и Тебе, от Твоего творения, приносится. Огонь, на котором я пеку ее, моя вера. Не сокрушаю костей этой жертвы, не разделяю времени, Тобой мне данного, на удобное и неудобное, для служения Тебе. Пеку средь дороги эту Пасху мою и ем ее с горькими травами...

*

Я бы хотел, чтобы мир, во мне обитающий, Тебе Господи послужил. Чтобы косное, законам Твоим непослушное естество мое, Твоего слова послушалось, как завеса, которая разодралась в храме, и камни, которые расселись, и гробы, которые отдали своих мертвецов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

II. СПУТНИКИ ДАМАССКОЙ ДОРОГИ

О незаметных деятелях апостольского времени

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street.
New York 12, N. Y.

Цена $3.00

